ДАГЕСТАН

№ 2 (11)

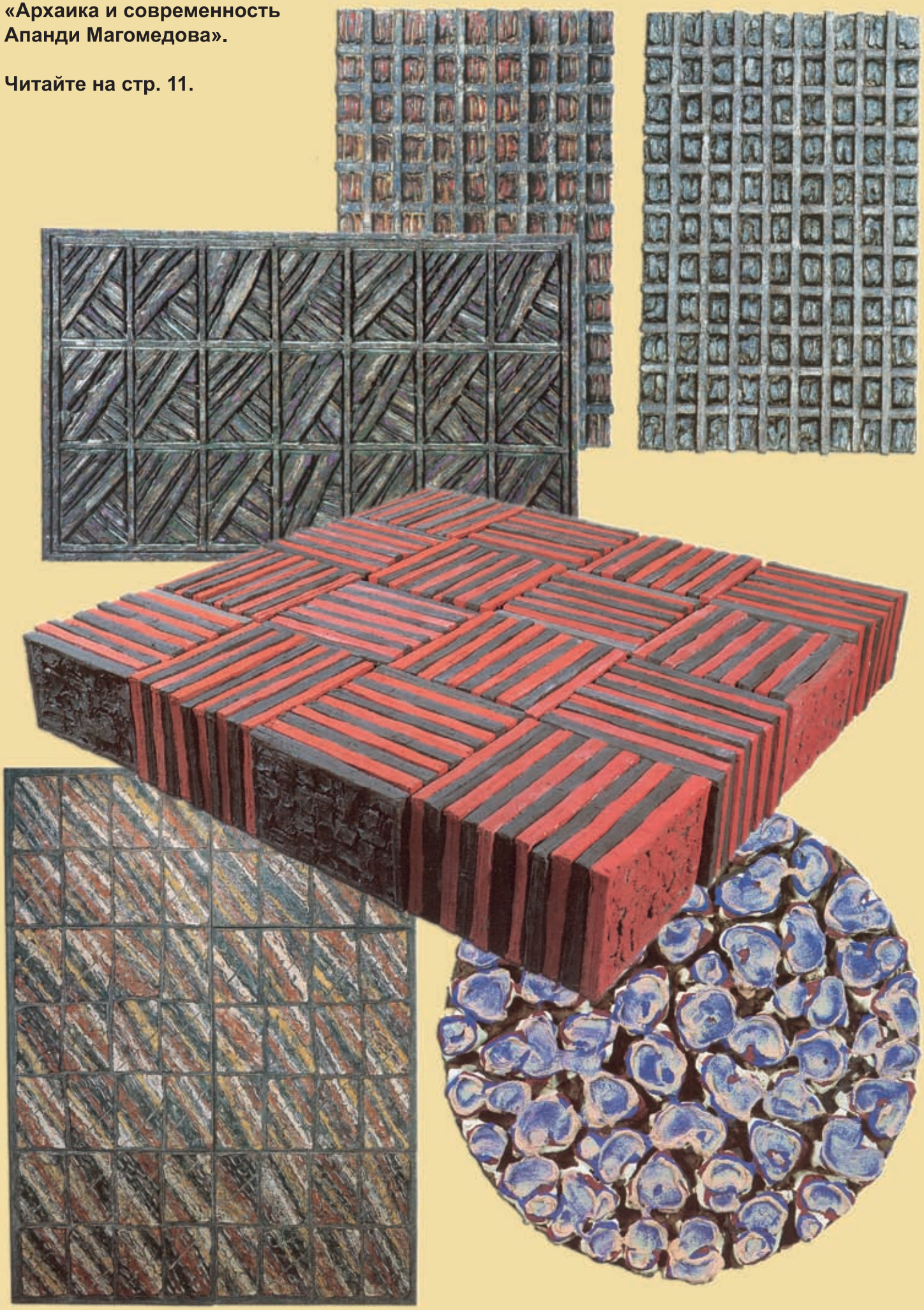
«Россия – летопись славы» –

так называлась телевикторина, проходившая с февраля по ноябрь прошлого года в эфире Первого канала. Проект был посвящен истории российской армии, героическому прошлому страны.

Отрадно, что абсолютной победительницей конкурса признана дагестанка Айнургаят Умаханова. Это свидетельство того, что в Дагестане знают и любят свою страну лучше и крепче, чем во многих других регионах России – от Балтики до Тихого океана.

«Архаика и современность Апанди Магомедова».

Читайте на стр. 11.



РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2(11)

ДАГЕСТАН

март/апрель 2004

Выходит с августа 2002 года. Периодичность – 6 раз в год.

УЧРЕДИТЕЛИ: Министерство по национальной политике, информации и внешним связям РД, Союз писателей РД

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

Загир АРУХОВ,
министр по национальной политике, информации и внешним связям РД
Магомед АХМЕДОВ,
председатель Правления Союза писателей РД
Людмила АВШАЛУМОВА,
член Госсовета РД, первый проректор ДГУ
Расул МАГОМЕДОВ,
доктор исторических наук
Булач ГАДЖИЕВ,
народный учитель СССР
Казбек СУЛТАНОВ,
литературовед
Марина АХМЕДОВА,
поэт, переводчик
Камиль ХАНМУРЗАЕВ,
доктор филологических наук
Космина ИСРАПИЛОВА,
поэт, прозаик
Арбен КАРДАШ,
поэт
Шапи КАЗИЕВ,
писатель

Редакция:

Далгат АХМЕДХАНОВ, главный редактор
Мурад АХМЕДОВ
Гаджикурбан РАСУЛОВ
Джамал РАБАДАНОВ
Ольга МАТАЕВА
Хуризадай МАГОМЕДОМАРОВА
Байгиши БАЙГИШИЕВ
Хаджимурад ЗУРГАЛОВ

СОДЕРЖАНИЕ:

ОБЩЕСТВО

Константин ЗАЧЕСОВ — **политология**
Интернационализм и культура. Или: «Ты какой нации?»...2
Бийке КУЛУНЧАКОВА — **мораль**
Лицемерие и Ненасытность. 3
Нух ГАРУМОВ — **пятая графа**
Русский фактор и консолидация дагестанцев. 4
Хайбула МАГОМЕДСАЛИХОВ — **судьба**
Ольга Николаевна из селения Гуни. 8
Гусейн ГУСЕЙНОВ — **наследие**
Али Каяев: неизвестные подробности. 9
Джамиля ДАГИРОВА — **искусство**
Архаика и современность Апанди Магомедова. 11
Инна РЕЗНИКОВСКАЯ — **наши земляки**
Кавказские пленники Израиля. 13

ЛИТЕРАТУРА

Вадим КЕРАМОВ — **проза**
Белак. 16
Наталья НАЙДЕНОВА — **поэзия**
Крик дождя. 20
Булач ГАДЖИЕВ — **былое**
Из книги, которой пока нет. 22
Сугури УВАЙСОВ — **стихи для детей**
Не знал, что я сильный! 27
Зулейха МАГОМЕДОВА — **молодые имена**
«Верба» – глагол с дагестанским акцентом. 28
МАГОМЕД-РАСУЛ — **рецензия**
Исследовательский взгляд ученого. 34
Патина ВАРИСОВА — **память**
Стихи, война и психология. 35
Магомедбек ОСМАНОВ — **сатира и юмор**
Кое-что о голове. 37
Яхья ЯХЬЯЛОВ — **сатира и юмор**
Зульпукар. 38
Алё!. 39
Кроссворд. 40

Редакция рассматривает рукописи не более одного печатного листа. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность цитат, фактов, названий, имен несут авторы.

Мнение редакции не всегда совпадает с точкой зрения автора материала.

Редакция вступает в переписку по своему усмотрению.

При перепечатке ссылка на «Дагестан» обязательна.

Адрес редакции:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й этаж (в здании Союза писателей Дагестана).
Телефоны: 670203 (главный редактор),
670208 (зам. гл. редактора, отделы публицистики, культуры и литературы).
E-mail: dagjur@iwt.ru

Банковские реквизиты:
Р/с 40603810602800140487 в Махачкалинском филиале МАКБ «Возрождение» г. Махачкала, К/с 30101810500000000882, БИК: 048209882, ИНН: 0562053040 КПП 056201001 ГУ Редакция журнала «Дагестан»

Журнал зарегистрирован 23 июля 2002 года Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ № 10-4793.

Номер набран и сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан». Отпечатан в Республиканской государственной газетно-журнальной типографии. Адрес типографии: г. Махачкала, пр. Насрутдинова, 61.

Усл. п. л. – 5. Тираж – 1000 экз.
Номер заказа –Подписной индекс – 78434.

Цена номера в киосках «Роспечати» – 15 руб., у общественных распространителей – свободная.

ОБЩЕСТВО

ПОЛИТОЛОГИЯ

Константин ЗАЧЕСОВ,
кандидат философских наук

Интернационализм и культура. Или: «Ты какой нации?»

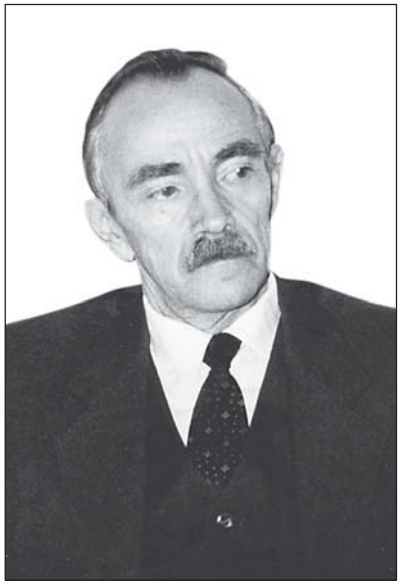
Прежде часто употребляемое слово «интернационализм» у нас уже практически не применяется. Ни в социологии, ни в публицистике. Ему на смену почти незаметно пришло словосочетание «культура межнационального общения».

В принципе это понятно: утратив свой прежний «пролетарский социалистический» интернационализм, многие из нас скоропалительно решили, будто утратили интернационализм вообще. Или, будто его на самом-то деле и не было, будто он – просто выдумка коммунистов былых времен, идеологическая словесная пустышка, пропагандистская фикция.

Но стоило нам разочароваться в интернационализме, отряхнуть его прах с наших ног, – и перед нами тут же начал бродить призрак национализма. Сначала – призрак, а потом и его вполне материальное, и потому особенно отвратительное и опасное воплощение. Вплоть до фашизма.

Это вызвало в обществе весьма многозначную реакцию. Кто-то ностальгически затосковал по почившему в бозе «пролетарскому социалистическому» интернационализму и сейчас безуспешно пытается его реанимировать, кто-то, махнув на него рукой, с энтузиазмом бросился в объятия к национализму, кто-то с надеждой обратился к понятию «культура межнационального общения», надеясь, что оно, авось, заменит нам категорию «интернационализм», как и его самого заменит эта самая культура.

Но большинство из нас все-таки (и это наглядно демонстрируют социологические исследования дагестанской студенческой молодежи) оказалось в своего рода тупике: это большинство твердо считает себя интернационалистами, но... затрудняется точно сказать, что это, собственно, такое – интернационализм на современном этапе. А уж о соотношении интернационализма и культуры межнационального общения в умах наших вообще безраздельно царит хаос. На этом фоне национализм продолжает отчетливо проявлять себя (недавняя выборная кампания в Госдуму это достаточно ярко продемонстрировала), а надежды на культуру межнационального общения, как на панацею, оказываются в сложившейся ситуации, мягко говоря, малоэффективными, если не эфемерными.



Особенно остро это противоречие массового сознания проявляется именно у нас, в Дагестане. И в силу его исторических интернационалистских традиций, и в силу его геополитического положения, и в силу его многонациональности. И проявляется это противоречие уже почти болезненно: дагестанцы не хотят в массе своей отмахиваться или отказываться от интернационализма (почти интуитивно чувствуя, видимо, что в подобном случае национализма им не избежать, а его гибельность для республики самоочевидна), но не представляют себе, в чем, собственно, их интернационализм сегодня состоит. Во всяком случае, сравнение результатов социологических исследований в Дагестане, проведенных в последние годы, и аналогичных, полученных в иных регионах России, позволяют сделать именно такой вывод. И апелляция к культуре межнациональных отношений одинаково не спасает в нынешней обстановке как дагестанцев, так и всех россиян.

В рамках одной статьи нет возможности рассмотреть все причины, приведшие наше общество к подобному положению дел. Надо лишь подчеркнуть, что интернационализм у нас, конечно же, не умер, хотя о нем умолкли наши СМИ, наши высокомудрые специалисты, наши политики и вообще чуть ли не все, кто, казалось бы, по велению сердца и служебного долга обязан ныне понять его и говорить о нем в полный голос. А национализм пока еще не превратил всю нашу планету из колыбели Разума в его обелиск. Исчез не интернационализм, а его исторически-преходящая пролетарски-социалистическая форма. А это означает лишь, что на смену ей неизбежно должна придти другая, высшая его форма. Выработать, как и принять ее – наша задача, диктуемая уже всеобщей потребностью самовыживания, всеобщим инстинктом самосохранения.

В чем сегодня (как и всегда – без пролетарски-социалистической шелухи) суть интернационализма?

Мне доводилось в печати проводить мысль о том, что интернационализм в своей основе состоит в признании людьми какого-либо компонента

(или комплекса компонентов) общественной жизни более важным, чем национальные различия между нами, нашими национальными чувствами, привязанностями, страстями и т.п. Именно на таком признании базировался наш прежний пролетарский социалистический интернационализм. Ведь он и заключался как раз в признании того, что пролетарски-социалистические цели ценнее национальных градаций. Их ценность при этом не отрицалась, но ограничивалась превалирующей ценностью созидания социализма и коммунизма. Эта превалирующая ценность теперь исчезла, перестала ограничивать национальные компоненты реальной жизни. И национальные ценности «прорвались» в массовом сознании на авансцену мировосприятия. И мы получили национализм в его явном виде.

Что отсюда следует?

Не оплакивать надо интернационализм, как таковой, не паниковать в полной духовной дезориентации и в праведном, но бесполезном гневе по поводу национализма. И, конечно же, не кидаться к нему на шею или пресмыкаться перед ним. И не реанимировать пролетарски-социалистический интернационализм, что бесполезно, бесперспективно. Надо принять новый ценностный приоритет по сравнению с национальным компонентом нашей реальной жизни, приоритет, соответствующий условиям современности.

Я уже высказывал публично свою точку зрения относительно и этого приоритета. На мой взгляд, таким приоритетом должны стать человек, его жизнь, его личные права и свободы. В упрощенной формулировке такая форма интернационализма, которая может быть определена как гуманистическая, может быть выражена примерно так: «Человек, его жизнь, его права, его личные свободы, его профессиональные, деловые, нравственные качества – важнее его национальности!».

Чем раньше большинство из нас поймет и примет эту мысль в качестве личного убеждения – тем быстрее утвердится новая современная форма интернационализма – гуманистический интернационализм. И тем больше у нас будет гарантий, что демон националистической заразы не вызовет среди человечества вообще, в России и в Дагестане, в частности, всеобщей самоубийственной эпидемии. И тогда у нас вновь уйдет на второй, третий или на четвертый план столь распространенный ныне вопрос при первом между незнакомыми людьми общении: ты какой нации?

А как быть с культурой межнационального общения?

Думается, это понятие отражает не просто взаимоуважение, корректность, терпимость и т.п. в отношениях между людьми разной национальной принадлежности, но и, главным образом, уровень осознания ими вышеупомянутого гуманистического ценностного приоритета. Следовательно, интернационализм и культура межнационального общения – не одно и то же. Между ними отношения не координации, а субординации: культура межнациональных отношений – производное от интернационализма, характеристика последнего – показатель уровня его развития в той или иной его форме. Человек культурен в межнациональных отношениях ровно настолько, насколько он интернационален. И – наоборот. Но доминирующая роль в этом соотношении принадлежит все-таки при всех условиях именно интернационализму, его формам, закономерностям его функционирования и развития.

Надеюсь, что предлагаемый в настоящей статье взгляд позволит дагестанскому читателю глубже понять и осознать как свой собственный интернационализм, так и проявление интернационализма в культуре его собственного межнационального общения.

МОРАЛЬ

ОТ РЕДАКЦИИ. Каждый в наше смутное время находит свое объяснение тому, что происходит вокруг. И в каждом объяснении есть своя доля истины. Вот еще одна...

Бийке КУЛУНЧАКОВА,
народный писатель РД

ЛИЦЕМЕРИЕ

Сегодня в дагестанском обществе немало людей, на чьем счету больше грехов, чем добродетелей. На формирование характера влияет много причин: гены, родители, среда, в которой человек растет, цели, которые он ставит перед собой, время, в котором он живет, и многое другое. А среди распространенных ныне человеческих грехов я бы посчитала самым распространенным лицемерие.

Для чего люди лгут? Ложь – орудие для совершения зла, способ достичь цели непорядочным путем. Конечно, бывают случаи, когда ложь необходима для защиты не только своих интересов, но и страны, друзей, родных. Но такая надобность возникает редко. Большей частью люди обманывают из корыстных побуждений. Человек лжет сознательно, хотя точно знает, что поступает плохо. И не беспокоится, что если от его лжи кто-то пострадает, то за нее потом придется платить ему уже своими потерями.

В нашей стране за годы перестройки появилось целое поколение мошенников и аферистов, которые используют малейшую возможность, чтобы разбогатеть обманом. Доходят до того, что, представившись работниками соцзащиты или правоохранительных органов, забирают у бедных стариков их мизерные сбережения. Мошенник в данном случае совершает два преступления: приносит материальные потери жертве и убивает в ней доверие к людям. И он будет обманывать до тех пор, пока не сядет в тюрьму. Но и там не будет раскаиваться, а лишь сожалеть, что попался. А если, пройдя через мытарства зоны, он опять возьмется за старое, то последует наказание божье.

Есть однако люди, которые никогда не сядут в тюрьму, напротив, они будут занимать довольно высокие должности и будут продолжать мошенничать. Таких наказывает только Бог... болезнями, несчастиями... Они тоже, как и простые мошенники, плохо слышат голос Бога в своей душе. Азарт, самоуверенность, карьеризм не дают им его услышать. В их поведении больше гибкости, лицемерия, потому что они не глупы и даже порой талантливы. Беда в том, что их талант не служит созиданию. Результат их «работы» – разрушения, кражи, потери, разочарования. Как бы лицемерие не зак-

рывало от людских глаз истинный смысл их желаний, результат их поступков все выдает. Окружающий их мир не глуп и умеет делать выводы. И для них неизбежны с одной стороны – наказание Всевышнего, а с другой стороны – осуждение людей. Стоит ли таким образом растрачивать свой талант? Но каждый делает свой выбор!..

Кстати, именно из людей, склонных к лицемерию, выходят провокаторы и стукачи. И интриганы – мерзкий тип людей без комплексов, у них отсутствуют стыд, смущение, сожаление, преданность, уважение, сочувствие... Интриган жаден до денег и к тому же жесток и труслив. Интриганы играют порой как талантливые актеры, потому что от природы умны, но ум их однобок. Доброта ему непонятна, таких людей он считает глупыми, и ему обидно, что их успехи принадлежат не ему, самому «умному».

Ему эта мерзкая работа нужна, чтобы на этом заработать деньгами, подарками, услугами. Стукач всегда надеется, что его подлость недоказуема, потому и ведет себя уверенно. Вспомните, что в школе самым обидным прозвищем было слово «ябеда». Дети еще не прошли через практику лжи, потому и говорят, что видят.

НЕНАСЫТНОСТЬ

Этот порок затягивает человека в омут алчности. В его душе один бог, одно желание – иметь все больше и больше. Я сознательно не употребляю слово «богатство», потому что предметом такого желания могут быть и деньги, и власть, и слава, а порой – и все вместе. Ненасытный человек, возможно, как и все, будет время от времени молиться Богу. Но он не будет благодарить Всевышнего, он будет просить и просить.

Если ненасытный больше всего хочет богатства, он его непременно получит, так как его силы все время будут работать на эту цель. Скажем, человек поехал в Сибирь на заработки, сумел как-то устроиться. Вначале он хотел заработать на машину. Конечно, в условиях Сибири нелегко работать, надо иметь терпение, трудолюбие, здоровье, ведь он будет зарабатывать деньги честным трудом. Машина куплена. Теперь он собирает на покупку квартиры. Купил однокомнатную квартиру, перевез туда жену и детей. Через какое-то время с помощью своей компании, фирмы, предприятия покупает двухкомнатную квартиру, а прежнюю сдает за хорошие деньги в аренду. Поняв, что это выгодно, продает машину, добавляет и покупает еще одну квартиру. Ее тоже сдает квартирантам. За семь лет работы в тяжелых условиях он ни разу не поехал отдыхать и лечиться, желание иметь больше гнало его все время вперед. Через десять лет работы он покупает два участка, один в городе, другой в соседнем поселке, покупает двухэтажный дом у себя на родине, покупает новую машину.

Все шло до сих пор отлично, но как-то незаметно он начал болеть. Часто поднималась температура, появлялись слабость, одышка. Врачи поставили диагноз: туберкулез легких. Внешность тоже изменилась: он сильно похудел и почернел лицом. Чуть-чуть подлечился и опять ушел в омут. Ему говорят, что требуется сложная операция, лучше поехать в Москву, компания даже оплатит какую-то часть расходов. Жена предлагала продать одну из квартир и пустить деньги на лечение. Ему эта идея не понравилась, но он обещал взяться за свое здоровье летом. До лета оставалось всего три месяца. В мае ему стало плохо, жена отвезла его в Москву, а там сказали, что от легких почти ничего не осталось, через месяц он умрет. Привезли его на родину в новый дом, где все дышало благополучием и комфортом. Здесь жила его мать.

Мужчина планировал свою старость провести в этом доме, а теперь он умирает, ему всего 39 лет, никто не в силах помочь ему, даже мать со своими мольбами Богу. Всевышний отвернулся от него. «Дайте мне глоток воздуха, глоток воздуха!» – кричал мужчина. Воздуха вокруг было много, но он его не получал. «Почему я не лечился, почему?!» – повторял он за день сотни раз. И ответ нашелся. Перед смертью мужчина попросил жену уберечь детей от ненасытности. «Это такое болото, не выпустит и погубит зазря, – сказал он посиневшими губами. – Устал я, хочу умереть быстрее».

Измученное и почерневшее страданиями лицо после смерти выпрямилось и побелело. «Бог простил его», – прошептала мать.

* * *

Разве мало примеров в истории, когда ненасытные империи, достигнув небывалого расцвета за счет завоеваний, терпели за короткое время полный крах, исчезали с лица земли, оставив после себя руины. Почему? Потому что они строили свое счастье на беде других, разрушали то, что сумели построить другие, отнимали у них право выбора, подаренное им Всевышним при рождении. И не могли остановиться на достигнутом.

Разве это может остаться без наказания?!

Нух ГАРУМОВ,
аспирант Академии государственной службы при Президенте РФ

Население нашей республики исповедует четыре мировые религии, причем в их разных ветвях. Существуют в ней также четыре разные языковые группы и 28 языков, проживают 7 разделенных народов. На это, особенно в последнее 15-летие, накладывается возросший интерес к возвращению к национальным корням, защите национальной самобытности, самоопределению. И в данной ситуации может показаться противоестественным вести речь о консолидации дагестанских народов как полиэтнической общности.

Тем не менее, в этнических недрах Дагестана имеют место явные тенденции консолидации. Русское население республики в этом процессе выступает в роли катализатора. Определенная часть общественности республики периодически возвращается к вопросу об общеэтническом самоназвании. Этноним «дагестанцы» употреблялся прежде как гражданско-географический термин. Теперь он стал все больше восприниматься как общеэтническое самоназвание, что свидетельствует о росте числа людей, ощущающих себя представителями консолидирующейся общности.

ПЯТАЯ ГРАФА

Русский фактор и консолидация дагестанцев

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Такая консолидация имеет ряд объективных предпосылок. Одна из них – **общность исторических судеб.** Ведь Дагестан с древности находится на путях из Азии в Европу и обратно. Его народы много раз подвергались иностранным нашествиям с юга и с севера, совместно сражались за независимость. В совместной борьбе сложились общие идеалы и традиции, общедагестанский патриотизм.

Вторая предпосылка – **хозяйственная взаимозависимость горных и равнинных районов.** Реальное воплощение она получила в советский период. За горцами на равнине закреплено около 1,1 млн гектаров зимних пастбищ, благодаря чему получило развитие отгонное животноводство. Параллельно осуществлялось переселение горцев в города и на равнину. В результате сложилось смешанное национальное проживание. К примеру, в республике проживает 105 тыс. лакцев, из них 64% проживает в городах, 36% в сельской местности. В горах же, на исторической территории, осталось только 19% лакского населения. Более же всех на этнической территории в горах сохранились аварцы, и то только 46% из 612 тысяч. В городах республики аварцев проживает 31%, на равнине в сельской местности – 23%. О том, насколько интернациональным стало население даже в сельской местности и насущным поэтому стало обучение на русском языке, показывает национальный состав начальных классов в школах Тарумовского района, прежде заселенного в основном русскими: русские – 116, аварцы – 104, даргинцы – 75, азербайджанцы – 21, лезгины – 11, лакцы – 10, табасаранцы – 10, кумыки – 9, прочие – 33. Такая же интернациональная картина характерна для всех городов и равнинных районов республики.

Третьей важной предпосылкой является рост числа **межнациональных браков**. По данным махачкалинского горЗАГСА, в течение последних 25 лет ежегодно заключаются 2100-2200 браков, из них 25-28% являются межнациональными. В Дагестане немало людей с четырьмя и более национальными смешениями, которые явно затрудняются определить свою национальность по национальности предков. Многие даже не указывают ее в заявлениях о заключении брака. Межнациональные браки неизбежно приводят к генетической смешанности, к сближению бытовых традиций, культурных предпочтений, закреплению русского языка в качестве обиходного.

Еще одна причина – **отсутствие титульного народа** в республике, что ослабляет соперничество за доминирование и склоняет народы к единству. Национальный состав населения Дагестана показан в следующей таблице.

Народы	Численность (тыс. чел)	В %
1	2	3
Аварцы	613	28,5
Агульцы	16	0,77
Азербайджанцы	91	4,3
Армяне	6	0,26
Даргинцы	356	16,6
Евреи	15	0,69
Кумыки	279	13,0
Лакцы	105	4,9
Лезгины	262	12,3
Ногайцы	34	1,6
Русские	130	6,0
Рутульцы	18	0,83
Табасаранцы	101	4,7
Цахуры	17	0,8
Чеченцы	109	5
Всего	2143	

Из этих данных видно, что самые многочисленные аварцы составляют только 28,5% от всего населения.

Во многих регионах страны за последние 15 лет обозначились разъединительные процессы. В Дагестане же, напротив, стремление к единству привело в конце концов к прямо противоположному, вроде бы парадоксальному явлению. Внешние вызовы, побуждающие обычно к конфликтам, привели, напротив, к консолидации. В начале 90-х годов прошедшего века под влиянием религиозного ренессанса немало молодых людей было направлено в мусульманские страны для обучения в исламских учебных заведениях. Через несколько лет многие из них вернулись с ваххабистским мировоззрением и оказались союзниками чеченских сепаратистов, вступили в бандформирования и в конце концов оказались в составе чеченских отрядов, вторгшихся в Дагестан в сентябре 1999 года. Для дагестанцев стало наглядным уроком и то, что произошло вследствие распада соседней Чечено-Ингушской республики. Последовали осетино-ингушский конфликт и чеченская война с их ужасными последствиями.

Дагестанское общество в целом ответило на эти вызовы сплочением. Народное собрание республики приняло в 2000 году закон против ваххабистского экстремизма. Национальные движения объявили либо о самороспуске, либо свернули свою деятельность.

Миграция в российские регионы также оказывает значительное влияние на консолидационные процессы. Дагестан – трудоизбыточный регион. По данным переписи 1989 года в регионах РСФСР и союзных республиках постоянно проживало более 300 тысяч дагестанцев. Сейчас это число стало еще больше. В Ставропольском крае проживает 100 тысяч наших земляков, в Краснодарском крае – 55 тысяч, столько же в Ростовской области, Москве и столичной области. Во многих больших городах России созданы землячества дагестанцев. А там, где их достаточно много, правительство республики имеет своих представителей.

В октябре прошлого года в Ставрополе торжественно был отмечен 10-

летний юбилей Центра культуры народов Дагестана в этом крае. Официальное представительство республики здесь возглавляет Абдула Омаров, центр культуры – Али Саидов. Дагестанцы создали в Ставрополе Музей народов Дагестана. Краеведческий государственный музей обслуживает его в качестве своего филиала. На торжестве присутствовал главный федеральный инспектор в Ставропольском крае дагестанец Джамалдин Гасанов. Назначение дагестанца на эту должность связано с тем, что в этом крае, кроме дагестанцев, пребывают солидные по численности диаспоры армян, азербайджанцев, чеченцев, ингушей и других кавказских народов. Естественно, руководство Южного федерального округа учитывает межнациональную ситуацию и при подборе кадров.

Большое число дагестанцев, живущих в русской среде и постоянно общающихся с родственниками в нашей республике, является динамичным фактором консолидации. Диаспора идентифицирует себя не по этническим корням, а как дагестанская. Консолидация происходит в двух направлениях: дагестанцы сближаются между собой и в русском окружении воспринимают традиции, культуру быта русских.

Знаменательно, что по итогам курской областной олимпиады по русскому языку в 2002 году первое место заняла ученица 11 класса аварка Раисат Мухтарова. Саратовская и Смоленская области в Совет Федерации делегировали дагестанцев Р.Г. Абдулатипова и М.Г. Магомедова. Трое дагестанцев избраны в третью Госдуму от разных русских регионов. А член Совета Федерации РФ, известный специалист по национальному вопросу Р.Г.Абдулатипов считает, что дагестанские народы представляют собой особую цивилизацию, что не может не являться почвой для консолидации.

ВЛИЯНИЕ РУССКОГО ФАКТОРА

До 1930 года русский язык в Дагестане был одним из языков межнационального общения. Эта функция его все больше расширялась. В 30-х годах он стал языком обучения в школах, вузах и техникумах. В городских школах преподавание с первого класса ведется на русском языке, а в сельских школах – с 4 класса. Став единственным языком межнационального общения и обучения, русский язык постепенно становился и родным языком городского населения (общение в быту, язык литературы, искусства, мышления). По проблемам языка в Дагестане идет широкий общественный диалог.

Недавно доцент М.Г.Магомедов выступил с идеей введения в качестве общедагестанского вышедшего из употребления нахдагского (дагестано-чеченского) языка. Свою идею он мотивировал тем, что дагестанцы консолидируются в полиэтническую общность с русским языком, значительная часть молодежи уже не владеет другим языком. Он видит в данной ситуации возможность ассимиляции дагестанцев с русскоязычной средой, что приведет к потере их национальной самобытности. Его предложение имело целью избежать такого последствия. Реакция общественности была однозначной: русский уже воспринят дагестанцами как самый перспективный для них язык во всех аспектах – политическом, экономическом, духовном. К тому же, люди, говорящие на одном языке, не обязательно принадлежат к одной национальности. Например, американцы и англичане, говорящие на английском языке, не составляют одну нацию.

Национальная научная и творческая интеллигенция, пишущая на родных языках, приобретает известность и признается дагестанской интеллигенцией после перевода и опубликования их трудов на русском языке. Дагестанское книжное издательство выпускает общественно-политическую, научно-популярную и художественную литературу на 14 языках. Публикации на русском языке ежегодно составляют 41-45 процентов.

Вся пресса Дагестана, в том числе и религиозная, за исключением официальных газет и журналов на родных языках, работает на русском языке. Телепередачи также в основном ведутся на русском, за исключением концертных программ и театральных представлений. Только радиопередачи в основном ведутся на родных языках.

В труппе Русского музыкально-драматического театра 36 артистов, из них 12 являются этническими дагестанцами. В коллективе Даггосфилармонии 34 солиста-вокалиста. Из них русских – 2, этнических дагестанцев – 32. Все они выступают и на русском языке.

Влияет ли это обстоятельство на профессиональный уровень? Пару лет назад наш Русский музыкально-драматический театр гастролировал в Волгоградской области. Артисты рассказывали, что их благодарили не только за интересные спектакли, но и за хороший русский язык. Казалось бы, нонсенс, но объясняется просто. На чистом литературном языке наиболее крупных дагестанских народов говорят не они сами, а наши малочисленные народы. Их дети разговаривают в быту на своих родных языках, а с приходом в школу обучаются без влияния всяких говоров и наречий на литературном аварском, даргинском и других языках. То же самое и с русским языком. Дагестанские, в том числе и русские, дети не подвержены в быту влиянию разных местных диалектов русского, как это происходит в русских регионах. Они сразу обучаются в семье и в школе русскому литературному языку. Интересная получается диалектика: дагестанцы выступают хранителями русского языка.

Наконец нельзя не подчеркнуть, что русские сыграли выдающуюся роль в социально-экономическом развитии нашей республики. В сельском хозяйстве еще до Октябрьской революции – в строительстве оросительных каналов, применении сельхозтехники; в медицине – в преодолении, начиная с 20-х годов, таких распространенных тяжелых заболеваний, как малярия, туберкулез, брюшной тиф, кожные заболевания; в просвещении – ликвидации неграмотности, приобщении к русской и мировой культуре и науке; в промышленности – в создании первых текстильных, маслобойных, рыбоконсервных, винокуренных предприятий; на транспорте – в строительстве железной дороги Владикавказ-Баку. В советский период, когда началось массовое строительство промышленных предприятий, открывались школы, техникумы, вузы, в республику направлялись квалифицированные кадры интеллигенции и рабочих. Поэтому число русских быстро росло (см. таблицу).

Годы	1866	1874	1886	1897	1904	1913	1926	1939	1959	1970	1979	1989	1991	1995	2000
Нас. тыс.чел.	3,8	4,2	5,4	16	30,1	41,7	65,7	195,3	213,8	209,6	189,5	165,9	153,1	150,1	130
% русских ко всему населению	0,8	1	0,9	2,8	4,6	5,9	8,8	19,1	20,1	14,7	11,7	9,2	7,8	7,3	6

Вокруг русских формировались многонациональные коллективы из дагестанцев. В процессе общения и обучения складывалАсь обстановка дружбы, взаимопонимания, взаимопомощи, экономическое и социальное сходство. В Дагестане всегда признавалось, что реальное социально-экономическое и политическое значение «русского фактора» в республике гораздо выше, чем удельный вес русских в составе населения. И вообще: в Дагестане он имеет ярко выраженную специфику. У нас русские живут в русскоязычной среде, им не приходится учиться другому языку, другой культуре. У русских и дагестанцев сформировались общие черты психологии, культуры. Половина русских имеет родственников среди людей других национальностей, возникли общие интересы.

Русские в Дагестане имеют высокий гражданский статус. По данным социологических исследований за ними признаются лучшие нравственные качества (честность, трудолюбие, справедливость, законопослушность, приветливость). Русские и дагестанцы социально не дистанционируются. По шкале, измеряющей социальную дистанцию, согласны иметь дело с представителями русской национальности в качестве друзей – 42% опрошенных дагестанцев, в качестве сослуживцев по работе – 43%. Эти показатели выше, чем аналогичные показатели отношения к лицам других национальностей.

В формировании благоприятного отношения к русским большую роль играет русская классическая литература, пользующаяся у дагестанцев огромным интересом. Способствуют сближению высокие оценки свободолюбия, храбрости дагестанцев, уважительное отношение к их быту, нравам, содержащиеся в произведениях А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого, А. Бестужева-Марлинского и других поэтов и писателей, посещавших Дагестан в период Кавказской войны. Прогрессивная русская интеллигенция не воспринимала горцев как противников. Эту доброжелательность, объективность дагестанцы рассматривают как отношение к себе всего русского народа.

В годы перестройки и демократических реформ для русского населения возникли определенные проблемы. Прежде и больше всего они были связаны с прекращением в конце 1980-х – начале 1990-х годов финансирования оборонных предприятий, которые составляли 80% промышленности Дагестана. На этих предприятиях было сосредоточено большое количество инженерно-технических и квалифицированных рабочих кадров русской национальности.

Второе обстоятельство – ситуация в Чечне, преследование русского населения, привнесенные из Чечни в республику отголоски сепаратизма, исламизации вызывали обеспокоенность русских. Возрос отток русского населения. Реакция на это в Дагестане была тревожной. О чем свидетельствуют данные социологического опроса. На вопрос: «Каково Ваше отношение к оттоку русского населения из Дагестана?» – респонденты дали следующие ответы (см. таблицу).

Мнение	Дагестанцы русской национальности	Дагестанцы иных национальностей
Положительное	9,5%	3%
Отрицательное	78,5%	84%
Безразличное	2%	7%
Затрудняюсь ответить (не ответили)	10%	6%

Как видно из результатов опроса, этнические дагестанцы этим явлением обеспокоены даже больше, чем сами русские. Уже практически двуязычные и отчасти русскоязычные дагестанцы ясно ощутили, как важна русская среда и что русские являются стабилизирующим фактором в межнациональных отношениях.

В конституции Дагестана русские признаны коренным народом Дагестана, русский язык признан государственным языком. Распоряжением правительства РД от 21 декабря 1993 года была создана правительственная комиссия по проблемам русскоязычного населения. Такие же комиссии созданы в администрациях городов и равнинных районов. Решением парламента республики создан Координационный совет северного региона, в который входят город Кизляр, Кизлярский и Тарумовский районы. Это регион традиционного проживания русских. Правительственная комиссия и Координационный совет предназначены для решения проблем, связанных с закреплением русских в Дагестане и устранения беспокоящих их явлений.

Органы власти и созданные ими структуры в последние годы неоднократно рассматривали проблемы русских. 21 июля 2003 года Государственный Совет вернулся в порядке контроля к обсуждению вопроса «О состоянии и мерах по улучшению социально-экономической, общественно-политической ситуации в г. Кизляре, Кизлярском и Тарумовском районах РД». Предусмотрено принять программу социально-экономического развития северного региона на 2004-2008 гг. Учитывая, что в ряде населенных пунктов со смешанным национальным составом населения доля русских уменьшилась, решено квотировать представительство русских в органах местного самоуправления. Предусмотрено также квотирование мест в государственных вузах республики на бюджетной основе для представителей русской национальности, проживающих в г. Кизляре, Кизлярском и Тарумовском районах. Министерствам и ведомствам республики предложено замещение кадров в этом регионе не производить без согласования с администрациями города и районов. Решением Государственного Совета РД в 2000 году созданы новые творческие коллективы: Театр оперы и балета, камерный и эстрадно-духовой оркестры Даггосфилармонии, ансамбль казачьей песни «Терек». Администрацией г. Махачкалы утвержден макет мемориала, посвященного вкладу русских в возрождении Дагестана.

Процесс консолидации дагестанских народов как полиэтнической общности идет в рамках мировых процессов. В современную эпоху глобализации тенденция ломки национальных перегородок преобладает над тенденцией самоопределения наций. В большинстве стран состав населения многонационален. Стремление объединить, сблизить народы стало практически политической задачей. В России эти объединительные процессы происходят не путем поглощения малых народов большими. В Дагестане в силу особых исторических и природно-географических условий процесс консолидации, как видно из сказанного выше, тоже происходит специфически. И всем нам это надо признавать и понимать.

СУДЬБА

Ольга Николаевна из селения Гуни

Образ русской девушки – учительницы, оказавшейся в 30-х годах прошлого века в горах Дагестана, нашел отражение в творчестве Расула Гамзатова. На образе Веры Васильевны из его поэмы воспитывались поколения юношей и девушек горного края. Русские в Дагестане пользовались заслуженным уважением, ведь именно с помощью русского народа за исторически очень короткое время горцы Дагестана смогли подтянуться до уровня передовой европейской культуры, встать на один уровень с цивилизованными странами Европы. Русскому народу по праву принадлежит роль цементирующей силы в межнациональных отношениях в Дагестане.

Думаю, не ошибусь, если скажу, что почти в каждом горном ауле была и есть своя Вера Васильевна, которая навсегда свою судьбу связала с горным краем, его обычаями и обрядами, «чужой» культурой, которая затем стала для нее родной. Такой «Верой Васильевной» является Ольга Николаевна Нуцалова в аварском селении Гуни.

Ольга Николаевна родилась на Украине в городе Умань Киевской области в семье учителя, и 14-летней девчонкой в 1933 году приехала в сел. Дылым к тете по отцу. С тех пор всю свою дальнейшую жизнь Ольга Николаевна связала с Дагестаном, всецело посвятила себя просвещению горской молодежи. В 1934-35 годах Ольга Николаевна работала счетоводом финансового отдела при Казбековском отделе народного образования, а в 1940 году с аттестатом на «отлично» окончила рабочий факультет (рабфак) в Махачкале. Тогда же Ольга Николаевна с молодым энергичным Камильбегом Гусейновичем Нуцаловым связала свою судьбу. В годы войны и до 1951 года Ольга Николаевна преподавала в Дылымской средней школе, а затем вместе с мужем переехала в сел. Гуни. Одной из первых (если не самой первой) она получила в этом селе в 1960 году высшее образование.

В профессиональных качествах Ольги Николаевны никогда и никто не мог усомниться. Всю жизнь она неустанно работает над повышением своего педагогического мастерства, что нашло отражение и в правительственных наградах, и в благодарности сельчан. В 60-х годах Ольге Николаевне было присвоено редкое по тем временам почетное звание «Заслуженный учитель школы Дагестана». Среди ее наград орден «Трудового Красного знамени», медаль «За трудовое отличие», «Ветеран труда». Но самая высокая ее награда – всеобщая любовь и признательность всех тех, кто когда-либо с ней сталкивался. И, конечно же, прежде всего – односельчан. Скупые на похвалу гунийцы оценивают Ольгу Николаевну шутливой меркой в пять мужчин. В каждой шутке есть, говорят, доля правды, это высшая похвала, которую женщина может заслужить в горах.

Ольга Николаевна не имела и не имеет завистников. Что понятно: она никогда и ни в чем не позволяла хоть чем-то подчеркнуть свое отличие от других, тем более – превосходство над другими. Она всегда была и есть добрая и отзывчивая наставница для молодых педагогов.

Годы преподавательской деятельности Ольги Николаевны пришлись не на лучшие времена. В 50-60-е и даже в 70-х годах в обществе еще сказывались настроения 30-х годов, когда в воздухе витала атмосфера периода сталинских репрессий. Не избежали этих настроений и педагогические коллективы, когда отдельные группировки выясняли свои взаимоотношения путем жалоб и доносов. В этих условиях быть супругой директора школы – Камильбега Гусейновича – человека своенравного и справедливого, оставаться незапятнанной, не вовлеченной ни в одну из группировок, сохранить свою честь и достоинство – разве это само по себе не подвиг? Для этого необходимо было быть в высшей степени благородной и интеллигентной натурой.

Культуру и традиции, обычаи и обряды горцев Ольга Николаевна приняла всей душой. Учеников ругала редко, но метко, крепко, но справедливо. Рукоприкладства не допускала. Хорошо запомнился эпизод, когда Ольга Николаевна крепко поругала ученика за его «негорское» поведение. С приятным славянским акцентом Ольга Николаевна на аварском языке сказала, что не зря предания горцев гласят, что настоящий мужчина не должен быть легковесным, он должен на семь метров вглубь стоять в родной земле. И в классе при этом стояла абсолютная тишина.

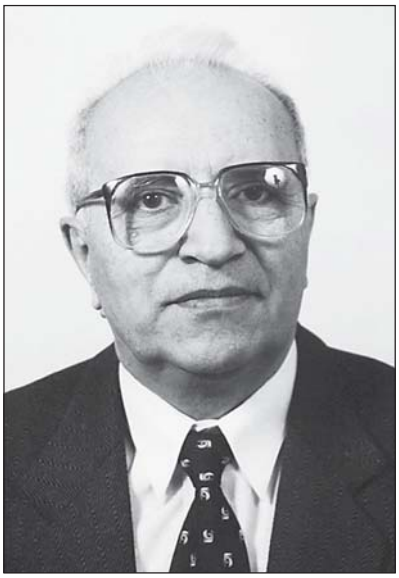
Ольга Николаевна всю жизнь была и остается неутомимой труженицей. Благодаря ее стараниям в селении до сих пор красуются единственные во всей округе ель и береза, посаженные еще до революции пятигорским врачом Рудничем. А на каменистом склоне перед старой школой стараниями учительницы биологии Ольги Николаевны посажен целый сад.

Вся гунийская интеллигенция в неоплатном долгу перед Ольгой Николаевной. Скромная и неприхотливая, всегда открытая и отзывчивая, добрая. Но не добренькая. Она никогда и никого не беспокоила личными заботами. Но сама Ольга Николаевна никогда и никому не отказывала в помощи.

Думаю, мастера слова именно таких людей называют солью земли, на таких земля держится.

Х. МАГОМЕДСАЛИХОВ,
кандидат исторических наук,
сотрудник ИИАЭ ДНЦ РАН

На снимке: О. Н. Нуцалова со своим последним выпускным классом 1976 года (фото 1975 года).



Гусейн ГУСЕЙНОВ,
профессор

Али Каяев: неизвестные подробности

Али Каяев (1887–1943 гг.), известный в народе как Каяр-Али и Замир-Али, оставил глубокий след во многих сферах духовной культуры Дагестана. Он философ и богослов, историк и поэт, педагог и публицист, астроном и географ, талантливый полемист и популяризатор науки и ислама. В 20-летнем возрасте он окончил в Каире (Египет) университет ал-Азхар и там же преподавал. С 1913 года работал редактором газеты «Джариату Дагъистан», издаваемой в Темир-Хан-Шуре на арабском языке. После революции работал кадием в Кумухе, затем настоятелем медресе в Темир-Хан-Шуре и сотрудником научно-исследовательского института в Махачкале.

Перу А. Каяева принадлежат труды: «История гражданской войны в Дагестане», «Диалог материалиста и идеалиста», «Трактат о новой астрономии», «Рассказы о прошлом», «Путь ислама», «Биографии дагестанских ученых» (около 150 биографий), «О восстании 1877 года в Дагестане и Чечне» и другие.

Судьба А. Каяева трагична: по сфабрикованному обвинению в контрреволюционной деятельности он был дважды репрессирован и умер в ссылке в Казахстане в 1943 году.

В большом зале Дагестанского научного центра 17 мая 1994 года проходила научно-практическая конференция, посвященная 50-летию со дня кончины Али Каяева. Было много интересных докладов о сложной жизни и разносторонней деятельности одного из духовных первопроходцев страны гор XX века. Яркое впечатление на слушателей произвело выступление известного арабиста М.Г. Нурмагомедова, работавшего с ним в 30-х годах. Выяснилось, что это был единственный человек в зале, видевший живого Али Каяева. Через несколько лет он ушел из жизни, и мы очутились перед фактом, что Али Каяев из современников постепенно превратился в историческую личность. Это естественно. Однако смущает, что его биография не совсем правдиво, скажем так, освещается в печати. Считаю своим долгом рассказать то, что знаю доподлинно сам.

В книге Ю.В. Меджидова и М.А. Абдуллаева «Али Каяев» (Дагестанское книжное издательство, 1993 г.) написано, что Али в возрасте 7 лет потерял отца, а овдовевшую мать – Ажу – «родственники вскоре почти насильно выдали замуж за богатого селянина в другой аул, отлучив от сыновей Али и Курбана, которые были отданы на попечение их тети Нажават, сестры умершего мужа». В какое селение и за кого выдали замуж мать Али, в книге не уточняется, но, возвращаясь к ее судьбе, авторы далее пишут: «Дополнительным источником его (Али – **Г.Г.**) безрадостных переживаний оставалась все время мать, которая не нашла счастья в новом браке и, несмотря на жестокость мужа-изверга, рвалась в Казикумух к своей единственной отраде – сыну Али». Так вот, хочу внести ясность: Ажа, мать Али Каяева, жила и умерла в моем родном ауле Убра, и я ее помню. Ее внук Шейх (сейчас он живет в Нальчике) – мой ровесник, мы с ним дружили. Хорошо помню Ажу – худощавую, всегда одетую в черное, сгорбленную старушку. Когда ее хоронили, помню свои переживания по поводу того, как будет трудно ее, скрюченную, распрямить, чтобы уложить в прямую нишу.

Второго мужа Ажи – Мугада, я, конечно, не знал, он умер задолго до моего рождения. Даже внук, названный его именем, был лет на десять старше меня и погиб на фронте Отечественной войны. Но до недавнего времени жили люди, помнящие Мугада. По их мнению, он был совсем не таким, каким его изобразили авторы книги. Я дотошно выспрашивал у обоих авторов, откуда они почерпнули такую нелестную информацию о втором муже Ажи, но так ничего и не выяснил.

Однако не будем слишком взыскательны к ним. Достаточно и того, что они написали в целом интересную и содержательную книгу. И правду об убринской семье Ажи и ее муже Мугаде я сообщаю не в пику им, а исключительно для восстановления справедливости. Это, мне кажется, очень важно – ведь грех великий незаслуженно очернять человека, каких бы масштабов он ни был! Да, Мугад – рядовой обыватель, сам в историю не просился, но раз его втянули, надо восстановить его истинное лицо.

Для Мугада, как и для Ажи, их брак был вторым. Вместе они создали большую, дружную и, по общепринятым меркам, счастливую семью. Вырастили трех сыновей. С ними жил и старший сын Мугада от его первого брака. По свидетельству очевидцев, Мугад был рослый, представительный и благообразный мужчина, он пользовался уважением в ауле. Чтобы не быть голословным, приведу эпизод из его жизни, многократно слышанный от старших, и характеризующий его личность.

Оказывается, между Мугадом и моим дедом по матери, Гаджибуттой, случился серьезный конфликт. Как часто бывает, все началось с детей. Возмущение тем, что в драке с его сыном приняли участие двое сыновей Мугада, Гаджибутта высказал ему в резкой форме. Слово за слово и дело дошло до кинжалов. Говорят, в те годы такое случалось довольно часто. Гаджибутта нападал, Мугад отступал. Приблизились к чьим-то воротам. Чтобы не упустить Мугада, Гаджибутта пытался

схватить его и – оказался без пальца. Более тяжелое кровопролитие предотвратил хозяин ворот, втянувший Мугада за подол рубахи в свой двор и закрывший дверь перед разъяренным Гаджибуттой. Моя мать вспоминала, как отец, которого привели домой, сунул культю пальца в кипящее масло и при этом не то что не застонал, даже не скривился.

Был суд. Виновником драки кади признал Гаджибутту и присудил запретить ему носить кинжал в течение года. Не смея ослушаться, упрямый Гаджибутта демонстративно привязывал к седлу коня отточенный, как бритва, топор.

Инцидент на этом не был исчерпан. Считая себя несправедливо ущемленным, Гаджибутта искал случая расквитаться с Мугадом. Мугад в свою очередь был начеку и всячески избегал встречи с Гаджибуттой. Случай все же представился: и Мугад и Гаджибутта, оба владельцы отар овец, одновременно оказались на соседних пастбищах. Заметив, как Мугад пошел к роднику на омовение и намаз, вслед за ним пошел и Гаджибутта. Чабаны заметили это и злорадно посмеивались: посмотрим, мол, кто из двух дураков принесет отрубленную голову. Трагедии, к счастью, не случилось благодаря благоразумию Мугада. Когда Гаджибутта оскорбительно обратился к нему: «Давай разберемся, кто из нас мужчина», Мугад, уважительно обратившись к нему, сказал:

– Опомнись, Гаджибутта! Не известно, кто из нас сейчас окажется победителем, а кто побежденным, но ты ведь знаешь, что дело нами не кончится – кровная месть перекинется на наших сыновей. У меня их четверо, один погибнет, трое останутся, трое погибнут – хоть один останется. А у тебя – один. Лишишься его, и потухнет твой очаг. Не сжигай и свой, и мой дома! Давай помиримся, ведь мы родня по отцам и ничего позорящего друг другу не сделали…

Не ожидавший такого оборота Гаджибутта размяк и опустил голову, а Мугад протянул руку и сказал:

– Вот моя рука: хочешь – прими, хочешь – отруби!

И они помирились – пожали друг другу руки, обнялись и прослезились. Так, обнявшись, и подошли к удивленным чабанам. Как нередко случается в подобных ситуациях, до конца жизни они были близки как братья. Их дружба передалась сыновьям и внукам. Так что Мугад, муж Ажи, не был извергом. Скорее, совсем наоборот.

Али был внимателен и заботлив к матери и братьям, время от времени навещал их, ведь от Кумуха до Убра не более трех километров. Убринская родня отвечала ему взаимностью и гордилась им. К сожалению, в Убрах был повод и для «безрадостных переживаний» Али Каяева, как пишут авторы цитируемой книги, и заковавший его мать в бессрочный траур. Это – убийство одного из братьев Али Каяева – Нуха. Случилось это в одном из далеких горных аулов, когда Нух ездил по торговым делам. Там у него украли

На фото: Али Каяев

коня. Когда он нашел его и пытался забрать, завязалась драка с похитителем, в ходе которой Нух был убит. За прахом убитого ездили родственники, в числе которых был и Али Каяев. Рассказывают, что Нух был уже предан земле, и местные аксакалы противились его выкапыванию. От настаивающих на своем родственников они потребовали письменного ручательства кого-либо из религиозных авторитетов Дагестана. Али Каяев тут же написал бумагу и привычно подписался: «Я, Али Каяев». Говорят, когда до стариков дошло, кто стоит перед ними и брат какого человека убит в их селении, они впали в глубокое уныние.

Не имею права умолчать еще об одном обстоятельстве, связывающем Али Каяева с аулом Убра. Речь идет о знаменитой библиотеке ученого-арабиста Магомеда Убри. Об этой библиотеке я подробно написал в своей книге «Магомед Убри» (Дагестанское книжное издательство, 1992), и здесь нет надобности повторяться. Отмечу только, что при посещении Убра Али часто заходил в эту библиотеку, изучал книги, рукописи и другие материалы, отдавая предпочтение написанному рукою самого Убри и его сыновей. Можно не сомневаться, что он имел обширные и разносторонние представления о жизни и деятельности Магомеда Убри. А ведь до настоящего времени неизученным из этой библиотеки осталось еще много. Остатки из 475 книг сейчас хранятся как в рукописном фонде Дагестанского Научного центра РАН – в девятиэтажном здании на проспекте Ярагского в Махачкале, так и в архиве самого Али Каяева. Его сын – Мусанип в 1980 году у себя дома в Буйнакске показал мне часть архива – папки и кипы пожелтевших бумаг, исписанных рукою отца арабскими и латинскими буквами, которыми наполнен старый шкаф и до которых еще не дошли руки исследователей.

На основании того, что мне стало известно об Убри и Али Каяеве, этих двух ярких и самобытных личностях, которых отделяет друг от друга более двух столетий (Убри жил в 1678–1733 годах, Али Каяев – в 1887-1943 годах), у меня создалось твердое убеждение в сходстве их мировоззрений, жизненных принципов, стиля работы, даже отношения к исполнению религиозных ритуалов. Приведу несколько аналогий, поразивших меня сходством даже в деталях.

В своем известном стихотворении «Убринец» Убри с горечью упрекает земляков в ревностном соблюдении внешних, показушных, ритуалов (например, отпускание бороды в знак траура по умершему), не заботясь в то же время о своем духовном совершенствовании. Эта довольно редкая и рискованная среди верующих позиция была свойственна и Али Каяеву. В упомянутой книге авторы пишут: «Еще будучи общественным кадием Кумуха, он (Али Каяев – **Г.Г.**) отличался «странным», с точки зрения верующих, отношением к отправлению религиозных норм. Кадий молился Богу всего один раз в неделю – в пятницу, когда по занимаемой должности он был обязан отправлять большую молитву в джума-мечети. Все остальное время Каяев отдавал своим ученикам и сельскохозяйственному труду на своем участке. Злобное шипение фанатиков, усиленно распространяющих слухи о том, что «наш кадий продал душу шайтану», оставлялось Каяевым без внимания».

Вот как объяснил Али Каяев своим ученикам свою позицию по этому вопросу. Один из поклонников, приехавший к нему из дальних краев поучить-

ся уму-разуму и для этого живший у него дома, был потрясен тем, что Али не только пропускал намаз, но иногда по нескольку дней не выполнял его. Когда гость попросил объяснения, Али ответил, что такие мусульмане, как он, могут вообще обходиться без намаза, потому что предназначение намаза – напоминание об Аллахе, а он постоянно помнит о нем и не сходит с его пути.

Поражает также сходство методики обучения муталимов в медресе, которыми руководили и Убри, и Али Каяев. В отличие от большинства подобных учебных заведений, где обучали муталимов в основном арабской письменности и Корану, они много внимания уделяли общеобразовательным дисциплинам – логике, грамматике, астрономии, математике, медицине, юриспруденции и другим. Оба обучали муталимов бесплатно: Убри был богатым человеком и в заработках не нуждался, а Али кормил семью физическим трудом на выделенном ему земельном участке.

О находчивости и остроумии Убри в проведении религиозных диспутов до сих пор ходят легенды. Такими же меткими и хлесткими аргументами восхищал слушателей и Али Каяев. В какой-то степени о его стиле полемики можно судить по его статье «Диалоги материалиста и идеалиста». Старики нашего аула рассказывали, как кто-то из новоявленных атеистов с издевкой спрашивал Али:

– Если Бог есть, почему не покажешь его нам?

Али, не задумываясь, отвечал:

– По той же причине, что и ты не можешь показать нам масло в молоке, хотя оно там есть.

Так же круто обходился Али и с дилетантскими суждениями своих единоверцев.

Нечто схожее улавливается даже в финале жизней Убри и Али Каяева. Убри, будучи больным и предчувствуя скорую кончину, нашел в себе силы посетить Мекку, и умер через неделю после возвращения домой. Али Каяев, будучи в очередной ссылке в Казахстане, закончил задуманную книгу на клочках бумаги, оттаивая на огне замерзшие чернила, и вскоре скончался от тифа.

И еще одна аналогия у наших героев – у обоих было по шестеро детей, у Убри – три сына и три дочери, у Али – два сына и четверо дочерей. В Махачкале, Буйнакске и Каспийске сейчас живут по неполным данным более 40 внуков, правнуков и праправнуков Али Каяева.

Джамиля ДАГИРОВА,
искусствовед

Архаика и современность Апанди Магомедова

В основе горской цивилизации лежит ритуал. Ритуальный ритм. Он – стержень, на который нанизывается все – быт, право, культура, вера. Все составляющие жизни находятся меж собой в строгом иерархическом порядке. Усилия общества при этом естественном следовании существующему ритуальному ритму создают устойчивые формы ментальности дагестанцев. Но архаический ритуальный ритм не стал догмой. Он позволял органично присоединять новые, уже не свои ритуалы.

Наиболее востребованными стали те их формы, которые наиболее совпадали с ритуальным ритмом горца. Органичными были явления сакрального толка, не противоречащие главным представлениям горца о вере. Ведь издавна сакральное и обыденное в сознании горца неразделимо. Кладка стены, орнамент ковра, надмогильный камень, танец, песня, архитектура, обычаи и обряды, адаты и праздники, заготовка сена и кизяка, изготовление масла и хлеба, рождение и смерть, молитвы и колыбельные – во всем этом есть единый стержень – ритуальный смысл единого ритма. Я думаю, что такое перечисление наталкивает на мысль о некоей взаимосвязи, продиктованной единым законом. Возможно, именно эта мысль много лет назад открыла для художника некую тайну, что становится понятным, когда речь идет о творчестве дагестанского художника Апанди Магомедова.

Много лет назад художник вступил в равноправный диалог с историей, с реалиями художественной культуры. Долго и профессионально работая с коврами, с тканями, он прочно усвоил категории структуры и ритма, как основы творческой самоидентификации, собственного художественного языка.

«Народное тело архаики» открыло Апанди простую, но главную истину: миропорядок – от легенды и молитвы, от орнамента ковра и фактуры кизяков – не архаический хаос, а строгий порядок, где главным законом выступает ритм.

Если оглянуться на более чем пятнадцатилетнюю практику Апанди, то перед нами встает последовательная, неторопливая, все углубляющаяся в постижении этого ритма-ритуала творческая эволюция. Пиком ее можно назвать представленный сегодня новый цикл работ автора, условно названный «Мавлид». Мне думается, что он свидетельствует не только о новом этапе в творчестве художника, но и о повороте(а может, и перевороте) в современном дагестанском изобразительном искусстве.

Автор самодостаточен, он подтвердил свою верность однажды найден-

ному изобразительному языку, в котором главной доминантой выступает ритм. Все искусство Апанди – это сритмованные композиции, концептуально не имеющие начала и конца, они не имеют рамы, границы, композиционных акцентов, они не завершены. Их можно продолжать в любую сторону. Переведенные в изображение, законы ритуального ритма дают нам не только ощущение прошлого, они предстают перед нами некими «текстами» на языке современных абстрактных форм.

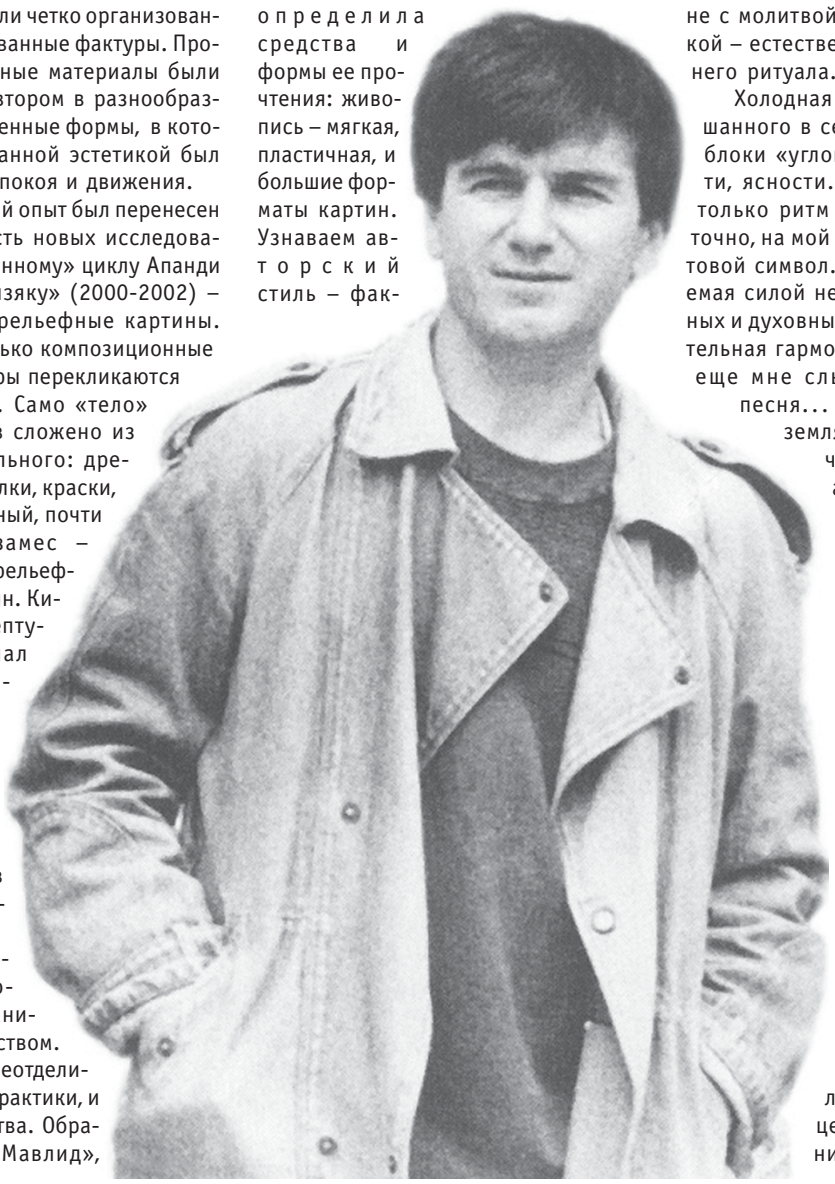
Живописные работы «Истина», «Занал», «Сахъ», «Шамайим» и другие начала 90-х годов, казалось, были первыми, еще интуитивными, поисками некоей общей, единой сути горской цивилизации. Это были еще полуфигуративные, но глубоко содержательные композиции, в которых уже тогда доминировали ритмические колористические построения. Следующим этапом стал длительный период создания рельефов – белых, черных, без названий и обозначений. Это были четко организованные структурированные фактуры. Простейшие природные материалы были организованы автором в разнообразные пространственные формы, в которых преобразованной эстетикой был ритм, категории покоя и движения.

Наработанный опыт был перенесен автором в область новых исследований – «вневременному» циклу Апанди «Посвящение кизяку» (2000-2002) – инсталляции и рельефные картины. Здесь уже не только композиционные ритмы и структуры перекликаются с темой кизяка. Само «тело» этих артефактов сложено из частей материального: древесная мука, опилки, краски, клей. Этот странный, почти рукотворный замес – часть телесной, рельефной формы картин. Кизяк – как концептуальный материал проделал у Апанди «странный путь от своей природной и окультуренной в народной традиции формы к существованию в новых формах искусства».

Апанди Магомедов – верующий человек, занимающийся искусством. Его творчество неотделимо от духовной практики, и это идет из детства. Обращение к теме «Мавлид», чье поверхностное прочтение может завести зрителя в плен «исламских приоритетов», является естественным продолжением его исследований в области феномена ритуального ритма как основы жизнедеятельности горской цивилизации.

Мавлид как форма общественного единения для воздаяния благодарения и славы Всевышнему лишь конфессионально (формально) является исламской, но абсолютно естественна и традиционна для архаичной горской цивилизации. Исламская традиция Мавлида интересует художника именно с точки зрения единства миропорядка. Его «Мавлид» – ритуал в Идеале. Художник не занимается ревизией, не борется за чистоту веры. Он ищет и находит общие нити, глубинные основы бытия в реальном времени. Полотна Апанди – представления о чистоте и красоте человеческих намерений, усиленных многоголосьем молитвы.

Именно тема определила средства и формы ее прочтения: живопись – мягкая, пластичная, и большие форматы картин. Узнаваем авторский стиль – фактурные тканеобразующие структуры, доминирующие категории ритма и статики, покоя и равновесия. Полотно – сетка, ячейки – маленькие организмы, модули. При всей кажущейся композиционной простоте их количество и качество создают ощущение покоя, умиротворения, возвышенного трепета.



Прямоугольник-квадрат взят за основу как идея об идеальном порядке и равновесии. Четкие мягкие ряды с внутренней графической организацией, многократно повторяясь, несут в себе монотонный эффект движения. Некие композиционные акценты внутри каждого модуля также во множестве чередуются двумя попеременными рядами. Модули утяжелены то верхним, то нижним «углом» сходного – но контрастного с общим полотном – цвета. Они усиливают ритм, но сохраняют общую динамику заданного движения. Это как на мавлиде – когда ты часть всех, и одновременно наедине с молитвой. Твой ритм и твой покой – естественное выражение древнего ритуала.

Холодная палитра белого, размешанного в серо-синем, плюс синие блоки «углов» – палитра цельности, ясности. Художник показал не только ритм мавлида, молитвы, но точно, на мой взгляд, нашел и ее цветовой символ. Это энергия, управляемая силой невероятно эмоциональных и духовных усилий людей. Удивительная гармония линии и цвета... А еще мне слышится колыбельная песня... Видятся ковер, стена, земля, четки, текст. А впрочем, все это и есть ритуал, каждый в себе, и все вместе. Их ритмы совпадают либо гармонично чередуются в жизни каждого из нас, организуя порядок, а не хаос.

Картины на выставке – живопись и графика – вызывают еще более глубокий ряд ассоциаций, но хочется, чтобы толчок, заданный автором, подвинул зрителя к собственному осмыслению увиденного. Поняв этот ритм, приняв его как основу, вы обретаете состояние полной гармонии, как после молитвы. Ибо нет ничего ценнее того, как понимание себя.

Кавказские пленники Израиля

Редакция сочла, что дагестанскому читателю будет интересно познакомиться с публикуемым ниже материалом, который мы перепечатываем из газеты, издающейся на русском языке в Израиле. И хотя она вышла там не сегодня и не вчера, но ситуацию описывает нынешнюю. Прислал ее Рудольф Дик, находящийся сейчас в Израиле, но который проработал в Дагестане фотокорреспондентом ТАСС не один десяток лет. Его у нас хорошо знают и помнят среднее и старшее поколения. Не забывает он республику и теперь, недавно в нашей прессе сообщалось о его фотовыставке, приуроченной к 70-летию автора. Нашим читателям наверняка будет полезно и интересно узнать, как живут их земляки, уехавшие из родного Дагестана.

В стране, раздираемой вооруженным противостоянием, соседствуют три главные святыни иудаизма, христианства и ислама. На снимке: за почитаемой иудеями Стеной плача в Иерусалиме виден купол мечети Аль-Акса, а буквально в 200 метрах отсюда находится одна из главных святынь христианства – Храм гроба господня.

ЧТО ПРОИСХОДИТ В ОБЩИНЕ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ?

О них много пишут именно сейчас… Это «сейчас» звучит чуть искусственно и даже фальшиво. Сейчас, после трагедии в Хадере, когда вооруженный боевик «Танзима» ворвался в зал торжеств «Дворец Давида» и открыл стрельбу по гостям. Нина Кардашова, праздновавшая в тот день свое 12-летие, потеряла дедушку. Потом, после случившегося, она будет смотреть мимо камеры и говорить о своей боли – маленькая восточная красавица, которая слишком рано узнала, что такое потеря самых дорогих людей…

Погибли Анатолий Бакшиев, Динор Бенаева, Борис Михайлов… Был убит Исраэль, певец и композитор, погиб Ави Язди, который дежурил у входа в зал. В считанные секунды, в которые разыгрывалась эта кровавая драма, люди проявили мужество и благородство. Тесть закрыл собой зятя. Муж бросился вперед, не думая о себе, потому что за ним стояла растерянная, до смерти перепуганная молодая жена. Праздник обернулся трагедией и слезами. Кавказские евреи говорят, что в их поминальные плачи вписаны тексты Торы. Они умеют радоваться, эти кавказцы. Но умеют и плакать…

ЕСТЬ ТАКАЯ ОБЩИНА

С удивлением и восхищением журналисты признали: представители общины выходцев с Кавказа вели себя невероятно… красиво – другого слова тут не подберешь. Они сражались. Бросились на вооруженного до зубов бандита, оказали сопротивление. И вот тогда-то многие израильтяне и задались вопросом: а кто они такие, эти выходцы с Кавказа, и какие они, и где вообще находится этот Кавказ, откуда в страну приезжают ТАКИЕ люди?! Ситуация диктует тему.

Но интерес к теме разгорается и гаснет. Разгорается, как это ни больно, ни прискорбно, в особо драматичные моменты. А журналисты так уж устроены, что им хочется обязательно добыть для читателя «жареные факты», вытащить во что бы то ни стало каштаны из огня…

Начальник отдела по делам выходцев с Кавказа в министерстве абсорбции Яков Бар-Шимон рассказал, что к нему недавно пришла журналистка из газеты «Джерузалем пост» и спросила: «Правда ли, что кавказские мужчины бьют жен?».

Ее почему-то очень волновал именно этот вопрос, и совершенно не волновали никакие другие.

Что же общество о них знает, о выходцах с Кавказа – о горских евреях, которые говорят на своем, гортанном и экспрессивном, как кавказские реки, языке (он называется «джиури», еврейский…).

Они жили на Кавказе сотни лет. В Дербенте, Кубе, Салавьюре, Грозном, Шемахе, Пятигорске, Махачкале, Нальчике… Многие из них еще помнят те времена, когда все стороны жизни семьи и общины определяла еврейская традиция, тесно переплетенная с обычаями, традициями и мировоззрением других кавказских народов…

По этой традиции родители жили с детьми, даже когда дети становились взрослыми. Создавали и сохраняли семью по своим патриархальным представлениям. Защищали очаг, дом, город, страну. Не могли позволить себе быть слабыми. Не нападали – но и не позволяли себя обижать другим.

Жили общиной. Духовным центром традиционно была синагога. Рассказывают, что в праздничные дни в этих городах и городках перекрывались улицы, в Лаг ба-омер горели высокие костры. «Что говорили и что по этому поводу предпринимали власти?» – «Ничего… Относились с пониманием».

Я очень хорошо помню, как меня удивили приехавшие к нам в Минск смуглые ребята-студенты, на рубашках и свитерах которых красовались достаточно убедительные толстые золотые цепочки со звездами-«магендавидами». Нам, в нашем удобном и столичном Минске, это было недоступно. Не цепочки – звезды Давида.

Яков Бар-Шимон (Юшваев), бывший первым израильским консулом в Баку, видел, что люди, приходившие к нему на прием, расспрашивавшие про то, сколько они будут получать в Израиле, сколько стоит в Израиле квартира, были материально «очень хорошо устроены».

– Само слово и понятие «деньги» никогда для представителей нашей общины не значило так много, как оно стало значить здесь.

– Жили духовной жизнью? Пита-

лись манной небесной?

– Жили вместе. В судьбе семей община принимала очень серьезное участие – это было совсем другое, другой уклад… Община помогала сохранить семью в тех случаях, когда это хоть как-то было возможно, и община же настаивала на разводе, если исправить ничего уже было нельзя…

– То есть вмешивалась в частную жизнь?

– Если в семье был неисправимый алкоголик, и страдали жена и дети – то да. Если в одной из семей в общине оставались дети-сироты, то община помогала. Люди приходили в синагогу – и жертвовали деньги. Отдать – это было душевной потребностью… Дети знали, что прежде всего надо стать человеком, пойти работать, чтобы помогать семье, а образование может и подождать. Не диплом делает человека человеком в полном смысле слова… Наш главный закон – гостеприимство.

Если в дом на Кавказе приходил гость, его усаживали за стол. И даже если он отказывался, если говорил, что сыт, все равно его ждал щедро накрытый стол. А здесь все изменилось. Нет своей квартиры. Нет привычной обстановки. Ни материальное положение большинства из нас, ни условия жизни к подобной широте, к нашему кавказскому гостеприимству не располагают. А ведь для нас гостеприимство – не просто условность, это – образ жизни…

Все это звучит очень красиво, но я прекрасно помню свой разговор с одной социальной работницей, с которой мне довелось встретиться незадолго до этой беседы. Она говорила совсем о другом – о том, что община горских евреев оказалась одной из самых проблемных общин, приехавших из бывшего СССР. Проблемных – потому что в процентном отношении число подростков из семей горских евреев, которые бросают школу, недоучившись до двенадцатого класса, – одно из самых больших. Показатели детей из этой общины при сдаче экзаменов на аттестат зрелости ниже среднеизраильских («Упаси Боже, я не беру сейчас арабский сектор! – спохватилась она. – Я имею в виду только еврейские школы!»). Есть весьма удручающие данные по преступности и росту потребления наркотиков – горские евреи вносят весьма существенный вклад в эти показатели. Уже одно это свидетельствует о социальном неблагополучии.

Что-то неладное происходит с этой общиной на исторической родине, а вот что именно – остается загадкой.

РАЗГОВОР НА ГОДЕКАНЕ

Никогда не забуду, как в Хадере, пройдя всего несколько сот метров от центральной автостанции, я увидела скверик, в котором на каменных скамейках сидели, опираясь на палки, старики в огромных папахах и вели между собой неспешную беседу. Невольно возникло ощущение, что нахожусь я в каком-то горном ауле, где на центральной площади – годекане – сидят аксакалы, неторопливо размышляющие о жизни, пока где-то там, в домах, женщины варят, парят и стирают.

Потом вот такие чисто мужские посиделки мне доводилось видеть довольно часто – и в Ор-Акиве, и в Южном Тель-Авиве. Пожалуй, в двух словах определить, что в них особенного, невозможно: в конце концов, мужчины из европейской части бывшего СССР тоже любят собираться вместе.

И все-таки годекан – это нечто совсем другое. Вокруг него царит особая атмосфера мужского братства и мужской мудрости, и женщине здесь не место.

Слава Богу, для женщины-журналиста делается исключение, особенно когда мужчины узнают, что я собираюсь писать об их общине. Да и вообще они оказались совсем не такими, какими я их представляла.

– Чушь это, что у нас преступников больше, чем у других! – говорит Яшар, поджарый, невысокий мужчина лет пятидесяти пяти (выяснить точный возраст моих собеседников я не решилась). – Что, ты хочешь сказать, что наши ребята воруют и кого-то убивают?! Да среди тех, кто из России приехал, таких куда больше. Я уж не говорю об алкоголиках – среди наших такое почти не встречается!..

– Ну хорошо, – пытаюсь я умиротворить явно разгорячившихся и возмущенных мужчин, – но почему ваши дети бросают школу, почему вы не хотите, чтобы они учились?

– Почему не хотим?! Хотим! – вступает в разговор другой участник нашего годекана, Ильяс. – Но я тебе честно скажу: лучший учитель человека – это жизнь! Мужчина должен обеспечивать семью, должен иметь ремесло в руках. Вот я там пекарем был – своя пекарня у меня была, чурек мы делали (чурек – это такие особые кавказские лепешки. – **И.Р.**). Так вся наша семья жила не хуже, чем какой-нибудь доктор-шмоктор! Да что там доктор – не хуже, чем какой-нибудь министр мы жили! Дом был свой, мебель хорошая в доме, золото на черный день было, и дочки мои одевались так, что не стыдно было на улице показаться, – во все импортное… И здесь мы тоже хотим хорошо жить!

– Достойно жить! – поправляет его другой мужчина.

– Да, достойно! Но здесь хуже, чем там, и потому дети должны раньше помогать родителям. Ты что, хочешь, чтоб я дочку на работу послал?! Сама знаешь, какие эти израильтяне-мужчины – без чести и совести. Нет, уж пусть сын работает, деньги в дом приносит, помогает семье. Потом пойдет в армию, дальше получит какую-нибудь специальность, женится и будет жить не хуже, чем те, которые университеты закончили, поверь мне. А если ему будет трудно, мы все поможем. Он нам помогал – мы ему. Так это должно быть в настоящей семье…

Об Израиле мои собеседники высказываются скептически.

– Там мы считали Израиль своей страной, прислушивались ко всему, что здесь происходит, – говорит Ильяс. – А здесь все оказалось не так, как мы думали. Мы думали, что все евреи – братья, а здесь евреи друг другу глотку перегрызть готовы. И девушки здесь совсем нескромные, шалавы, одним словом. И еще: не знаю, почему, но хлеб здесь невкусный. Не такой, как там…

ПОКА ТАНЦУЕТСЯ «ЛЕЗГИНКА»…

Разговор о проблемах общины горских евреев я продолжаю со все тем же Яковом Бар-Шимоном.

– Говорят, что в израильских вузах есть для абитуриентов – выходцев с Кавказа особый ценз, особое послабление, что ли.

– Вранье! Отвратительная выдумка! Все поступают на общих основаниях. Мы, община, пытаемся помочь в оплате учебы, мы хотим, чтобы в общине было больше людей с высшим образованием, но не более. Я посещал сейчас в больнице «Гилель Яфе» Вадима Михайлова, который был тяжело ранен во время теракта в Хадере, и мы с его родными вспомнили, что только что, незадолго до трагедии, решился вопрос об оплате его обучения в институте. Он очень радовался! Замечательный парень. Только бы был здоров…

Яков Бар-Шимон знает, что его землякам приходится нелегко.

– Нет, я вовсе не за то, чтобы преувеличивать беды. Но людям очень непросто приходится. Есть несколько уровней, несколько витков одной и той же проблемы: на уровне всего общества, всей страны. На уровне репатриации, слома, который переживает каждый, кто уезжает из одной жизни в другую. И, наконец, те проблемы, которые характерны именно для горских, для выходцев с Кавказа… Когда я был консулом в Азербайджане, мне даже азербайджанцы там говорили: не забирайте наших евреев, они у нас пользуются огромным авторитетом. И это было чистой правдой. У людей было свое место под тем солнцем. А здесь они на обочине. И если человек хочет жить, сохранить равновесие, не намерен уехать в более спокойные страны, ему необходима некая идеологическая почва. Идея. Та самая, с помощью которой он объясняет себе, почему хочет вырастить своих детей и внуков именно здесь, и почему предпочел эту землю всем другим…

Яков не слишком приветствует попытки обучать детей выходцев с Кавказа культуре как таковой. Он – за культуру народа, за то, чтобы воспитывать уважение к родному, к корням. Как знать, может, потому так драматично и тяжело переживают горские евреи процесс, который мы называем затасканным словом «абсорбция», что они приехали в совершенно чуждый им, новый,

непонятный мир, Этот израильский мир не может или не желает чуть измениться (а мог бы, если уж мы оповещаем всех евреев мира, что мы – страна алии!), он диктует свои правила, возводит на пьедестал свои стандарты, меняет приоритеты.

Человек оказывается один. И с горем своим, и со своей радостью. Без почвы под ногами. Под нескончаемый аккомпанемент разговоров о машканте, долгах. И с хлебом, который почему-то совсем не так вкусен, как там…

И когда в районе, в домах, которые расположены близко к некоему клубу – матнасу, проживают, в большинстве своем, горские евреи, не так уж необходимо собирать детей именно этого района в студию классического балета. Лучше преподавать народный танец, игру на кавказских народных инструментах. Вокруг – все чужое, мы потеряли себя, нам не прорваться к самим себе. И, слава Богу, что страна готова помочь нам в этом. Поддержать нас…

Бар-Шимон увлеченно рассказывает о том, как министерство абсорбции с «большим вниманием относится…».

– Есть много проектов, есть «Пеле» и «Перах» для школьников, прошел фестиваль культуры выходцев с Кавказа, наши звезды, такие как бывший художественный руководитель всемирно известного ансамбля «Лезгинка» Иосиф Матаев, занимают подобающее им место. «Лезгинка» живет и здравствует…

Я слушаю Якова Бар-Шимона и думаю: кто же не знает «Лезгинку», этот экспортный вечный логотип танцующего Кавказа?! С танцами у горских евреев всегда было хорошо…

И еще в этот момент я думаю о том, что традиции и стремление их сохранить, остаться самим собой в израильском плавильном котле, – это прекрасно. Но если жизнь вступает в противоречие с традицией, если окружающая действительность плохо сочетается со стремлением оставить все по-старому, то это может обернуться трагедией.

Нельзя слишком быстро все менять – это мы знаем по трагической судьбе «марокканской» и «йеменской» алии. Но и не менять тоже нельзя – иначе горские евреи так и останутся на обочине жизни в стране, видящей свое будущее в хай-теке, а не в пошиве обуви или одежды…

И почему-то мне неожиданно вспоминается одна моя знакомая, учительница по образованию, горская еврейка, приехавшая из Грозного. Назовем ее Розой, потому что ее судьба в Израиле отнюдь не пример удачи и успеха.

Она пыталась наладить собственное дело, открыла посредническую контору по продаже квартир. Была каким-то номером в списке играющих за Щаранского в большом политическом футболе. Ее обманули, предали. Использовали, кстати, ее происхождение, знание кавказского менталитета, то, что к ней тянулись земляки, спрашивавшие: «ты чья?..»

И Роза называла имена родных, мамы, бабушки, и люди ей верили, считали, что своя не подведет. На политике она потеряла деньги, друзей, продала машину и квартиру. Я долго советовала ей уехать из того южного города. Не потому, что люблю давать советы, а потому, что все еще верю в то, что с переменой адреса может измениться и участь… И мы пошли с Розой по прагматичным и несентиментальным тель-авивским маклерским конторам. Искать ей квартиру на новом месте. Она сразу видела своих, спрашивала: «Ты чей?». Говорила: «Своих не обижают…» Я вдруг заметила, что она – в длинной, весьма для нее нехарактерной прежде юбке. «Роза, это новая мода?» Она смутилась: «Нет, просто мой новый друг – кавказский. Он не поймет, если я буду ходить в коротком, в нескромном. Он – не одобрит…»

На снимке: солдат израильской армии на пропускном пункте на границе с палестинской автономией, горский еврей из Дагестана. К сожалению, наш корреспондент не спросил его об имени. Может, кто узнает земляка? (Фото 1997 года).

А ЖЕНЩИНА? ЖЕНЩИНОЙ БУДЕТ И МАТЬ, И СЕСТРА, И ЖЕНА…

…Я рассказала об этом случае еще одной своей собеседнице – Людмиле Рувиновой. Она не удивилась. «Да. У нас это так. Так у нас на это смотрят. К примеру, если девушке чуть за двадцать, а она еще не замужем, это – позор для семьи. «Чего ты все учишься?! Кому это надо?!» – обычно говорят ей. Мало кто из горских евреев понимает, насколько это важно – получить образование. Что это – тоже дело в жизни. Самоутверждение, реализация таланта, души…»

– Я тоже горская еврейка, но я родилась и выросла в Баку, – продолжает свой рассказ Люда. – Родители – горские. Мама из Шемахи, папа из Кубы. Все наши знают, что стоит за этими названиями. Это – особый мир…

Люда Рувинова работает в тель-авивской школе «Голомб». Ее должность называется символично и красиво «мегашерет» – «наводящая мосты». Между кем? Между семьей и школой. Между детьми и педагогами. Между ее общиной и остальным Израилем.

Люда знает и любит свое дело. И может быть, поэтому в ее голосе – особенная гордость и особенная грусть.

– Люда, что самое характерное в стиле жизни выходцев с Кавказа?

– Мы сильно привязаны друг к другу…

Ежедневно ей приходится сталкиваться с самыми различными проблемными ситуациями.

– Прежде чем написать письмо родителям ученика, я долго думаю над каждым словом. Это очень важно – сказать нужное слово. Чтобы тебя поняли правильно. У наших ребят есть сложности с учебой. У нас действует программа «Пеле».

По этой программе студенты помогают школьникам, занимаются с ними. И бывают случаи, когда мы предлагаем в семью, где есть несколько детей – и мальчики, и девочки – студента-парня, чтобы заниматься с мальчиком. А отец говорит: «Я – против. Мужчина в мой дом не войдет. У нас это не принято».

Как не принято и то, чтобы женщина родила ребенка без мужа. Сама взяла на себя ответственность за свою судьбу. В этом – трагедия семьи, позор, ужасный удар по устоям…

Все отвечают за всех. Это и хорошо, и плохо. Это – то, что есть…

Так что же все-таки происходит сегодня с горскими евреями Израиля? Какой станет эта община через десять лет?

Очень бы хотелось, чтобы мужчины в ней по-прежнему оставались такими же сильными и благородными, как сегодня. И вместе с тем – чтобы горские евреи дали бы стране своих ученых, программистов, учителей, ту самую интеллигенцию, представителей которой в этой общине сегодня до обидного мало. Чтобы она сохранила все то лучшее, что привезла с собой, и вместе с тем стала полноправной и полноценной частью израильского общества.

Неужели это две вещи несовместные?!

Инна РЕЗНИКОВСКАЯ

ЛИТЕРАТУРА

ПРОЗА

Вадим КЕРАМОВ

Белак

Случай, описываемый здесь, произошел на самом деле, в прошлом году в Москве. Он не уникален: по статистике за одну неделю в столице происходит пятнадцать подобных историй...

Двери уже закрывались, когда в вагон заскочил невысокий, просто одетый мужчина еще молодых лет. Голос из динамика ласково сообщил название следующей станции, и электричка быстро набрала ход. Отдышавшись, Леонид поискал глазами пустое место – везде сидели: половина пассажиров что-то читала, другая — отрешенно глядела, погрузившись в себя, — он остался стоять, уставившись в черное окно. Мысли, как стены подземки за стеклом, быстро кружились в его голове.

«День опять пропал зря... дальше так продолжаться не может... надо что-то делать... завтра дам объявление в газету... хотя толку мало... а если рвануть к Митьке... вдруг он успел что-нибудь узнать... нет, уже поздно... домой».

Он мысленно улыбнулся: Надя, наверное, заждалась его. Правда, в последнее время она часто задерживалась на работе, они реже виделись, перестали обсуждать семейные проблемы. А проблем хватало: вскоре после их свадьбы Леонида сократили по службе, а месяц спустя у него угнали новую машину. Вот уже полгода он безуспешно пытался найти работу. Удары озверевшей судьбы, выдержанные вначале, отзывались теперь головной болью, и если бы не любящая, никогда не унывающая жена, он опустил бы руки.

— Разрешите пройти.

Леонид обернулся: пожилая женщина с сумочкой замерла в ожидании.

— Да, да, пожалуйста.

Пропустив ее, он снова вернулся к своим мыслям, но, опрокинутые старушкой, словно игральные кости, они дали новый результат. Ему вспомнился прохладный сентябрьский день в городском парке, широкая аллея, идущая от шумной магистрали глубоко в лесопарк, по сторонам которой располагались грубые деревянные скамейки с облупившейся краской, а под облысевшими тополями лежали сеном золотые кудри осени. Рассыпанные на земле листья беспокойно зашуршали, и через мгновение холодный воздух пронзил незащищенную шею. Он втянул голову в плечи и недовольно посмотрел на часы. Она утверждала, что придет вовремя. Не было причин ей не верить, ведь это их первое свидание после четырех месяцев телефонного знакомства — обнюхивания. Он раздраженно встал со скамейки. Сам виноват, какого черта приперся на полчаса раньше? Он подождет еще десять минут и уйдет. И обязательно перестанет к ней звонить — не велика потеря.

Внешне привлекательный, умеющий быть обходительным, он не испытывал недостатка в женщинах. Разных красок и фигур, точно воздушные шары в день города, они быстро лопались под прессом его тяжелого характера, каждый раз разочаровывая. Он знал, почему это происходит: отчужденность от общества, такая характерная наигранная в юности с годами пустила в нем корни, превращая юмор в сарказм, а доверчивого ребенка в циника. И только в редкие дни одиночество выгоняло его из дома на промокшие от дождя улицы, где он голодной сучкой семенил за прохожими, жадно ловя сочувствующие взгляды людей, думающих о другом, и, поздно воротясь домой, падал на кровать разбитый и опустошенный, так ничего, никого не найдя.

Но сейчас он шел к ним спокойный и уверенный в себе. Она заметно робела. Поднаторевшая в свиданиях подруга должна была оттенять ее неловкость, но, видно, ненадолго: передав ему инициативу, она вскоре деликатно удалилась. Вместе с ней пропала и принужденность: оставшись одни, они просто улыбнулись друг другу и пошли рядом. Дорогой она рассказывала о себе много нового, а он, разглядывая кружева ее ниспадающих волос, ясно чувствовал, как внутри него трескается, опадая, надоевшая скорлупа, и сердце глупым воробышком радостно бьется в грудной клетке. В ее внешности не было ничего необычного, но она казалась ему лесным подснежником, глядя на который хотелось сдуть с лица пушистый снег играющих волос, провести рукой по тонкому стебельку шеи, прикоснуться к лепесткам губ, прошептать в миллионный раз на земле и впервые в жизни те самые слова — безоглядно погрузиться в глубину своих чувств и достать со дна жемчужину счастья. У речного канала ветка тополя-ревнивца ударила ей в лицо, и непривычная боль обожгла его расчехленное сердце. Так они прошли половину вселенной, не замечая порывов холодного ветра и любопытных взглядов прохожих.

Магнитофон, лежавший неисправным два года, теперь громко играл в его квартире, а он убеждал ее в том, что поп-музыка — это чревоугодие; разливая чай, перечислял любимые сорта; включив телевизор, до слез смешил ее остротами над ведущим. Посторонний принял бы его за сумасшедшего: в квартире он был один — дойдя до ее дома, они, естественно, расстались. Более того, к своему великому удивлению и досаде, он так и не разглядел ее как женщину, поглощенный ее рассказом. Некоторые Надины суждения казались наивными, но так часто всплывали в памяти, что становились его собственными.

— Метро Кропоткинское.

Розовое солнце воспоминаний поднималось все выше, распуская цветы на пустырях души, — но теперь лопнуло, просыпав тысячи людей всюду: и в тусклых проходах метро, и на разноцветных улицах вечерней Москвы, и в грязных дворах родного микрорайона. Перепрыгивая через одну ступень, он быстро поднимался по подъездной лестнице, словно боясь, что, сновавшие весь путь, руки, тела разнесли по кусочкам его счастье, и он не успеет донести его до дома, до Нади.

Но дома жены не оказалось — он отпер дверь своим ключом и вошел. Включив в комнате свет, Леонид удивился ее непривычному виду: вместо музыкального центра и подаренного тещей японского телевизора уродливо зияли пустые дыры. Он заметался по квартире: пропали дорогие украшения жены и даже чайный сервис...

Когда Леонид лег, было уже поздно. В комнате по-прежнему горел свет. Ему почему-то захотелось встать и выключить его, но он этого не сделал. За стеной шумно бранились соседи-молодожены. Скоро их ругань потеряла резкость и разлилась по комнате забытой мелодией детства, растворясь в тепле гаснущего света... Скорбные лица в лохмотьях, взвалив на плечи толстые ресницы, тянули веко соленого моря. Узлы сознания ослабли, и, освободившись, оно поплыло бумажным змеем в бесконечные просторы сна.

На столике рядом с пустой упаковкой снотворного и граненым стаканом лежала страница старого журнала. На ней под изображением репинских бурлаков красивым размашистым почерком было написано: «Прости, но я полюбила другого и ухожу от тебя. Н.».

А ниже стояли слова Леонида Белака: «Ну и сука ты, Надя».

Меркулов

Перемена закончилась, а учителя все еще не было. Класс 4 «а», нисколько не расстроенный этим обстоятельством, списывал друг у друга домашнюю задачу, заплетал косы, прыгал через парты, опрокидывая стулья и учебники, и гудел как тысяча пчел. Игорь Смородин, мальчик с рыжей копной волос, сидел на последней парте и, опустив руку под стол, на пальцах которой болталась резинка, обводил территорию кабинета горящим от возбуждения взглядом. Пользуясь случаем, Смородин методично отстреливал девичьи затылки и после каждого попадания обнаруживал в себе, казалось умершую навсегда, тягу к знаниям, припадал к учебнику и живописно шевелил губами. Единственная девочка, которой не грозила опасность, сидела за второй партой возле окна и листала разноцветный журнал. В Тамару Меребашвили были влюблены, или любили раньше, все мальчики 4 «а» и кто-то из 4 «б». Правда, сама она не замечала взглядов Смородина: то ли потому, что бросал он их слишком конспиративно, вместе с общим обзором класса, то ли потому, что картинки в журнале интересовали ее больше.

Анна Ивановна, переливаясь красками нового спортивного костюма, с блестящим секундомером на груди шла по безлюдному коридору школы мимо дверей, из-за жары высунутых наружу языками. Сзади она походила на ученика-старшеклассника, из-за того, что волосы ее были коротко острижены, а два когда-то спелых, аппетитных плода скукожились. В молодости она гордилась ими и носила только джинсы, но со временем испепеляющие взгляды мужчин превратили их в обугленные головешки.

Последний кабинет оказался закрытым, она потянула за ручку. Море ребячьих голосов обдало ее волной и стихло – класс удивленно разглядывал учительницу физкультуры. Анна Ивановна понимала, что, сообщив о болезни преподавателя математики сразу, она лишится внимания, и начала с главного:

— Ребята! Кто из вас желает заниматься в секции баскетбола?

Класс забурлил и покрылся двумя десятками рук. Учительница стала записывать фамилии и, когда дошла до моей, дверь кабинета снова открылась, и вошел незнакомый человек невысокого роста с круглым добрым лицом, серыми глазами и приглаженными набок темно-русыми волосами. Живот у него выдавался вперед, а полные усы имели бледно-рыжий цвет.

— Дети, — сказала учительница. — Это ваш тренер!

Так я познакомился с Александром Ивановичем...

Первые занятия посещало много ребят, но скоро спортивный пыл угас, из них остались единицы, и через год никто в нашей школе не увлекался баскетболом, кроме меня.

Я шел на тренировку после уроков, успевая только переодеваться дома. Тогда город не был наводнен бродячими спортивными сумками, как сейчас. Полиэтиленовый пакет «для пищевых продуктов» свободно вмещал в себя пару «вьетнамских» кед и штаны отечественного производства. Последние от долгой носки вздувались на коленях парусами, величина которых выдавала благосостояние родителей. К урокам физкультуры я штаны пачкал и отдавал ничего не подозревающей матери: после стирки они временно приобретали благородный вид.

Детская спортивная школа находилась в двух автобусных остановках от моего дома. Желтое трехэтажное здание разбивалось на два крыла: в правом находились секции волейбола и бокса, в левом — баскетбола и фехтования. В разных концах просторного фойе, подчеркивая разделенностъ, цвели большие тропические растения, способные своими листьями трижды обернуть мальчишеский кулак. Деревянные сидения под ними были скреплены между собой как в кинотеатре, в один ряд. Напротив главного входа находилась высокая стойка, за которой с важностью бармена восседала женщина-вахтер, а за ее спиной тускло блестели винными бутылками ключи от залов.

В фойе мы ожидали тренера, поглядывая в окно, не появился ли его белый «Запорожец». Сидеть без дела скучно даже вахтерше, которая подозрительно смотрит в нашу сторону: «Опять эта разбалованная группа!». Наконец один из нас не выдерживает и, надув щеки, издает красноречивый звук, свидетельствующий о состоянии дел в его организме. После этого он с испуганным лицом поворачивается к соседу: «Ты чего-о?». Все тут же оживляются, кто-то говорит о вреде гороховой пищи, а сосед, не желая оставаться в долгу, отвечает тем же, но так громко, что мы, глядя на вахтершу, дико хохочем, и та, разразившись гневной тирадой,

выгоняет нас на улицу...

Едва Александр Иванович открывал спортзал, ребята с гиканьем мчались в раздевалку: каждый стремился, быстро переодевшись, первым встать возле сейфа, в котором хранились мячи. Сам тренер не спешил и, когда он выходил из своего кабинета в стареньких серых спортивках, аппетитно звеня связкой ключей, мы, измученные ожиданием, не скрывали своей радости. Щелчок, дверца открывается, и очередь, забыв об обязательствах, голодными пираньями набрасывается на подрагивающий железный ящик, оставляя после себя лишь его скелет. В школе не было насоса, большинство мячей были мягкими как переспелые сливы и не возвращались после удара о пол.

Солнечный свет заливал из огромных окон игровую площадку, которая казалась от этого еще просторнее. Дощатый пол упоительно скрипел под ногами. Если из него вырастали шляпки гвоздей, Александр Иванович приносил висевший на дверях спортзала замок и использовал его в качестве молотка.

Во время занятий тренер подзывал нас к себе, чтобы указать на ошибки. Казалось, мяч, такой строптивый минутами ранее, радостно подпрыгивал возле его ноги, готовый в любую минуту выполнить желание хозяина. Маленькие руки тренера, прикоснувшись к мячу, превращались в проворные куницы, и мы как зачарованные следили за их движением. Однако настоящее удовольствие получали тогда, когда тренер бросал по кольцу и... не попадал.

– Вы должны чувствовать мяч, чувствовать мяч, – говорил он, по привычке повторяя слова. — При ведении не опускайте голову, учитесь видеть площадку.

Разговаривая, он щурил глаза, отчего был похож на Высоцкого, фотографии которого висели на стенах у меня дома.

В шестом классе мы отправились на свой первый турнир в г. Орджоникидзе. В соревновании, кроме нас, участвовало всего две команды, которым мы и проиграли. Во время игр я впервые услышал от Александра Ивановича нецензурную брань и еще долго не мог простить ему этого. Позже, оставаясь дома один, я подходил к зеркалу и со смешанным чувством страха, брезгливости и восторга, пробовал на язык все скверно-сладкие слова, которые знал от ребят.

В автобусе по дороге домой, где нас ждали только с победой, с моей подачи было решено говорить правду: да, мы заняли третье место. При шести командах.

На следующий день моя классная руководительница Валентина Александровна вошла в кабинет с журналом в руке, по обыкновению обвела взглядом всех присутствующих и остановилась на мне.

— А, Жильцов, — улыбнулась она. — Появился. Ну, показывай медали!

Я встал и смущенно сообщил про третье место.

— Ну что ж, неплохо, – она неопределенно покачала головой. — Молодец.

Позади меня, там, где находилась причина моих стихотворных мучений — судьбоносная Тамара — послышался вздох разочарования. Я вдруг выпалил:

— Команд было десять! — и густо покраснел.

Ребята одобрительно зашумели, а учительница закивала энергичнее... В седьмом классе я забросил баскетбол. Закончив школу, пошел в армию, а по возвращении перевидал всех одноклассников, друзей и мало-мальски знакомых. Хотел пойти и к Александру Ивановичу, показать, какой я стал, да все как-то не получалось, устроился на работу, и жизнь потекла своим чередом.

Неделю назад обстоятельства, связанные с работой, привели меня в родную спортшколу. Она мало изменилась, только кто-то обрюхатил ее рестораном и дал ей свое имя. Решив личные вопросы, я собрался уходить, но в дверях столкнулся с женщиной, с той самой вахтершей, которой мы, будучи мальчишками, доставляли немало хлопот. Лицо ее заволокло паутиной морщин, а на волосах лежала десятилетней пылью седина. Женщина глядела недоверчиво, досадуя на то, что не заметила, как я входил — она не узнала меня.

— Здравствуйте! Вы ведь знаете Александра Ивановича, тренера по баскетболу?

Ее глаза посветлели.

— Меркулова?

— Да, да, Меркулова, — обрадовался я забытой фамилии. — Он еще тренирует?

Она внимательно посмотрела на меня.

— Умер он.

— К-как умер... Он же молодой... был...

— Сердце болело, — вздохнула женщина, — оттого и умер. Три года уж будет.

Я направился к выходу, не попрощавшись.

— А у нас уже давно нет баскетбола, — заговорила она вдруг торопливо. — Одна борьба да боксы. И в том зале сейчас борьба. Эй! — крикнула она. — Вы что, ходили сюда?!

Но я уже был на улице.

Дедушкин сад

«Волнующей» Фаризе

Дедушкин сад выходит на широкую асфальтированную дорогу — главную достопримечательность села. По ней резво проносятся автомобили — посланники далекой цивилизации, и я, обычно равнодушный к ним, провожаю их завистливым взглядом. Наблюдать за дорогой, спрятавшись в тени деревьев, — единственное развлечение здесь. Калитка соседнего двора жалобно скулит, и появляется старая полногрудая женщина с гигантским кувшином за спиной. Морщины на ее лице кажутся большой молочной пенкой, сняв которую, вернешь молодость. Устало взглянув на ничего не обещающее небо, она поправляет на голове платок и медленно отправляется за водой. В тысяча семисотый раз. Жизнь, исчерпанная кувшинами, спустя полчаса превращается в неживую точку и гаснет.

В последний раз я был здесь десять лет назад. Время, когда убогость сельской действительности не просматривалась в розовых очках, теперь покоящихся в пыльном футляре детства. Не пробыв и десяти дней, вечером я уезжаю обратно в столицу, а пока полуденное солнце остервенело выжимает одинокого старика, бредущего по дороге, сгоняя с его осунувшегося лица ручьи утреннего оптимизма.

В плетеной корзинке на столе лежат алые яблоки. Выбрав самое сексуальное, я с удовольствием кусаю, и оно брызгает, пенясь как шампанское. Мне кажется, что нет на свете ничего слаще обыкновенного яблока, приносящего больше счастья, чем все попытки сделать это самому. Ведь счастье — это уплетенный в детстве пирог, рецепт которого ищешь всю оставшуюся жизнь. Волосатая муха на столе, если ей оторвать крылья, уже не станет объектом беззаботного веселья. Шахтером философии человек все чаще опускается в недра миропознания в поисках того, что лежит на поверхности.

Ах, если бы сейчас пошел дождь! Когда светит солнышко — светятся лица людей, но под палящим солнцем они черствеют. Когда же идет дождь, размягчаются и земля и люди, очищаются и дома и души, слезятся и глаза и окна. А если идет ливень...

Второй взвод линейной роты направился на охраняемый объект для смены караула. Поломка грузовой машины определила нелегкую участь: десять километров в жару предстояло пройти пешком. Люди с интересом глядели на идущих солдат, им бросалась в глаза одна особенность: из двадцати человек — пятнадцать несли с собой только автоматы, зато остальных разглядеть было невозможно из-за несметного числа сумок и вещмешков, висевших на них со всех сторон. Покрикивали время от времени сержанты, но вскоре, утомленные дорогой, замолкли и они. Лишь в конце строя кто-то негромко, но зло выговаривал «молодому» за какую-то оплошность. Уже показалась вдали желанная «караулка», когда в небе раздался взрыв.

— Шире шаг!

Поздно — миллионы серебряных сабель исполосовали тяжелый спертый воздух, и через минуту все двадцать человек безнадежно промокли. Может, именно это обстоятельство так повлияло на них, а может, то был алкогольный ливень, но взвод уставших и озлобленных солдат как по волшебству превратился в озорных детей, бегающих наперегонки по свежим лужам, стараясь забрызгать друг друга. В этой игре не было побежденных — испачкаться доставляло еще больше удовольствия. Глядя из окна комнаты отдыха на приближающуюся, весело орущую смену, начальник караула старшина Мишкин уныло представил себе обратный путь...

«И-у-у!»

Я вздрагиваю и поднимаю голову: большая желто-серая птица сидит совсем рядом — но тут же улетает куда-то по делам. Желтый мяч, запущенный кем-то, медленно опускается на землю — жара спадает. Пора идти в дом собирать вещи. Соседские ворота опять скрипят — согнувшись пополам, старушка возвращается с холодной родниковой водой. От моего яблока мало что осталось — задумавшись, я ел его машинально, перестав чувствовать вкус. Так и жизнь, однажды надкушенная нами, незаметно оказывается в жерновах повседневности и, перемолотая там тысячу семьсот раз, выплевывается жалким огрызком.

С дерева, рубя листья, падает яблоко. Странно, как оно похоже на влюбленного: беспомощное перед силой притяжения, оно стремительно летит, больно ударяется и катится к заветным ногам, чтобы быть раздавленным. Растущее высоко под солнцем другое яблоко куда крупнее, но, вызывая слюнки, оно не упадет и обзаведется червями.

Кажется, не существует другого мира, а есть только дедушкин сад, который учит: «Нет слаще яблок лежащих под ногами, как нет счастья больше, чем мокнуть под дождем...».

О соседе

Что он был за человек? Сказать по правде, мы не были особенно дружны. Да, среди нас, студентов ГИТИСа, он считался самым перспективным. Нет, в общежитии мы не были соседями – я живу на две комнаты дальше по коридору...

Вспомнился один эпизод. Вернувшись поздно вечером, он повстречал меня на лестничной площадке и со смешной восторженностью в мельчайших подробностях описывал разговор с Ефремовым, случившийся только-только. Он вообще о любом пустяке говорил, как о чем-то потрясающем, даже о достоинствах газовой плиты. Такие люди живут чужими жизнями.

В его комнате армия книг Кастанеды, альбомы «Аквариума» за десять лет. Человек, безусловно, начитанный, он имел непроизводительный ум: как губка, которая, впитав воду, выжимает ту же воду. Свои синтетические мысли он произносил с чрезвычайным пафосом, из-за чего слушатель, неподготовленный, принимал словесную пустошь за дикорастущий цветник.

Обманывать слушателя – наша профессия. Но часто, обманывая других, мы обманываемся сами... С кем он дружил? Знался со всеми, со всеми имел хорошие отношения, но мы, такие же, как и он сам, были ему мало интересны. У него не было врагов, но, боюсь, его многие недолюбливали... В комнату, где он жил, я заходил редко – попросить чего-нибудь: сахар там, чай, масло... В последний раз я видел его вчера, часов в девять вечера. Ничего необычного, он возился на кухне, по-моему, чистил картошку, и был один... Жаль, конечно, что с ним это случилось. Просто ужасно... Где, вы говорите, надо расписаться? Здесь, ага, здесь... и здесь, да?

О собаке

«Хорошо, что у меня есть хозяин», — подумала собака, поеживаясь от холода.

В комнате было темно. За окном, не переставая, лил дождь. Он сидел за столом, в телогрейке, и при тусклом свете керосиновой лампы прошивал иглой замученный женский сапог. Она подошла к нему, села рядом на пол и положила голову на колени.

— Не мешай.

Она еще глубже уткнулась в него носом.

— Я занят, — процедил он сквозь зубы и стал давить наперстком ушко иглы, пока та не вошла в мятую сапожную кожу.

Она подняла голову, чтобы взглянуть на него и задела за локоть. Он странно дернулся, пустая чашка опрокинулась со стола и разбилась.

— Вот собака! — он схватился за проколотый палец и отпихнул ее. — Пшла вон отсюда!

Она поднялась, собрала с пола осколки и, не говоря ни слова, вышла из комнаты.

ПОЭЗИЯ

Наталья НАЙДЕНОВА

Крик дождя

Наш гость

Молодая поэтесса Наталья Найденова родилась в селе Александрия Благодаренского района на Ставрополье. Способности к литературному творчеству проявились рано. Уже со школьных лет начала сочинять рассказы. Позже стала писать стихи.

Окончила медучилище в Буденновске. Заканчивает в Ставропольском университете факультет журналистики. Автор нескольких коллективных сборников стихов. Печатается в газетах, журналах. Сегодня Наталья – наш гость: предлагаем стихи Найденовой дагестанским любителям литературы.

ФОТОГРАФИИ ВЕСНЫ

Стекала с неба мутная вода
И падала в протянутые руки.
Нисколько не жалея о разлуке,
Ты покидал Россию навсегда,

И скорый поезд мчался сквозь года,
Туда, куда летят под зиму птицы,
Туда, где светит Южная звезда,
В тот край, что называют заграницей.

С тех пор прошло немало зим и лет.
Тот поезд я уже не вспоминаю.
Ты в письмах мне горячий шлешь
привет,
Тебе я тем же самым отвечаю.

Ты пишешь, что доволен всем вполне
И жить уже не хочешь по-другому,
Вот только почему-то по весне
Душа летит за ласточками к дому.

Да по ночам тревожат часто сны –
Веселые костры в широком поле,
И просьбу шлешь наивную до боли;
«Пришли мне фотографии весны!»

Да разве фотография покажет
Рожденье, побеждающее смерть?!
Нет! Это только сердце перескажет,
И сможет лишь душа запечатлеть!

А шепот первых трав, а море света!
Все, без чего весне весной не быть.
Нет! Невозможно передать все это,
И невозможно это все забыть!

В других краях есть ласточки другие,
Что тоже рады солнцу и цветам –
И все-таки они там не такие,
Да ты ведь понимаешь это сам.

И те костры – весенние приметы,
Что загорались весело во мгле –
Других таких костров на свете нету.
Как нет другой России на земле!

Прости, но фотографии бессильны
Вернуть покой душе твоей и снам.
А если ты тоскуешь по России,
То приезжай, у нас сейчас весна.

Цветы, деревья, травы встрепенулись,
Кругом царит зелено-пестрый май.
Ну а сегодня ласточки вернулись
И тоже приглашают: приезжай!

БЕЛЫЕ ВОРОНЫ

Мы всю жизнь в поднебесье кружим –
Два изгнанника Мира грез,
Согревая друг друга в стужу,
Защищая от бурь и гроз.

Мы на этой земле огромной
Бесприютные много лет.
Люди всюду кричат : «Вороны!» –
И бросают нам камни вслед.

Видно, нету птиц посторонней
И отверженней. Вот беда!
Даже в стае родной, вороньей,
Мы с тобой чужаки всегда!

Как ни кайся и что ни делай,
Неизменен в потоке лет
Цвет пера неприлично-белый,
Непростительно-белый цвет.

ЛЕЖАЛ ЧЕЛОВЕК

Лежал человек на дорожке
Центрального парка.
Он был неподвижен, а может быть,
Даже и мертв.
Суббота. Июль. Было жарко,
Томительно жарко,
И был так далек еще осени
Первый аккорд.
Лежал человек и, наверно,
Ему было плохо.
А может, и не было больше
На свете его.
В тот день было в парке центральном
Людей очень много.
Лежал человек, но никто
Не сказал ничего.
Лежал Человек! А вокруг
Проходили все мимо,
Чужую беду беглым взглядом
Окинув едва.
И била в глаза, и была
Просто невыносима
Июльского неба
Пронзительная синева.

В ТИХОМ ОМУТЕ

Зря смеетесь вы! В тихом омуте
Черти водятся, говорят.
Вы не раз еще, знаю, вспомните
Мой задумчивый тихий взгляд.

Незаметная, неприметная,
Растворюсь я в ночной тиши.

Буду сниться вам, безответная,
Буду жить в глубине души.

Не старайтесь зря, не получится
Тихий голос мой заглушить.
Не колдунья и не разлучница,
Не умею я ворожить.

Но вы вспомните, точно вспомните
Мой ничем не приметный взгляд.
Черти водятся в тихом омуте –
Люди знают, что говорят.

СТАЛ ЗВЕЗДОЙ

Прошло три года, и теперь
Ты не заходишь в эту дверь.
А новый взгляд знакомых глаз
Упрямо избегает нас –
Твоих друзей из прошлых лет...
Так измениться! В чем секрет?
Ты стал другим, совсем другим,
Повсюду гостем дорогим.
Что ж, если дело лишь в цене,
За все заплачено вдвойне:
Надеждой светлой и большой,
Мечтой и, кажется, душой.
Я понимаю, что с тобой:
Был человеком, стал – «звездой».

КЛЕВЕТА

Спасибо за удар из-за угла,
За меткий хладнокровный
Выстрел в спину,
Которого от Вас я не ждала...
Доверчивость опаснее трясины.

Спасибо за урок не слишком
Лестный,
За яркий назидательный пример.
Теперь я знаю – праведный и честный
Еще не значит, что не лицемер.

Спасибо за науку, милый мой!
Теперь-то я уж точно не забуду,
Что умный, благородный и простой –
Портрет не Иисуса, а Иуды!

ИЗ ПОРОДЫ ИКАРОВ...

Ты спросил: «Почему ты такая, скажи?
Почему ты не можешь, как все –
Просто жить?
Почему все готова отдать за мечту
И идти к ней по самому тонкому льду?

Почему ты так любишь глядеть в небеса?
Почему у тебя голубые глаза?
Объясни, почему ты все время грустишь?
Может, ты из породы икаров, малыш?

Не смотри так на звезды,
прошу, не смотри!
И сотри эти слезы, скорее сотри!
Крылья губят, поверь,
Поспеши их сломать.
И забудь, что когда-то
Умела летать!»

Я не стану тебе ничего объяснять,
Все равно ты меня не сумеешь понять.
Просто в небе такая горит синева!
Просто часто бывают пустыми слова!

Просто лед оказался не тоньше,
чем жизнь,
Просто я не умею, как все –
Просто жить!
Просто тихо сказала тебе:
«Отпусти!
Видно, я из породы Икаров,
Прости!»

КРИК ДОЖДЯ

Поздно ночью дождь тревожно
Постучит в мое окно,
Уведет по бездорожью
В мир, где спят, не видя снов.

В мир, где будет все иначе,
В мир, где тьма не застит свет,
Где нет счастья, нет удачи –
Впрочем, горя тоже нет.

Там, в сиреневом пространстве,
Я пройду весь Млечный путь,
Но, устав от звездных странствий,
Возвращусь когда-нибудь.

Будет дождь вот так же плакать...
Ночь... Кругом темным-темно.
И дождинкой – звонкой каплей –
Я ворвусь в свое окно.

Ничего не изменилось –
Звездный холод, высота?
«Мама, здравствуй! Я вернулась!»
Но... уходят, уходя.
«Мама!» – эхо захлебнулось...
Кто услышит крик дождя?

Тишина. На стенах тени –
Как тогда давным-давно.
Словно в прошлое ступени,
Но вернуться не дано...

Солнце мрак ночной разгонит,
Сад умоется росой.
Я останусь в этом доме
Горькой маминой слезой.

НОЧНОЙ ЗВОНОК

Он был нежданным, твой ночной звонок.
Я в полусне всего не понимала.
А ты шептал, что очень одинок
И нету сил писать судьбу сначала,

Что жизнь глупа, как этот скучный дождь,
Разбросанный в холодных серых лужах,
Что никого на свете ты не ждешь
И никому на свете ты не нужен.

И что от липкой грязи на душе
Так хочется заснуть и не проснуться;
Шагнуть в окно на пятом этаже
И никогда обратно не вернуться;

Что 36, быть может, не вполне,
Но 37 – уже невыносимо!
А я была в каком-то полусне
И ничего о главном не спросила.

Сказала только: «А кому легко?
Ты думаешь, что все живут прекрасно,
И лишь твоя удача далеко,
И лишь твоя судьба совсем напрасна?

Но это глупо! Знаешь, нужно жить,
Не списывая боль в ошибки роста.
Шагнуть в окно и обо всем забыть –
Так не бывает – это слишком просто!»

«Не просто, –
ты сказал сквозь горький смех, –
Совсем не просто, а такая малость...»
И в голосе твоем был талый снег,
Да серая осенняя усталость.

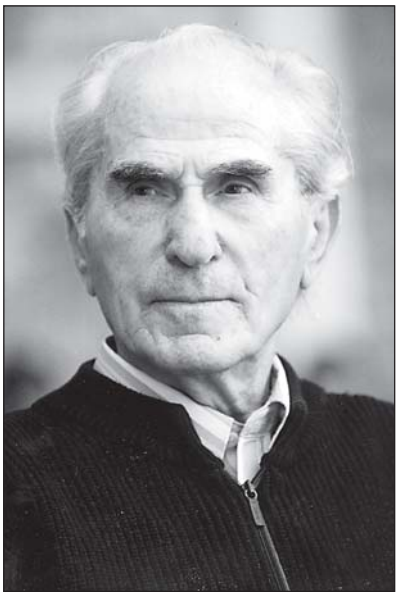
«Неважно! Извини, что разбудил.
А ты права – все это глупо очень!
Забудь про все, что я наговорил,
Спасибо, что ты есть.
Спокойной ночи!..»

Гудки отбоя резанули слух,
Но не острее, чем твое «неважно»,
И на часах застыло два без двух.
А мне вдруг стало холодно и страшно.

«Неважно» – это твой ответ всему...
Ночь обернулась
злобной черной кошкой.
Я поняла, куда и почему
Сегодня опоздала «неотложка»...

Булач ГАДЖИЕВ

Из книги, которой пока нет



Продолжаем публикацию глав из книги, которой пока нет. Ее автор – знаменитый дагестанский краевед, народный учитель СССР из Буйнакска Булач Гаджиев. Главы из этой рукописи мы начали печатать во 2-м номере нашего журнала за прошлый год.

КАРАТИНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

За выдающийся военный и административный талант Галбац-Дибира Каратинского Шамиль назначил главою четырех наибств. Не раз и не два он получал от имама благодарность за свои действия. И, скажем, такие указания, как ниже приводимое письмо, датированное 1884 годом:

«От Шамиля к дорогим братьям, кадию Галбацу, всем его сподвижникам и друзьям. Привет вам и милость.

А затем. Выселите из сел. Хунзах сто пятьдесят дворов сторонников нечестивых в места, где есть наибы. Остальных же расселить по окружающим аулам искренних мусульман. Затем, Галбац, я разрешил тебе взять два орудия в твой вилает. Все».

Галбац-Дибир знал себе цену, был своенравен и нередко мог вскипеть и обидеть зазря человека, даже не разобравшись, виноват он или наговорили на него. Может поэтому, а может по еще каким-либо другим причинам, имам освободил его от всех должностей, передав устно через людей такие слова: «Пусть дома отдохнет!». На его место наибом в Карата Шамиль назначил Шамхала Хелетуринского, вскоре заменив его своим сыном – Кази-Магомедом.

...Как-то в Карата хоронили человека. Жена Кази-Магомеда, несравненная красавица Аминат, со своего балкона наблюдала за скорбным процессом. С высоты двухэтажного дома ей видно было все как на ладони.

Вдруг Аминат встрепенулась. Среди хоронивших людей она обратила внимание на юношу, месившего босыми ногами грязь. Не задумываясь о последствиях, она отправила прислугу узнать, кто этот молодец, с такими привлекательными чертами лица и белой, как у девушки, кожей.

– Сын бывшего наиба Галбац-Дибира, – отвечали ей, – зовут Хадисом.

Слух о том, что жена Кази-Магомеда заинтересовалась молодым человеком, как многоголосое эхо в горах, разошелся по Карате и ее окрестностям. Рано или поздно слух этот докатился и до ушей ее мужа Кази-Магомеда. Он как бы между прочим поговорил с Хадисом, оставил его в покое, а через нарочного отослал Галбац-Дибиру письмо следующего содержания: «От огорченного Кази-Магомеда дорогому и одаренному Галбац-Дибиру привет. А затем. Мною был приглашен... Хадис. Я ему рассказал многое, что было секретом для других, но мои назидания он не принял и за мною не пошел, потому я остался им очень расстроенным. Я считаю, что сейчас мы должны не ссориться, а продление разговора может привести к разрыву отношений. Остальное вам расскажет тот, кто передаст письмо вам».

О носившихся в воздухе слухах и сплетнях узнал, конечно, и Шамиль. Он решил, что будет мудро не оставлять Хадиса на родине. Если у молодых людей появился интерес друг к другу, то действенным лекарством, думал имам, будет их разлука. Хадиса зачислили в телохранители Шамиля и перевели в столицу имамата Ведено.

Проходит какое-то время, и Галбац-Дибира неожиданно извещают о том, что его сын, Хадис, чем-то сильно захворал, поэтому ему следует прибыть в резиденцию имама.

Почуяв недоброе, Галбац-Дибир сел на лошадь и в одиночку отправился в Чечню через Андийский перевал. Люди подсказали ему, в каком доме следует искать Хадиса. Он постучал в двери, однако никто не ответил. Галбац-Дибир вошел в саклю и на полу нашел мертвого сына. На его теле он обнаружил темные пятна, а на бедре рану. Галбац-Дибир не кричал, не звал на помощь, помнил, где находится и как должен вести себя.

Ударом ноги он сломал хребет сыну, вдвое сложил мертвое тело, засунул его в мешок.

– Вот подарок нам от имама, – объявил он своей жене Тамари.

Хадиса предали земле без шума. Прекрасная Аминат из своего окна снова видела, как на кладбище копошатся люди – на балкон она на сей раз не вышла. Страх, охвативший ее несколько дней назад, сковал тело как железным обручем. Она старалась отогнать страшное предчувствие! Идет война, и мало ли кого на ней убивают – на всех сердца не хватит.

Хотя Галбац-Дибир категорически запретил распространяться о случившемся, по кривым улочкам Карата поползли самые разнообразные слухи, в которых, что – правда, а что – кривда, никто не мог разобраться.

Вероятно, все это толкнуло сына имама обратиться к отцу погибшего со следующим письмом: «От огорченного Кази-Магомеда дорогим родителям Галбацу и жене Тамари, привет. Пусть бог даст вам спокойствие. Когда по подозрительной причине кончилась жизнь моего душевного брата Хадиса и его считанные дни прошли... Я не в состоянии понять то, что говорят окружающие меня люди... Пусть бог очищает

грехи погибшего и увеличивает вам милость. Хадисы и аяты о божьем предопределении и вам самим известны...»

Из второй половины письма становится ясным, что его автор понимает, насколько родителям Хадиса тяжело, они могут объявить ему вражду, однако пусть не стараются унизить его, Кази-Магомеда, как человека, и его деятельность как наиба Каратинского...

В начале осени 1859 года Шамиль, потеряв все надежды на победу над царскими войсками, стал перебираться из Чечни в Дагестан. Одну из ночевок по пути в Гуниб он устроил в Карата.

Жители аула на этот раз не выразили того восторга, как бывало в прошлые годы. Они даже старались не покидать пределы своей сакли, своего двора, будто забыли обычаи предков: приходить на помощь людям, попавшим в беду. Только Галбац-Дибир отправился провожать имама в путь. А в это время его родственники сговорились убить Шамиля, когда тот спустится в ущелье Рехани. Галбац-Дибир не только не согласился с ними, но и резко их осудил. Он сказал: «Я верой и правдой служил имаму. То, что вы собираетесь сделать, опозорит наш тухум в Дагестане и Чечне. Если вы не собираетесь отказаться от своего плана, то сперва убейте меня, затем Шамиля».

Месть не состоялась, и Галбац-Дибир вместе с другими взобрался на Гуниб-гору. Он так же, как и другие, перенес все тяготы обороны. Во время переговоров, когда Лазарев захотел, чтобы Шамиль сдал оружие, наиб Муртузали стал вытаскивать из ножен кинжал, но Галбац-Дибир остановил его словами: «Имей терпение!». Вслед за этим он обратился к имаму: «Наши прадеды говорили: у кого много богатства, у кого сладкий язык, тот должен идти впереди. У тебя сладкий язык – иди ты, Шамиль, вперед!».

Шамиль ушел с Юнусом к А. Барятинскому.

После развязки долгого противостояния в Гунибе Галбац-Дибир вернулся в Карата, но не успел от долгого пути отдохнуть, получил от Кази-Магомеда такое письмо:

«Дорогому Галбац-Дибиру и членам вашей семье привет. А затем. Желаю, чтобы вы были здоровы... Я до сих пор не сумел разгадать характер людей. До этого года никак не мог различать грязное от чистого. Я, оказывается, был похож на человека, державшего змею за пазухой. Ох, как жаль, что раньше я не знал об этом. Мы находимся в большом огорчении, что не с таким уважением отнеслись к вам и не позаботились о вашей работе. Наш отец того же мнения. Как бы тяжело не было случившееся от нас, мы просим тебя простить того, что не должно было случиться...

Сегодня мы выезжаем в Петербург. Надеемся на бога, что наше положение улучшится. Крепость Шура, 1276 г. Сапар месяц».

Заканчивая рассказ о каратинской трагедии, я прихожу к мысли, что на самом деле дыма без огня не бывает.

Из слов моего собеседника, потомка Галбац-Дибира, из писем Кази-Магомеда и Шамиля к этому человеку улавливаешь, что жена сына имама, Аминат, видимо, на самом деле увлеклась сыном Галбац-Дибира Хадисом. Последний также оказался в плену несравненной женщины, что привело к большому несчастью, о чем я попытался вкратце рассказать.

Шамиль и Кази-Магомед, насколько я разобрался, раскаялись, а сумели ли Галбац-Дибир и его родичи простить их – мне неведомо.

УРИЖА

В июле 1968 года я посетил дом телетлинца Магомедова Магомед-Тагира и записал трагическую историю девушки по имени Урижа. Вот она.

В ауле Заната жили крестьяне, муж и жена – Осман и Манарша. Женщина была на сносях, когда внезапно от холеры скончался Осман. Родилась девочка, которую нарекли Урижой. Ребенок был редкой красоты.

Урижа с каждым годом хорошела, и к 18 годам слава о ее красоте шла по всей округе, и не один воздыхатель думал по ночам о ней. Рассказывают такой случай. Урижа полола кукурузу, а в это время из Верхнего Батлуха ехал всадник. Услышав пение, он остановил коня, чтобы увидеть певунью. Потрясенный ее внешностью, он понял, что ни украсть Урижу, ни заставить полюбить себя не сможет. Стегнул лошадь плетью и помчался, но на одном из поворотов вылетел из седла, ударился головою о камни и отдал богу душу.

Богачи сватались к ней, в их числе – и человек с жирным лицом и бычьим затылком – бегаул Заната. Он тайно слал ей подарки, но Урижа оставалась холодна к драгоценностям и так же тайно возвращала их. От встреч с ненавистным человеком она ловко ускользала.

Есть люди, которые сплетничают с особенным удовольствием. Осведомители донесли бегаулу, что Урижа и пастух Али безумно любят друг друга. В это время снова разразилась эпидемия холеры. Бегаул, не иначе как, тронувшись умом, пустил слух, что Заната наказана богом, и что спасти жителей аула можно, если Урижу заключить в глухой пещере, а пастуха Али неотлучно держать у скотины, чтобы более они не видели друг друга. Родственники чабана предлагали ему лечь в постель, притворившись зараженным холерой, а он отвечал: «Мужчина днем должен лежать только в саване!».

С тех пор девушка не появлялась в Заната. Как-то раз, когда батлухцы пришли в лес за валежником, услышали песню Урижи:

Бывало, утречком ко мне
Подруги сердца собирались,
Что нынче такое стало?
Знать, они уже не те?

Было время, по ночам
Меня любимый навещал,
А нынче его не видно,
Может, сердцем охладел?

Дальше она пела, желая, чтобы над аулом дождик пролился, чтобы девушки домой вернулись, пусть на Талакоринские горы снег упадет, чтобы милый скорей с отарой вниз спустился.

Батлухцы подошли к пещере и увидели, что здоровье девушки расшатано, ей осталось мало жить. Из Заната прибежала мать.

Ой, мама, умру я, умру.
Уж на левом плече моем
И на правом боку тоже
Печать смерти – гибели моей.

Она просила кольца свои раздать подругам и плакальщицам. Пусть ее тело на кладбище понесет, кроме других, и Али...

На следующий день умерла занатинка, будто закатилось солнце, от горя мама ее сошла с ума, а пастух, услышав, что возлюбленная при смерти, просил вырвать его сердце и передать Уриже. Только тогда люди поняли, кто виноват в гибели влюбленных, и сочинили свою песню, где есть и такие слова, обращенные к бегаулу:

Да убьет молния злодея,
Главу аула – злодея,
Что на ссылку осудил
Красоту твою солнечную.

На стене пещеры, где ютилась Урижа, до сих пор можно увидеть изображения человеческих фигур, коня и кисти рук.

Все это произошло, как считали местные старожилы, в 1884 году. Жители Заната останки девушки перенесли на сельское кладбище, но точное место, где она погребена, вряд ли кто вам покажет, а вот песня о судьбе влюбленных до сих пор бытует в наших горах. Ее-то и записал мой товарищ М. Т. Магомедов.

ПОЖЕРТВОВАЛА СОБОЮ

У кумторкалинца Гапура дядя был холост. Однажды Гапур его спрашивает: «В Муслимауле (ныне Атланаул) я приметил одну красавицу. Как смотришь, если поеду, за ней?». Уламывать дядю пришлось долго. Наконец он сдался. Договорились и с невестой. Через месяц отправились за красавицей, и вдруг она заартачилась: «До меня дошел слух, что жених в возрасте, да еще и скуп, потому даю отказ».

А в это время в Кумторкале уже полным ходом гуляет свадьба, народ ждет невесту. Не с пустыми же руками возвращаться. Уговорили какую-то вдову и повезли. Дядя ни в какую: по приметам понял, что привезли не ту. Тогда мать Гапура, тоже родом из Муслимаула, взяла за руку вдову и повела к себе домой: «Будешь второю женой моего мужа!». А обделенный жених собрал нескольких молодцев, поскакал в Муслимаул, выкрал красавицу и привез к себе домой.

Жили они в довольствии. И вдова обрела свое счастье – почти до ста лет она прожила с отцом Гапура. А вот его родная мать, та, что приютила чужую женщину, пожертвовав собой ради чести своего села, недолго протянула.

УВЕЗ НА ФАЭТОНЕ

Хайбулла Алиев, выходец из Телетля, человек интересной судьбы, имевший высший милицейский чин в предвоенном Дагестане, иногда выкидывал такие кульбиты, что многие хватались за головы. Вот один из них.

Однажды Хайбулла, прогуливаясь по одной из аллей темирханшуринского горсада, увидел девушку. Шла она в окружении нескольких подружек и одной пожилой дамы. Друзья навели справки, и очень скоро Хайбулла знал, что красавицу зовут Папам, и что она дочь эрпелинского князя.

Была ни была, сказал себе Хайбулла, и на фаэтоне с несколькими товарищами покатил в Эрпели. Им здорово повезло: ворота дома красавицы оказались не запертыми, а, кроме того, Папам была одна-одинешенька в большом доме. Не подозревая об опасности, она сидела на ступеньках лестницы. Фаэтон вкатился во двор, молодцы схватили девушку, и, как она не сопротивлялась, не кричала, не умоляла оставить ее в покое, усадили в коляску, чтобы укатить в Темир-Хан-Шуру. Похититель в это время занимал должность заместителя начальника милиции округа. Учитывая заслуги Хайбуллы Алиева в гражданской войне, его простили. А вот Папам ни за что не хотела подчиниться, билась в истерике, заявляя, что она княгиня, и ни за что не пойдет за узденя замуж. Однако красавица очень скоро должна была все-таки смириться, и вот почему.

Двоюродным братом Папам являлся кафыркумухец полковник Алархан. Он сказал: «Если не смиришься, убью», но поскольку девушка все еще роптала, Алархан избил ее кнутом и отправил в Эрпели. Обо всем этом было известно родителям Папам, и когда заявились сваты, они, ни слова не говоря, дали свое согласие.

Поступок Алархана объяснялся очень просто: он был другом Хайбуллы, кроме того последний не один раз приходил на помощь кафыркумухцу, когда у того наступали трудные дни.

Эрпелинка была высокого роста и обладала недюжинной силой. Мне показывали трюмо высотою не менее трех метров, с толстым зеркалом, весом что-то около 70 кг. Папам легко переставляла его с места на место. Однажды она избила женщину, которая взяла дорогую вещь, но ни денег, ни ценность не возвращала. Строга она была и к своим детям – Забиту и Патимат.

А главное – полюбила-таки своего мужа, которого сперва отвергала.

РЕШИЛ ПО-СВОЕМУ

Как-то население аула Кулибухна собралось в живописном местечке, чтобы совершить мавлид.

В самый разгар молитвы из села поступила пренеприятная весть: похитили Патимат, девушку из тухума Мамма. Попросив у бога прощения, кулибухнинцы, прервали мавлид и устремились за похитителями. С той и другой стороны раздавались выстрелы, но почему-то ни с той, ни с другой стороны жертв не оказалось. Короче говоря, погоня кончилась ничем.

Потом выяснилось, что весь этот кармагал был устроен ради молодца Мустафы из селения Карани. Стороны помирились, и Патимат стала женою похитителя.

А еще позже выяснилось, что и похищение и погоня были всего-навсего спектаклем, предназначенным для родителей. Но разве нельзя было по-человечески засватать кулибухнинку за каранинца? Оказывается – нет. Руку красавице предлагали не менее достойные молодцы, чем Мустафа. Поэтому эту задачу последний решил по-своему.

РЕШИТЕЛЬНОСТЬ

Будучи на булка (сбор сельчан для оказания помощи односельчанину), Хадижат впервые увидела суженого. Возвратилась девушка домой и заявила отцу и матери:

– Я за него замуж не пойду!

– Почему? – всполошились родители.

– Потому что у жениха позвоночник слабый.

– Как ты могла об этом узнать?

– На булка он сидел развалившись.

И не вышла замуж. Родители сносили ее характер – она была единственным ребенком в семье. А в мужья Хадижат выбрала Ильяса из Цудахара. Последний считал себя счастливцем: жена его, хотя не отличалась особой статью, внешностью мало кому уступала.

Бедняга Ильяс умер в 1925 году, а Хадижат осталась с четырьмя детьми мал-мала меньше. Женщина работала день и ночь, чтобы не уронить себя в глазах соседей. Была у нее черта, которая отличала ее от других: решительность. Ни от кого не скрывала, что при советской власти молится, читает Коран, держит уразу, знает истории пророков и всему этому учит своих детей.

Обо всем этом знали и власти, и школа, однако связываться с ней не осмеливались.

Хадижат умерла через 33 года после мужа, поставив на ноги всех своих детей.

ХАСАВЮРТ–ТЕГЕРАН–ПАРИЖ–МАХАЧКАЛА

Художница Ольга Васильевна Гюлли Иранпур происходит из знаменитой семьи Бергов. Я не искусствовед, потому речь пойдет не столько о картинах дагестанской художницы, сколько о ее биографии.

Дед Ольги Васильевны, Николай Васильевич Берг, выдающийся журналист, писатель и переводчик, участвовал во время Крымской войны в обо-

роне Севастополя. Но я не упомянул бы имя Николая Васильевича Берга, если бы в августе 1859 года он не присутствовал в Гунибе, где Шамиль сложил оружие. Дед Гюлли Иранпур знал также и арабский язык. Таким образом, он мог быть переводчиком между имамом и А. Барятинским. Такое предположение не исключается.

Не менее интересна биография нашей художницы по материнской линии. Прадед Ольги Васильевны, поэт Аполлон Майков бывал в наших краях во время Кавказской войны и вывез отсюда «черкешенку». Она родила ему мальчика, будущего деда моей героини, его звали Николай Новиков. Он получил дворянский титул. Увлекся медициной, дослужился до чина генерала. Во время русско-японской войны был судовым врачом. Японцы потопили корабль, на котором служил он, но Новиков чудом спасся. После войны служил в Тамбове, а последние годы его прошли в Калуге, где он имел собственный дом. Его дочь, Ольга Новикова, вышла замуж за Берга, Гюлли Иранпур – их дочь.

Мать Гюлли, Ольга Николаевна, приходилась близкой родственницей художнику Коровину. Отец моей героини, Василий Берг, являлся создателем мельницы, очищающей просо от шелухи, исследователем мелкой вспашки, а главное – впервые в мире – Василий Николаевич (более чем 150 лет назад) выдвинул гипотезу об озоновом слое и черных дырах в космосе.

Теперь, когда я пунктирно коснулся жизни нескольких близких людей Ольги Васильевны, читателю, надеюсь, нетрудно представить, в какой просвещенной семье воспитывалась будущая дагестанская художница. Хотя я знал ее немало лет, однако обратился к ней только в 1979 году. Мне очень повезло. В ее рассказ мне не пришлось вносить особенные коррективы.

– Любовь к изобразительному искусству, – говорила Гюлли Иранпур, – это в крови Бергов. Мы не мыслим жизнь без мольберта, холста, полотна. Да и к писательскому труду у нас есть наклонность. Дед начал писать стихи с 9 лет, отец также с такого возраста. И хотя мне этого никто не внушал, я начала сочинять вирши с 9 лет. Совпадение? Не знаю.

Отец мой был известным рисовальщиком, он один из основателей общества московских художников. Многие его картины были уничтожены во время пожара. Студия отца находилась на втором этаже, а внизу – кухня с газом. Вся студия сгорела.

Не знаю, рок это или еще что, но у меня с картинами тоже такое случилось. Думала: повесится, что ли? Около 100 картин исчезли после выставки в Москве, и в Европе в Париже, Антверпене и в других городах, где демонстрировали, кроме них, мною созданные скульптуры, предметы прикладного искусства, костюмы. Все это вспоминаю с ужасом: мой 20-летний труд был похищен...

Моя любимая тема – космос. Графические работы: «Рождение космонавта», «В космосе», «Гагарин», «Рождение новой эры» и другие посвящены ему, космосу... Это увлечение от отца. А на иранскую тему я написала картину «Народ идет за мир».

– Простите, – перебиваю я, – при чем тут Иран?

– Дело в том, – отвечала художница, – что мой муж, Фарух Ибрагимович, по профессии химик, известный в республике, кумык по национальности. У отца Фаруха мама была аваркой, а дед – азербайджанец. Он приехал из Ирана. Остался здесь, женился и жил в Хасавюрте. Когда нас начали преследовать, мы вынуждены были выехать за границу. Это было в 1935 году. Жили в Тегеране. Я не только выучила фарси, но на языке иранцев писала стихи, оттуда выезжала выставлять свои картины в европейских столицах. Тогда к моему имени стали прибавлять новую фамилию «Гюлли Иранпур». Думаю, нетрудно догадаться, что слова эти обозначают «Цветок Ирана». Мне, конечно, такое название льстило. Ах, молодость, молодость! В те годы я, как говорили люди, была красива и слова «Гюлли Иранпур» можно было отнести не только к моему творчеству.

В Тегеране изваяла такие работы, как «Фирдоуси», «Фирдоуси на фоне своего Рустама», «Иранская мадонна», которую приобрели бельгийцы, статуэтка «Идущая» осталась в Иране...

В 1958 году нам, наконец, разрешили вернуться на родину мужа, которая стала и для меня тоже родиной. Я люблю Дагестан, его природу и особенно его людей. И они меня полюбили, приняли как свою невестку. Стараются помочь. Дали возможность нашим детям получить образование.

Сын Ольги Васильевны – Лель – разносторонний художник-оформитель. Он знает, кроме русского, французский и фарси. Леля я знал лично. На вид ему было лет 35, не более. Высокий. Помню, как он, заранее предупредив меня, привез в Буйнакск делегацию из Анголы. Это был праздник! В нем участвовали не только учащиеся и учителя города, но и городские власти. Тогда еще мы не были избалованы иностранцами. По вероисповеданию ангольцы – мусульмане, имена их совпадают или схожи с дагестанскими. И когда они называли свои имена или имена соплеменников – Магомед, Ахмед, Хадижат, Патимат – я, обращаясь к залу, просил подняться юношей и девушек с такими же именами. Взаимный восторг был неподдельным. Однако всего этого не случилось бы, если бы синхронный перевод с французского не вел бы Лель Иранпур, если бы не его улыбка, смех и его веселые комментарии.

Сын Ольги Васильевны и Фаруха Ибрагимовича, Лель был и физически хорошо развит. Рослый, широкоплечий, красивый (в маму), он увлекался и скалолазанием. И когда в очередной раз я повез сотни людей в «Ущелье Марковых», он оказал всем нам незаменимую услугу. На гладкой стене скалы, на высоте 16 метров, установил тяжелую мраморную плиту, рассказывающую, какая трагедия произошла с четою Марковых в этих местах в 1922 году. Это нельзя забыть.

Дочь Ольги Васильевны и Фаруха Ибрагимовича, Сарванез, получила имя графини из «Шахнаме» Фирдоуси. Она окончила университет в Тегеране, знает английский, французский, фарси. Преподавала французский в ДГУ. Повторюсь: с этой милой семьей я встречался в 1979 году. Сегодня в живых нет моей героини – Ольги Васильевны Гюлли Иранпур Берг и ее мужа – ученого и прекрасного человека – Фаруха Ибрагимовича.

НАТАЛЬЯ ФРАНЦЕВНА – НАПИСАТ МАГОМЕДОВНА

То, о чем я собираюсь рассказать, произошло в конце лета 1981 года. На улице встретилась мне моложавая светлолицая среднего роста дагестанка. Она была в трауре. Показалось, что женщина мне знакома, потому я остановил ее.

– Да, вот, – отвечала она – ношу траур по мужу, скончавшемуся три года назад.

Выразив запоздалое соболезнование, я собирался уйти, но дама задержала меня:

– Насчет сына, обучающегося у вас, – проговорила она, опустив глаза. – Зовут его Ильяс Гебеков. Классная руководительница грозится, что его ис-

ключат из школы...

– А как вас зовут?

– Анна Магомедовна.

– Анна? – вырвалось у меня. – Почему Анна?

– Так отец назвал, – отвечала женщина, и продолжила: – Ильяс у меня очень нервный мальчик. Характер как у бабушки – польский...

– Не понял вас.

– Бабушка Ильяса, видите ли, была из Варшавы...

Надо же: у дагестанского мальчика бабушка из Варшавы! Было чему удивиться. Уладив конфликт Ильяса с классруком, я, как и договорились, заявился к Анне Магомедовне, в надежде услышать загадочную историю.

– Я кумычка, – начала свое повествование Анна Магомедовна. – Когда я родилась, меня назвали Айбике, но так как долго болела и могла умереть, мне поменяли имя на Анну – и я выздоровела.

До войны мои родители жили за речкой Шура-озень, в Куланбаве; отец был рабочим, а мама исполняла обязанности завскладом. На Куланбаве много жило русских, мы вращались среди них. Может, поэтому отец назвал меня Анной. Не знаю... Теперь о вашем вопросе. В Халимбекауле жил крестьянин по имени Ичакаим – весьма богатый человек. С несколькими земляками он отправился в Польшу по торговым делам. Вот оттуда-то он привез 18-летнюю Наталью Францевну. Халимбекаульцу это удалось непросто: пришлось несколько раз съездить на ее родину, чтобы уговорить Наталью Францевну бросить все и уехать на Кавказ. Видимо, свою роль сыграли два обстоятельства. Во-первых, Ичакаим был видный мужчина. И еще – состоятельным человеком. Иначе зачем красивой девушке пускаться в рискованную неизвестность. Моя бабушка, Патимат Сельдерханова, рассказывала, что полячка отличалась внешностью и бойким характером. В общем, мужчины Халимбекаула рассудили, что красивее ее в селении нет ни женщины, ни девушки. На нее многие косились, впрочем, до тех пор, пока Наталья Францевна не приняла мусульманскую веру и не стала именоваться Написат Магомедовной.

Была она среднего роста, плотного телосложения, с черными глазами и длинными черными косами. Не молилась, хотя молитвы знала не хуже сельчанок. Мастерица, исключительно чистоплотная. Любила и умела готовить блюда дагестанской кухни. Увлекалась музыкой и чтением. Интересно было за ней наблюдать, когда показывали многосерийный фильм «Четыре танкиста и собака». Она успевала раньше дубляжа переводить текст с польского на русский. Когда же кончалась очередная серия, мы видели на ее глазах слезы.

Я поинтересовалась, была ли у нее родня, а Наталья Францевна не в шутку обиделась:

– Как же не была, – отвечала она. – Как и у всех людей имелись отец, мать, семь дядь, брат, который приезжал в Халимбекаул навестить меня. Наш большой дом располагался на одном из проспектов Варшавы. А училась я в России...

И, правда, брат навещал ее, притом не один раз, все уговаривал сестру вернуться на родину. Но она отказалась, очень любила мужа. Когда мы, это уже после войны, предлагали ей поискать родителей, она отвечала: «Всех их, наверное, немцы перебили. Куда я поеду? А здесь дети, муж».

Она стала одеваться как все наши сельчанки и быстро выучила кумыкский язык. Характер у чужестранки был настойчивый, чтобы все было по ней. Не ругалась, не скандалила, но все же от сказанного не отступала ни на шаг. В 1918 году родила дочь Зубаржат, будущую мою тетю. Однако не прошло и 40 дней после этого радостного события, как Ичакаим нелепо погиб. Случилось вот что. Он был не только богатым, но и гордым человеком, а его сосед по дому Гебек был на язык острым. Они чего-то повздорили между собою, Ичакаим возьми да и скажи, что ему ничего не стоит совершить любой подвиг. Они ехали на поезде, стоя в тамбуре.

– Например? – спросил Гебек.

– Например? – переспросил Ичакаим. – Например, на ходу с нашего поезда прыгнул на ступеньки вагона встречного поезда.

– Зачем?

– Затем, чтобы доказать тебе, что я не бросаю слова на ветер.

И представляете, прыгнул. Что с ним стало, трудно описать. Хоронили его в Халимбекауле, а Гебек все не мог успокоиться, считая себя убийцей односельчанина.

После этого трагического случая жизнь супруги погибшего круто изменилась. Сама Наталья Францевна рассказывала об этом так: «Когда яс кончился, родственники Ичакаима ничего мне не дали, вручили как вещь дочь и выпроводили вон со двора. Пробыла на улице, не зная, куда себя деть, аж до темноты. Решила идти к Гебеку. Говорю: так и так, мне некуда идти. А у Гебека жена и двое детей. Однако он страшно обрадовался...» Я думаю, было, конечно, отчего: в его дом вошла красавица, на которую зарились все мужчины. Поколебавшись ради приличия, он открыл перед ней ворота своего дома. Через месяца три жена Гебека почуяла неладное: хотя бы по тому, что муж перестал исполнять супружеские обязанности. Когда же убедилась, что Гебек души не чает в полячке, оставила детей на него и уехала к своим братьям.

Наталья вступила в колхоз. Считая, что женщина получила иное воспитание, росла совершенно в других условиях, руководство определило ее в медпункт санитаркой. Хотя, по правде говоря, разве образованной, владеющей несколькими языками, полячке следовало заниматься перевязками, да обходом больных по домам?

Недолго длилась ее семейная жизнь с Гебеком. Этот человек категорически противился колхозам, потому был вынужден уехать в Хасавюрт, где и умер в 1935 году, оставив дочь и двух сыновей на плечах молодой жены.

Сын Гебеков Вагит окончил военное училище в Астрахани, воевал, попал в плен. В 1945 году вернулся домой, но вскоре его забрали, осудили на 10 лет. Отсидел от и до. Уже после смерти Сталина вернулся. С другим сыном – Гебековым Абкеримом дела сложились хуже некуда. Нигде не работал, спился. Умер в 1981 году. От него остался сын, внук Натальи Францевны, Абсаид. Трудился в восторге, спортсмен, умный, деловой парень, радовал, утешал бабушку.

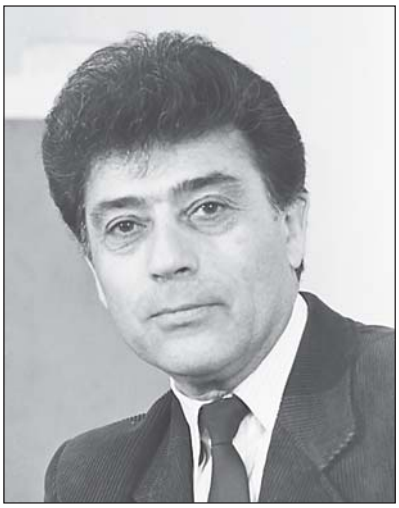
А жила она у своей дочери от первого мужа – Зубаржат. Ей пошел 84-й год, когда сильно простудилась и умерла. Я хорошо помню тот февральский день 1972 года. Из дома в дом передавали скорбную весть о том, что скончалась Написат Магомедовна. Все село хоронило ее, и никому в голову не приходила мысль, что она не наша, не дагестанка. Мир праху ее».

На этой фразе Анна Магомедовна умолкла.

– Кем же эта женщина приходилась вам? – прерываю я паузу.

– Свекровью, – ответила она. – Это мать моего супруга.

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ



Сугури УВАЙСОВ

НЕ ЗНАЛ, ЧТО Я СИЛЬНЫЙ!

Мне ребята говорят:
– Стыдно! Тянешь класс назад!
Я уроков не учил –
Столько двоек получил!
Мама говорит с укором:
– Стыдно заходить мне в школу!

Я исправил двойки враз –
В школе лучшим стал наш класс.
Сам не знал, что я такой –
Умный, сильный – вот какой!

ЧАСЫ УСТАЛИ

Не идут часы у нас.
Я открыл их как-то раз.
Шестеренки поглядел...
В общем, с ними много дел!
Тут я понял, что с часами!
Просто стали!
Стали сами!
Я ведь, если устаю,
Тоже стану и стою!

КОГДА Я С ДЕДУШКОЙ ИДУ

Рядом с дедушкой иду
У мальчишек на виду.
Убегает Сулейман,
Замирает и Салман.
Даже злой соседский пес
Поджимает в страхе хвост.
Грозный Магомед дрожит,
С глаз долой скорей бежит.
Нет сильней меня в ауле,
Коли я иду с дедулей!

БЛИЗНЕЦЫ

Мы с Гусейном близнецы,
В школу ходим дружно.
Друг за друга постоим,
Если будет нужно.
Всюду вместе мы всегда,
До того похожи,
Что никто нас никогда
Различить не может.
И оценки каждый раз,
Честно вам признаться,
Одинаковы у нас –
Чтоб не выделяться.
Двойка брату,
Двойка мне –
Ну а вместе сколько?
Получается вполне
Твёрдая четвёрка!
И мама с гордостью всем
Говорит на улице:
– И Гасан мой, и Гусейн
На четверки учатся!

ЕСЛИ СОЛНЦУ НАДО

В наш маленький двор
Из чужого села
В погоне за солнцем
И ночь приползла.
Чтоб солнцу помочь
Убежать со двора,
Я с ночью бороться
Готов до утра.

КТО СТАРШЕ?

– Сколько лет тебе, Вали?
– Больше, чем тебе, Али!
– Удивился бы любой!
Мы ж ровесники с тобой!
Нам с тобой по десять лет!..
Говорит Вали в ответ:
– Я сегодня старше стал!
Ты, Али, на год отстал!
Мы вот в третий класс идем,
Ты ж остался во втором!

КРЫЛАТЫЙ ДНЕВНИК

Когда пятерки в дневнике,
Иду из школы налегке.
Клянусь, что мой дневник крылат,
Когда пятерки в нём стоят!
Но что сейчас случилось с ним,
Крылатым дневником моим?
Я сумку не могу поднять!
И не могу никак понять,
Кто положил в нее свинец?
От двойки так тяжел дневник,
А он крылатым быть привык!

ГОСТЬЯ

Вот редис, а вот щавель,
Вот зеленый лук!
Солнце греет целый день,
Словно добрый друг.
Выходи скорей во двор!
К нам Весна пришла!
И гостинцы, и тепло
С юга принесла!

НЕ...

– Бери!
– Не возьму!
– Иди!
– Не пойду!
– Принеси!
– Не принесу!
Кто такой он, этот НЕкий?
Говорит он «НЕ» всегда.
Неужели, неужели
Он не знает слово «ДА»?
Предложу ему конфету –
Что тогда он скажет мне?
Изменился сразу НЕкий
И забыл он тут же «НЕ».

КЛЕТКУ СДЕЛАЙ, МАМА, МНЕ

Если кот мяукнет: «Мяу!» –
Вновь меня ругает мама:
«Баловник! Не тронь кота –
Скоро будет без хвоста!»
Завопит сестра: «Отстань!
Хулиганить перестань!»
Я ж кота не задирал,
Чтоб, как пьяный он орал.
Просто так я, понарошку,
Хвост прижал ему немножко.
А в сестру я что, стрелял?
В лоб один щелчок ей дал!
Мама, виноваты руки!
Как тут быть, сама суди.
Сделай мне большую клетку
И в ту клетку посади!

ВИНОВАТО ЛИ ЗЕРКАЛО?

«Бессовестный, – кричит соседка, –
Собаку натравил зачем?
Ах, бедная моя наседка –
Она измучена совсем!
Ну что ты делаешь, негодник?
Ты нехороший тип такой!»
Чтобы её не слушать долго,
Я побежал к себе домой.
У зеркала стоял и думал:
«Я вовсе не такой уж злой...
И чуб красивый, и фигура,
И с носом, вроде, повезло,
Но...»
Сосед-шофёр чинил машину,
И я решил ему помочь.
Измазался, пропах бензином,
Чумазый, чёрный – чёрт точь-в-точь!
«Какой ты умный и красивый!
Родителям хвала и честь,
Что добрый и трудолюбивый
У них такой сыночек есть!» –
Хвалил сосед всё утро.
Да что случилось вдруг со мной?
Я к зеркалу лечу как будто
Большие крылья за спиной!
А в зеркале – чумазый парень.
Красавец?.. Что-то не похож!
Скажи, пожалуйста, мне правду –
Когда же, зеркало, ты врёшь?

Перевод с лакского Л. ШУБНОЙ

Зулейха МАГОМЕДОВА,
кандидат филологических наук

«Верба» – глагол с дагестанским акцентом

В современной русскоязычной литературе Дагестана существует несколько направлений развития художественной системы мышления. В одном случае это осмысленное приобщение к русской классической литературе, в другом – попытки приобщения к литературе мирового художественного авангарда, в третьем – новый виток в освоении поэтики художников Серебряного века. Довольно часто наблюдается обращение к традициям восточной культуры, которые теперь, в большинстве своем как дань моде, переводятся в русло псевдосуфизма. В любом случае сам факт обращения к образцам мировой поэзии Востока и Запада, своим национальным художественным эталонам, овладение техникой русскоязычного письма – явление прогрессивное и перспективное для культуры каждого отдельно взятого этноса.

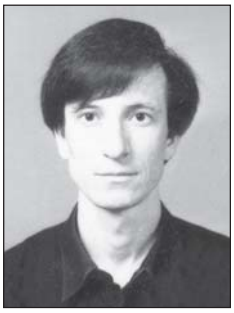
Русскоязычная поэзия Дагестана до сих пор остается на периферии литературоведческого внимания, что объяснимо отсутствием до недавнего времени достаточного количества произведений, способных вызвать какой-либо интерес. Эта статья, как представляется, является одной из первых попыток осмысления этнопсихологических особенностей творчества некоторых молодых русскоязычных поэтов нашей республики.

Они объединились в литературном кружке «Верба». И пусть большинство читателей говорит о некой психотерапевтической функции этих молодых поэтов, о некоем «клапане» для неокрепших эмоций, тексты их зачастую свидетельствуют о другом. Их объединяет отсутствие ярко выраженных внеэстетических задач, стремление уйти от политических, социальных мотивов, сосредоточенность на сугубо художественной и личностной проблематике. Упорно выделяется личностная доминанта авторского мировосприятия. Герои их произведений абсолютно не способны замечать что-либо, не имеющее к ним непосредственного отношения. Мир воспринимается только тогда, когда больно бьет по голове, по нервам, по самолюбию. Тем не менее, нельзя не учитывать востребованность сегодня новых эстетических кодов, носителями которых они являются. Это Эмир-Махди (Эмир Махтиев), Марьям Кабашилова, Ших Фазир (Фазир Джаферов), Заира Гаджибалаева, Мадина Хуршилова, Юлия Зачесова, Заира Акмурзаева, Сергей Михеев, Мария Алешечкина, Руслан Исаев…

Кто-то из них издается, имена многих часто мелькают в прессе, а есть и такие, кто пока еще не известны широкому читателю. Они не похожи друг на друга: у каждого свой опыт, своя степень зрелости, своя нота. Однако есть и сквозные знаки принадлежности к единой «школе»: все они ограничиваются несколькими традиционными размерами, все продолжают линию Серебряного века (а многие и Фета и Бунина, традиции, которые в начале нынешнего века не иссякли), тексты их довольно плотно насыщены скрытыми цитатами – точнее их отзвуками. Кроме отзвуков очень заметных – из Есенина, Цветаевой, Ахматовой, Пастернака, Г. Иванова, Ходасевича, И. Северянина, Бальмонта, есть и менее очевидные – из раннего Бродского. А в целом их поэзия демонстрирует яркое стилевое и тематическое разнообразие и много общего в поэтическом видении мира.

Поэзию группы «Верба» можно охарактеризовать и так: это поэзия прежде всего свободная. Свободная от внешних и внутренних запретов. Свободная не только от подчинения государственной идеологии, но и от противостояния ей. Потому что, отрицая, мы повторяем отрицаемое, хотя и в отраженном зеркальном виде. Поэзия перестала ориентироваться на идеологию. Для молодого автора, не испытавшего жестокого идеологического нажима, такое положение дел совершенно естественно.

Один из наиболее известных участников кружка «Верба» Эмир-Махди (Эмир Махтиев), предваряя свой сборник стихов «Мыслесловие: начало» пишет: «Кто я? Зачем я появился на этот свет? Для чего живу? С каким сердцем оставлю этот мир? Что такое жизнь? Что такое смерть? Что такое Бог? Я не знаю!».



Руководитель объединения «Верба» Фазир Джаферов (псевдоним Ших Фазир) родился в селении Цнал Хивского района. Детство и юность провел в родном селении. «Напитан соками родного языка», – как он сам говорит. Стихи пишет с ранних лет, окончил Литературный институт в 2000 году.

Дипломная работа включала его собственные стихи, переводы с национальных языков Дагестана, а также переводы с английского Шекспира, с немецкого Гейне, переводы О. Хайяма. Испытал он и сильное влияние произведений С. Есенина, а также поэтов Серебряного века. В своих стихах использует поэтические приемы И. Бродского. Родным языком владеет в совершенстве.

Таким образом, можно с определенностью говорить о нем, как о поэте истинно евразийского толка, который осознанно и профессионально соединяет в своем творчестве Восток и Запад, дагестанское и русское.

Запад есть Запад.
Восток есть Восток.
И не сойтись никогда им.
Ты на престоле, я у твоих ног.
Любим, и ждем, и страдаем.
Песня ашуга и алый цветок –
Знак тебе в день Валентина.
Запад есть Запад.
Восток есть Восток.
Мы их сведем воедино.

Это и другие произведения из сборника «Великий сирота», изданного в Ма-

хачкале в 2001 году, многочисленные стихотворения, публикуемые в прессе, демонстрируют наличие в дагестанской литературе новых, совершенно непривычных, нетрадиционных культурных импульсов. Это относится не только к творчеству Ших Фазира, и не только к поэзии. В поэтическом самовыражении сугубо национального автора посредством русского языка отмечается общая тенденция, характерная для нынешнего времени. Наблюдается, что индивид с разной степенью интенсивности может идентифицировать себя как с одной, так и одновременно с двумя и более этническими сообществами.

Подобная двойная идентичность характерна далеко не всем представителям творческой молодежи Дагестана. Некоторые из них используют в своем творчестве родной язык, хорошо владея при этом русским. В основном же художественно-мыслительные процессы людей, освоивших русский язык и культуру, проходят на русском языке, что и представлено в творчестве Ших Фазира. Его, человека выросшего и сформировавшегося в достаточном отдалении от центров иных культур, тянет вжиться в чужеродность, хочется удержать ее в сознании, он проникает в нюансы другого менталитета столь глубоко, что в культурном плане порой превосходит носителей этого другого языка. Он, как и остальные «вербовцы», в первую очередь адепт поэзии Серебряного века, символистов, но в отличие, к примеру, от Эмира, его поэзия менее спонтанна и каждый образ – это отблеск какой-то литературной традиции. Меньше наития и больше филологичности – может быть, это результат активной переводческой деятельности?

Как и большинство «вербовцев» он ищет метафору для выражения своего душевного состояния и так же, как они, пытается найти в своем творчестве пристанище для души. Скрытый мотив одиночества и жестокости окружающего мира стал для них основным. У Фазира же в роли психологической защиты зачастую выступает эпатажный цинизм и откровенное фиглярство. Прежний романтический бунт личности уступил в нашу эпоху место непротивлению, смеху сквозь слезы, издевке над собой, над судьбой и всем миром.

В маленьком тельце
жаркое сердце
Мне б – отогреться;
хоть на часок
хоть на чуток.
Помню я с детства…

В некоторые его тексты трудно войти сразу из-за пояснений, ссылок, отступлений, «улетов» в иной ассоциативный ряд. Его эпитеты неожиданны, порой неточны и нагружены уточнениями, которые замедляют восприятие даже на самом трагическом месте. При всем том стихотворение возникает как цельный образ, несмотря на конструкцию, порой дисгармоничную, где каждая строфа может быть создана в разном ритмическом размере.

…Не помню, когда я умер
И сколько прожил жизней,
Рождался в которой умме,
Которой служил отчизне…
Иосиф? Ты думаешь Бродский?
Да нет. Но не менее круто:
Он мне обещал наброски
Из Литинститута.

Во многих текстах Фазира застрочный мир гораздо больше мира, живущего в его стихах. Некоторые оставляют у неподготовленного читателя чувство избыточности, поэта можно заподозрить в постмодернистской коллажности, в игре цитатами. На самом деле это не совсем так. Избыточность обусловлена попыткой придать больший объем поэтическому тексту, дать возможность многоуровневого чтения:

На лето минувшего года
Смотрю я под новым срезом
По парку металась погода,
Больная энурезом.

Его тексты иногда реалистичны, чаще ирреальны. Это поэзия ночи. Так разговаривают в темноте, когда собеседника не видно, и можно говорить в пустоту, надеясь только на то, что тебя кто-то услышит. Это пронизанная болью исповедь того, чье сознание смирилось и готово принять расколотый мир в собственное сердце. Предельная откровенность этой исповеди пугает и привлекает одновременно. Неловкость возникала только в случаях полной откровенности – как будто оказался невольным свидетелем очень откровенных сцен. Иногда создается впечатление, что его поэзия – безотчетное описание душевных бурь, вызванных чувством отверженности; Фазир исповедуется, но не перед Богом, – перед собой, подчас срываясь на самоизобличение или самонаказание, несправедливое, мазохистское. Углубляясь в подтекст, понимаешь, что эти чувства – осознанны и оттого еще более ранящи:

Ни счастья и ни удачи
(Не дай мне Бог!) –
среди людей
Я выбираю дорогу плача
Из всех дорог…

Совершенно иным предстает Фазир в своих переводах. Его переводы с лезгинского и на лезгинский, с иностранных языков на русский свидетельствуют о профессиональной работе со стихией языка в духе традиций классической и традиционной поэзии.

Мы на русском творим –
для книжек.
В мире тусклом –
парим, ведь мы же
Андалузских поэтов нижем
На свой слог.
И на запад летим скорей,
В черный рай на Етим-горе.

Филологическая оснастка его текстов, на которую накладываются многочисленные реминисцентные элементы, чрезмерное обыгрывание ситуаций – придают стихам Фазира характер эклектический. Разброс эмоций затрудняет восприятие. Он так и не вышел пока из рамок своего «эго», и может случиться так, что формальная новизна, эпатирующая откровенность его поэтического высказывания станут привычными и неинтересными. Надо думать, что он, как и другие молодые собратья по перу, придет к освоению новых поэтических пространств через критический пересмотр уже наработанного и через выходы к более широким темам или, хотя бы, к более внятным способам их осмысления.

Нынешний этап развития дагестанской русскоязычной поэзии молодых можно назвать экспериментальным. Эксперимент во многом удался, но, как и в любом эксперименте, здесь немало отходов. Только время сможет расставить все на свои места, но будет жаль, если одаренные авторы потеряются в этом времени.

Творчество Марьям Кабашиловой – тоже достаточно заметное явление в современной дагестанской русскоязычной литературе. Едва заявив о себе выпуском небольшого сборника стихов, она сразу привлекла внимание читателей и литературоведов, нашла единомышленников, став одновременно объектом и строгой, нелицеприятной критики.

Она родилась в 1980 году в Буйнакске. Языковая среда в семье аварская. Закончила филфак ДГПУ. Писать стихи стала совсем недавно, в 2000 году. В детстве и в школьные годы много читала. Приоритеты в литературе, поэзии: Маяковский, Набоков, Есенин, ранний Пастернак, Бродский, Ахматова, Цветаева; и предпочтение отдает Цветаевой. Увлекалась поэзией Серебряного века. Считает, что это увлечение наложило свой отпечаток на ее творчество. Программными произведениями для нее были статьи Маяковского «Как делать

стихи» – периода футуризма, и Есенина «Ключи Марии» – статья периода имажинизма. Утверждает также, что на ее творчество сильно повлияло увлечение Фрейдом, и считает, что искусство призвано освобождать от всяких рамок. В поэзии человек предельно искренен и эта искренность – важнее внешних условностей. Объяснять, о чем стихи, по ее мнению, – невозможно, она уверена, что «сверху» дается материал, а поэт только его перерабатывает. М. Кабашилова не скрывает своей склонности к эпатированию читателя, к парадоксам, но соглашается, что «ломать стереотипы – это тяжело». При этом часто приводит строки собрата по перу – «В стихах мы лучше, чем мы есть». Отвергая упреки в излишней откровенности, говорит, что находится в поиске истины, а человек в этом состоянии самовыражается. «Если человек постиг истину – он будет молчать и наслаждаться общением с Богом». Рассматривает себя в традиционном религиозном контексте, что, однако, противоречит многим ее поэтическим высказываниям. Это же относится к ее этнической самоидентификации.

Здесь мы, скорее всего, имеем дело с частичной ассимиляцией, в основном на ментальном и языковом уровне. Следует заметить, что подобное явление не слишком характерно для молодых людей, выросших в национальной языковой среде, когда, к примеру, вся семья дома говорит на аварском языке. Марьям Кабашилова прекрасно владеет родным языком, читает и пишет на нем, но думает и создает свои стихи только на русском. Она безо всякой оглядки говорит в прессе: «...я считаю себя космополитом, и все «дагестанское» мне претит». При прочтении этих и других высказываний, а тем более поэтических текстов, приходит мысль, что не случайно она увлекается Фрейдом. «Говорят, что художник обязан страдать. Согласна. Страдания облагораживают душу. Все просто: душевный дискомфорт заставляет нас действовать – искать соратников по несчастью, простых сочувствующих. И в качестве языка общения выступает творчество. Благополучие несет спокойствие. Сытость души и плоти губительны для творчества».

И возникают вопросы. Какова подоплека страданий у 23-летней девушки, в чем психологическая причина того, что ее творчество прямо связывается со страданием? Ответ Кабашиловой звучит так: «Я никогда не задумывалась о том, как именно рождаются строки. Но отчего-то именно это чаще всего интересует окружающих. И всякий раз я мешкаю с ответом, т.к. трудно вывести аксиому моих рифм. Они не поддаются схеме».

Я так люблю себя, но все же
Мне нравится порой рискнуть –
Среди бесчисленных дорожек
Я выбрала тягчайший путь.

Первое, что привлекает внимание в ее стихах – слишком интимно, слишком распахнуто, чтобы быть просто словом. И дело не в совпадении сюжетов ее стихов и реальной жизни, а в опасении, что столь ярко декламируемая откровенность откровенностью и не окажется. На ум приходят строки Ольги Ильинской: «Я метафорична и неоткровенна, и нечего искать в моих писаниях правду жизни моей».

Кабашилова хорошо владеет языковыми средствами. Язык для нее – не только средство выражения, но и цель; язык как смысловой поток, сам себя обновляющий и постигающий, способный выразить обертона существования, оттенки мыслимого и немыслимого. А непреодолимое желание побыть в роли представительницы протестной молодежной субкультуры, заставляет ее разрушать в своих стихах традиционную мораль, не опасаясь быть скомпроментированной:

Не смотри так – я боюсь щекотки,
Нежный мальчик, с кожей голубой.
Хочешь знать, как опьянеть без водки?
Как февральской ночью вызвать зной?

Хочешь, научу ленивым взглядом
Равнодушно по губам скользить,
Невзначай садиться слишком рядом,
О любви усмешкой говорить...

Читая стихи Кабашиловой, начинаешь понимать, что слово «мораль» для большей части молодого поколения несет вроде совсем иную смысловую нагрузку. Она перестала быть сводом общих правил, стала персональной манерой поведения. Но даже и при таком отношении к общепринятым нормам автора порою подводит чутье, подсказывающее допустимые границы откровений, как личных, так и связанных со средой, окружением:

Она хотела летать,
Но чаще просто хотела.
Ее дырявое тело
Пытало ночью кровать.

В стихотворении «Владимиру Маяковскому» как и в других текстах тесно переплелось одухотворенное и физиологическое. Метафора любви к творчеству поэта перерастает в метафору плотской любви. Ее нисколько не смущает огромная дистанция между явлениями, образами своей героини и большого поэта. Она сравнивается с ним, обращается к нему на «ты», забирает его из небытия. Ее фантазия делает возможным все, даже кощунство, которое не кажется таким уж неприличным:

Каждый видеть друг друга рад –
Так займемся любовью, что ли...
Кто из нас будет «под», кто «над»?
Ведь в любви не бывает без боли.

Мы нагие – нечего снять.
Бьет по жилам кипящая лава,
Небо звездное – наша кровать.
Одеялом нам будет слава.

Тонко и всегда лаконично рисует она душу страдающую, гордую, дерзкую, независимую, но ищущую приюта. Ее героиня открыта всем ветрам, всем бедам, готова полюбить, и боится разочарования. Отсюда цинизм и самобичевание, демонстративное самолюбование и абсолютизация собственного «эго». И в отличие от некоторых других поэтов нового поколения стихи Кабашиловой лишены оттенков самоиронии, она четко и ясно проговаривает то, о чем в женской поэзии предпочитают умалчивать. Дело в том, что ее поэзию нельзя назвать чисто женской. Ее эпитеты слишком хлестки, метафоры неожиданны, подчас размашисты, отягощены накалом недюжинных страстей.

Обмакни свое сердце в туман моих глаз,
Пролистай мои губы губами.
Все, что сказано – сказано было о нас,
Все, что сказано – сказано нами.

Кто-то истину ищет в пьянящем вине –
Наша истина под одеялом.
Оттого она горькая будет вдвойне,
Что к утру тебя станет мало.

Непокорная натура постоянно ввергает ее то в неоднозначные ситуации, то в горькие раздумья. Порой кажется, что ее несет куда-то та самая, избранная ею самою судьба, иначе просто нельзя понять, откуда столь саморазрушительная, эпатирующая дерзость, категоричность, которые переходят в вызов окружающим, вызов осознанный и непривычный для дагестанского читателя.

Не все так просто и ясно в творчестве Кабашиловой. Она, как и ее единомышленники по «Вербе», активно пытается найти свое место в ситуации духовного безвременья. Одни уходят в сферу метафизических исканий, медитативной лирики, другие, как Кабашилова, пытаются быть свободными в своих высказываниях. Их поэзия тоже бегство от зависимости. Несмотря на ярко выраженную тему страдания, личного, женского, главной задачей поэтессы является не стремление увидеть отражение собственных состояний и показать их другим, а выход в другое пространство, иную реальность, где она сильна и дерзка и неподвластна обстоятельствам. Может быть, это и есть самый надежный способ перестать страдать и начать жить по-новому. Жить с этим миром, потому что другого нам здесь никто не даст. И в этой параллельной реальности появятся совсем другие персонажи и события. Совсем не случайно

заглавие сборника – «Мне бы…», а в стихах часто встречается «нам бы…».

Как и многих молодых поэтов Кабашилову не обошел соблазн, почерпнутый еще из поэзии романтиков, модернистов, поэтов Серебряного века, а более всего – из поэзии декаданса. Окунаясь в сумрачный мир декадентского антикосмоса, выносят они свои явно надуманные загробные мотивы. Конечно, нельзя не принимать во внимание и естественную юношескую зацикленность на осмыслении жизни и суицидальные устремления, свойственные творческим натурам, уходы в депрессию, от которых не свободен никто. Поэтесса решительно уводит свои упования за пределы привычного бытия, ей не жаль гасить естественные и простые чувства. Она обращается к грустным раздумьям. Но жажда жизни по-прежнему призывает вопрошать темную бездну грядущего в надежде прочесть предначертания судьбы. Она, выражаясь словами Достоевского, может из обыденного, бытового явления «устроить» в небольшом стихотворении настоящую драматическую историю. В лирике Кабашиловой этот мятеж приводит к перехлесту страстей, выдавая подоплеку пристрастия ее к фрейдистским концепциям, которые заслоняют порой ее собственную мысль. Жестокое и пылкое женское самолюбие не оставляет простора ее духовным поискам. Она сама осознает это и иронизирует над этим:

В ночном уюте откровенья,
В восторге от самих себя,
Впивались мы с благоговением
В раскаты собственного «я».

Эмир-Махди – поэтический псевдоним Эмира Махтиева. Он родился в Махачкале в 1976 году, в кумыкской семье. Родным языком владеет. Окончил экономический колледж. Стихи пишет с начала 90-х. В 2003-м опубликовал поэтический сборник, в который вошли стихи, написанные более чем за десять лет. Печатается с успехом в прессе российской. Недавно в Москве вышел альманах, где были собраны произведения молодых русскоязычных поэтов из регионов России. Стихи Эмира были отмечены и в рецензии на этот сборник.

Несмотря на молодость автора, тексты его отличаются зрелостью. Все, кто знакомится с его творчеством, не в состоянии до конца понять, каким образом удавалось тогда, еще десять лет назад, подростку, а теперь юноше создать мир, исполненный столь зрелых переживаний, придать ему индивидуальный окрас. Порой в голову приходит мысль о некой мистификации, что, скорее всего, не имеет под собой никакой почвы.

Одаренный поэт всегда испытывает замешательство при попытках объяснить источник своих фантазий. Мир в видении Эмира выстраивается совершенно по-особому. Собственно, все «вербовцы» свое творчество воспринимают как «энергию высшего задания», оно становится для них инструментом видения, спасения, утешения, осмысления, самозащиты, выживания. У Эмира-Махди его высказывания – чаще всего монолог, с которым он обращается к Богу или некоему людскому сообществу, способному понять его, к времени, к судьбе. В одном случае он хочет понять, почему все так трагично, так неуютно в этом мире.

Я пишу потому – что не знаю ответа,
Много лет я хожу по канату,
Как гранату сжимаю в руке амулет,
Я чуть-чуть подражаю солдату.

Для себя он хочет быть мудрецом, постигающим абсурд окружающего. Он знает о собственной предназначенности. Конечно же, он страшится надвигающегося апокалипсиса, но это скрытый страх, он ищет и находит свой путь к Богу. Именно в этой духовной ситуации берет начало поэтика Эмира. Словесное медитирование есть стремление осуществить связь с вечным, переход от индивидуального к трансцендентному, от единичного к общему.

Назову одиночество счастьем,
А веселье тоской назову,
Отрекусь от божественной власти,
Потому что для Бога живу.

У Эмира много авторских масок, ни одна из них не является главной. Он меняется вместе с изгибами собственной фантазии, переходит из одного состояния души в другое. Его поэтический мир – это и свобода, открывающая духовное пространство, и возобновление диалога с мирами сущими, и прикосновение к метафизическим глубинам Тайны бытия. Он создает свои словообразы, в которых одно значение пополняется другим, углубляется и приобретает новый смысл. Вхождение в один мир неизбежно включает в себя уход из другого мира, происходит смысловой перехлест самих понятий, но слова не перечеркивают друг друга, а создают общее эмоциональное поле.

Многие его стихотворения кажутся своего рода филологической игрой, в которой понятийный субстрат не является основным. Бессюжетность таких текстов восполняется высокой степенью ассоциативности, использованием мифопоэтических кодов различных культур, шифров узнаваемых образов, переплетенных личным тайным знанием автора.

В арабской вязи
запуталась моя борода.
В иранских песнях
запутался мой язык.
Я ли тот, чье первое имя Ашик?
Мне ли быть Возлюбленным
в день Суда?

Версия неличностного источника творческого вдохновения была актуальна во все времена. В наше время она актуализировалась в нобелевской лекции Иосифа Бродского: «Поэт, повторяю, есть средство существования языка…» Воплощение этого явления мы находим в текстах Эмир-Махди. Он поэт-сновидец, его лирический герой порой сомнамбулиичен, а чувства, выражаемые им, невозможно объяснить простой логикой. Характернейшей чертой, объединяющей все творчество Эмира, является двойственность восприятия и двойственность отражения. Переход из жизнеподобной плоскости в умозрительную сферу действия совершается незаметно и органично. Ситуативные эпизоды – это даже не канва, а не более чем жизнеподобный фон, который размыт, он не в фокусе. Главное – это зрение автора – сосредоточенное и направленное на случайные и непреднамеренные подробности бытия, которые и оказываются смыслообразующими. Мир воображаемый и мир реальный в его стихах принципиально равновелики и решительно не отгорожены. Они свободно перетекают друг в друга, ибо одинаково живы и суверенны в сознании автора, и мы из глубин этого сознания легко принимаем предложенную условность и пересекаем границы этих миров. Двойственность его героя неизбежно приводит к смене противоположных чувств и настроений, внутренним борениям, диссонансу, отсутствию четких очертаний мира также не единого, не цельного. Все это порождает многозначность его эмоций и настроений.

Освободи меня от болтовни,
Я так устал искать слова и фразы,
В потрескавшемся зеркале двойник
Читает вслух поэмы и рассказы.

Стихи Эмира-Махди – это астральные автопортреты. Он рассматривает свое «эго» со всех сторон, на изменчивом фоне бесконечных взлетов и неудач. Это можно было бы назвать самолюбованием, не будь в них столько горечи. Многие его тексты сигналят о страхе перед открывающейся ему порой бездной и об отвращении к этому страху. У Эмира-Махди это не игра в декаданс. Кажется, над ним постоянно тяготеет нечто, сковывающее его волю. И с этим «нечто» идет спор, диалог, напоминающий самозаклятие, открещивание и бегство – чаще всего под защиту Седого Волшебника, с которым ему легче живется. Но когда лирический герой Эмира выходит из своей

скорлупы, обращается ко внешним факторам, литературным, бытовым, его повествование переходит в некий новый план духовного творчества – более светлый, и тогда, даже говоря о грустном, он остается в «пределах досягаемости».

Я не люблю холодные дома,
В них даже чувствам холодно и сыро,
Читая Пастернака и Шекспира,
Я все пытаюсь не сойти с ума.

Если в текстах многих молодых поэтов многочисленные аллюзии и реминисценции из классиков порой перекрывают их собственный голос, то у Эмира они лишь открывают дополнительные смысловые пространства, обогащая систему поэтических образов и выводя его героя из лабиринтов самоанализа. Читатель неподготовленный увидит в стихах Эмир-Махди лишь малопонятные игры со словом. Усложненность его метафор, сюжетно-тематическая размытость, культурно-мифологические шифры делают его поэзию в какой-то степени явлением элитарным. Но было бы глубоко неверно говорить об авторе как о законченном интроверте, погруженном только в душевные переживания и внутренние образы. Он четко улавливает пульс современности и хорошо ориентируется в реалиях современности. «Спасти нас может только Бог», – сказал в конце жизни М. Хайдеггер – идеолог постмодернизма. Это осознал и проявляет в своем творчестве Эмир-Махди. К пониманию этого приходят и другие молодые современные поэты, которые пытаются, преодолевая хаос в душе и в жизни, пробиться к гармонии.

Заира Гаджибалаева родилась в 1979 году в Махачкале, в семье, говорящей на родном лезгинском языке. С детства хорошо владеет и русским языком. Стихи пишет с ранней юности. В круг ее интересов входят и живопись, и музыка. Тяготеет к творчеству поэтов-символистов, увлечение стихами А. Ахматовой, М. Цветаевой, Б. Пастернака и И. Бродского привело ее в литобъединение «Верба». В 2002 году вышла в свет небольшая книга ее стихов «Люблю...» Несмотря на неоднозначность творческих результатов, есть нечто, что сводит молодых и дерзких литераторов в сообщество. Что и привело Заиру в «Вербу».

Некоторые исследователи психологии творчества считают, что не существует особых творческих способностей, а есть личность, обладающая определенными мотивацией и чертами. И даже, что интеллектуальная одаренность не всегда напрямую связана с творческими способностями. Мол, формирование определенных личностных черт предшествует творческим проявлениям.

Заира Гаджибалаева представляет своим творчеством более «спокойный вариант» поэзии, нежели Ших Фазир и Марьям Кабашилова. Но и у нее ощутимо напряженное столкновение смыслов. Слишком много в современной жизни обид и страха, чтобы в книге, посвященной любви, писать о чувстве светлом и чистом. Потребность постоянно подключаться к электрическому полю любви свойственна всем поэтам, но неизбывный надлом, сопровождающий эту тему, наблюдается в основном у молодых.

Треснуло небо в карих глазах,
Ах, не больно ль тебе от осколков?!
Долго снег на моих губах
Не плакал, не умирал долго.

Любовь из того же духовного ряда, что Свет и Вечность. Она не требует обязательного подробного описания. Новый взгляд современной любовной лирики предполагает совмещение в ней земных и небесных начал. Но мир грез остается в мечтах, а темный лик реальности все чаще мелькает в стихах последних лет. Утверждать себя в живом мире, а не в мире грез – значит сделать шаг к обретению внутренней гармонии. У нее много обращений – к Богу, возлюбленному, морю, своей душе, своей жизни. Однако внутренние бури не заслоняют окружающего мира. В нем нет одинаково хороших или плохих людей и явлений. В ее стихах часто встречается и отрицание того, что называют прошедшим. Все происходит сейчас и, таким образом, остается навсегда. Радость – сейчас, и боль тоже «сейчас».

И в озеристых лужах смеркается,
И сорвавшихся листьев метель –
Это дождь со мной венчается,
Это жизнь моя села на мель.

Узнаваемость есенинских интонаций наводит на мысль об имитации не только стиля, но и чувств героини. Точно так же, когда в строках проступают ахматовские и ритмика, и строфика, и метрика, и ассоциативность. Кроме того, реминисценции из античности и Серебряного века порой слишком очевидны, и тогда на передний план выходит «эффект узнаваемости» цитаты. Это свойственно и другим поэтам «Вербы». Но, читая другие ее стихи, убеждаешься, что это не вся ее жизнь и не имитация чувств. Это только желание выговорить трагический любовный конфликт, и оно столь неодолимо, как и поэтические коды, плотно засевшие в голове, не дающие порой героине говорить своим голосом. А между тем ее стихи – это ее интимный и сокровенный дневник. Ахматовское: «Я научила женщин говорить» – относится и к ней. Когда же героиня З. Гаджибалаевой освобождается от слишком очевидных литературных ассоциаций и начинает говорить своим голосом, ее строки становятся значительно интересней.

Безумьем тревожный
мой Хаос согретый,
Взлетая в безоблачных далей мглу,
Стремится к тебе,
мой гимн недопетый...
Мой разум, влюбленный
в твою немоту.

Поиск способа найти свой собственный уголок счастья в этой жизни и скрытый, но ясно просматриваемый, страх разминуться со своей любовью принимают порой характер болезненно-аффектированный. Этому способствует и двусмысленная духовная атмосфера наших дней, и собственные «бесконтрольные» поэтические эмоции. Хотя из каких-то отрывков очевидно, что Заире присущ негромкий голос и добрый юмор. Можно констатировать наличие новых, непривычных и потому не всегда понятных и приемлемых импульсов. Оригинальные находки, продиктованные импульсивным стремлением к духовному идеалу, желание слиться с ним, полное растворение в нем порождают новое, неведомое до сих пор, ощущение зримости текста. Вот ее посвящение голландскому художнику-импрессионисту Винсенту Ван Гогу:

Желтый мир твой взорвался б
в божественном слове,
Покрывая собой Сен-Реми
и бордель,
И в твоем
с перевязанным ухом портрете
Каждый смог бы найти
свою колыбель...

Эти столь необычные для национального восприятия строки привлекают внимание свежестью поэтических красок, ассоциируются с живописным полотном, пронизанным воздухом иной эпохи, иного мира. Особое движение авторской интонации, какая-то «нездешность», поэтика текста создают некое художественное пространство, где нет места агрессивному самовыражению, самолюбованию или амбициям. Есть только мир художника и мир поэта, соединившиеся так удачно.

«Уходы» в мир любимых художников и поэтов в параллельный, в сущности, мир у Заиры Гаджибалаевой органичны.

Если «воспоминания» о Ван Гоге прописаны тонко и светло, пронизаны красками его живописи, то «Цветы зла» Бодлера, его бунт, его несчастливость, атмосфера его поэзии, отражаются более темными обертонами, здесь передана трагедия героя периода постромантизма. А испанскому поэту Федерико Гарсия Лорке, умершему в расцвете лет, Заира Гаджибалаева посвятила сразу два стихотворения. При этом основной стержень повествования – сила чувства ее лирической героини. Влюбленность в поэзию порождает у нее влюбленность в личность творца. А может, это еще один способ защититься от внешнего мира? В мире, куда она уходит, она свободна от комплексов и разочарований. Она пытается прорваться к какому-то чистому, лишенному пошлости, исполненному любимых стихов бытию. Но не все так плохо, молодость берет свое. И, устав от трагизма, ставшего частью стиля ее и других «вербовцев», она пишет:

Я иду на ощупь твоих слов.
Твоих губ во тьме целую звук.
Я не птица, ты не птицелов,
Но в твои я угодила руки.

Заира Акмурзаева, студентка факультета психологии ДГУ, родилась в 1980 году. Кумычка по национальности, она единственная из отмеченных авторов, кто владеет только разговорным родным языком. В отличие от М. Кабашиловой, З. Гаджибалаевой, Ших Фазира и Эмира она с детства погружена в русскую языковую стихию, хотя в семье предпринимались попытки адаптировать ее к родной языковой среде. Однако все остальные атрибуты национального традиционного уклада вполне приемлет. И в обычной жизни ни в чем не проявляет признаков эпатажности. Личность разносторонне развитая, увлекается литературой, психологией, спортом, музыкой. Проявлений каких-либо конфликтных отношений с окружающим миром в ее поэтических высказываниях не наблюдается. В ее случае, говоря схематично, можно говорить о восприятии стереотипов национального бытия (чего нет у М. Кабашиловой) и о биэтнической культурной идентификации.

Творчество молодых русскоязычных авторов на рубеже веков стало непривычным для Дагестана, но не новым для собственно русской литературы явлением. Как уже отмечалось, поэты объединения «Верба» тяготеют к символизму начала XX века. У каждого свой стиль, свои образы, особенности стихосложения, но все, или почти все, опираются на поэзию символа. Так же, как и у других их предшественников, в текстах молодых авторов проступает очевидное стремление размыть реальное в поэтическом образе и соотнести с некоей идеальностью. Метафора освобождается от качественной определенности. Один из характерных приемов – оксюморонная метафора, основанная на сочетании несовместимых понятий. Образные вариации с ее использованием позволили, например, Заире Акмурзаевой преобразовать картину внутреннего видения в сверхчувственное, метафизическое, иррациональное.

Минор в лабиринт уязвимой души,
В бордо ледяные осколки.
Царапает музыка лунной тиши,
Диктуют безумие волки.

Такая метафора расширяет художественное пространство текста, увеличивает в его контексте видимость незримого. Слово с предметным значением, освобождаясь от своей «сковывающей существенности», как сказал Бальмонт, трансформируется в нем в образно-невесомое, призрачное, а слово общее, отвлеченное, наоборот, обрастает ясными штрихами.

Узлами насмешек питается взгляд,
Вселенная верой заштопана,
Оранжевый мир превращается в ад,
Турман превращается в ворона.

Порой при прочтении стихов «вербовцев» возникает ощущение, что сейчас в них формируется некий усредненный тип: немного искренности, немного театральности, много цитат и стилизаций из Серебряного века. Но бальмонтовские интонации все же не перекрывают индивидуального голоса молодого автора. Образы свежи, метафоры незатерты, хотя и сложны и не совсем понятны. Впрочем, поэты «Вербы» и не претендуют на широкое признание. Они просто есть – и все тут. Так и у Заиры Акмурзаевой: откровенная стилизованность, сконструированная по определенному стандарту, но неизвестным меркам, дает порой интересные результаты, а стремление к совмещению несовместимого в ассоциативном плане придает ее стихотворной манере черты индивидуальности.

Перекрестки смеха, страсти,
Перлы монофобии,
Удержите меня в пасти –
В адовом подобии.

В ее стихах всегда присутствует некая закодированность, действительность деформирована, реальность и фантастика сцеплены в органичном единстве. Сплошная фантасмагория, сплав из узнаваемых художественных образов и совершенно ирреальных элементов. Расфокусированность образа – стиль или неточность? Наверное, ни то, ни другое. Заира как бы присматривается, прислушивается к еще не проявленному, неосмысленному чувству, пытаясь сразу его озвучить и орифмовать. Автор не дает отстояться и укорениться смыслу, следует за захлестнувшим ее ритмом, потребностью выразить свои эмоции.

Ты без стука войдешь в мои сны,
И тебя коронуют рассветы,
Улыбнешься прохладой весны,
И на стенках мелькнут портреты.

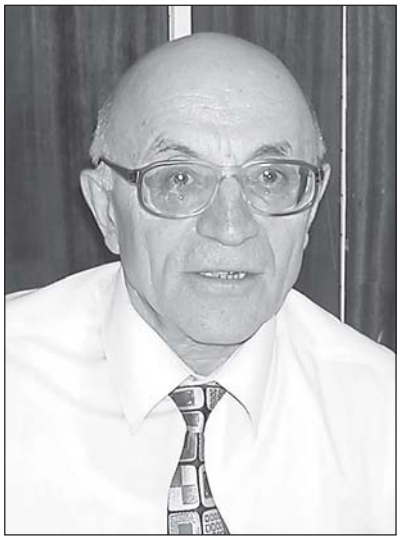
Подобная образность сделалась стихией поэтических текстов З. Акмурзаевой. Сложная вязь интуиции и чувств, «раздвоенная» поэтика, во многом субъективная и небезукоризненная, но необычная своей новизной, насыщенная своими выразительными средствами и приемами – свидетельство процесса постижения молодыми русскоязычными поэтами Дагестана потайной сути образов, символов, смысла русской и западной поэзии. Кроме того, это еще и признак проникновения в ментальный мир творцов прошлого и свидетельство расширения культурно-информационного поля молодых.

Драматизм восприятия окружающего мира – одна из доминирующих мировоззренческих установок наших современных русскоязычных молодых поэтов. Рубеж веков – это всегда кризис, социальный, ментальный, моральный. Для российских же художников слова – это кризис вдвойне. Уход от реальности, тяготение к туманной мистике и метафизике, попытка преодоления хаоса, стремление к гармонии сопровождают каждый новый виток человеческой жизни. Наше время – виток той самой спирали бытия, когда старые традиции, обогащенные новым смыслом, возвращаются в культурное поле всего человечества. Для дагестанской же русскоязычной поэзии это не новый виток, а всего лишь первый опыт обращения к европейской культурной парадигме, воспринятый через посредство русской литературы Серебряного века и более поздние культурно-эстетические течения. Что уйдет, а что останется у этого нового корпуса поэтических текстов – может определить только время.

РЕЦЕНЗИЯ

МАГОМЕД-РАСУЛ

Исследовательский взгляд ученого



Не люблю читать монографии. Поэтому с некоторым скептическим предубеждением начал знакомство с исследованием заведующего кафедрой востоковедения ДГУ Г. Г. Тикаева «Египетский исторический роман», изданным московским издательством «Восточный дом» в конце прошлого года. И не заметил, как увлекся.

Во-первых, монография принадлежит перу дагестанского ученого (что знаменательно) и выгодно отличается от подобных научных исследований простым благозвучным языком, не обремененным сложной научной терминологией. Во-вторых, автор не подменяет анализ пересказом содержания, а скрупулезно исследует художественные особенности творчества египетских писателей. В-третьих, локальную тему становления жанра исторического романа в Египте автор рассматривает в контексте всемирного литературного процесса, происходившего в 30-40-е годы XX века. Достаточно сказать, что один только список использованной литературы составляет 12 страниц монографии. Однако дело не столько в том, какое количество первоисточников он использовал, а в том, какой творческий характер носит этот процесс.

Наконец, в-четвертых, едва ли не главным достоинством работы является ее новизна: это первая не только в дагестанском, но и в российском литературоведении попытка углубленного исследования творчества Бадр ад-Дина Али ал-Джарима, Мухаммеда Фарида Абу Хадида, Мухаммеда Саида ал-Арйана и их роли в развитии жанра. И в-пятых, Г. Тикаев, хорошо владея арабским языком, исследует шесть исторических романов, опираясь не на их переводы, а на язык оригиналов. Это дает возможность вести анализ с учетом стилистических особенностей, что играет немаловажную роль в выявлении творческой индивидуальности писателей.

Сказанное позволяет нам судить о монографии Г. Тикаева как о новаторском исследовании и серьезном вкладе ученого в изучение исторического романа Арабского Востока.

Попытаюсь подтвердить это примерами.

Приводя веские доводы по поводу того, что египетский исторический роман в основе своей опирался на опыт и традиции средневекового арабского романа, исследователь подчеркивает: «Вместе с тем появление современных исторических произведений, как и рождение всей современной художественной прозы в Египте и других арабских странах, происходило в условиях активного освоения опыта европейской прозы, в частности, романтической. На развитие жанра исторического романа в новоарабской литературе сильное влияние оказали произведения европейских романистов, в частности А. Дюма, В. Гюго, В. Скотта».

К чести автора, он не ограничивается констатацией факта, а проводит исследовательскую работу, давая возможность определить самому читателю, насколько значительно и существенно это влияние на произведения авторов арабской литературы.

«В 22 исторических романах Зейдана, – пишет Г. Тикаев, – популярно излагается история арабов. Следуя традиции Вальтера Скотта, Джирджи Зейдан первым в арабской литературе прибегает к приему изображения исторических событий и жизни исторических личностей в тесной связи с судьбами вымышленных героев, что дает ему возможность создать занимательное повествование».

Автор указывает и на некоторую ограниченность и тенденциозность трактовки истории Зейданом, воспроизводящего политические события в отрыве от их социально-экономической основы. Это свидетельствует об аналитическом уме исследователя, о его умении проникать в суть событий и характеров, выявлять их причинно-следственные связи. В этом мы наглядно убеждаемся, когда автор исследует «мамлюкские» романы Мухаммеда Саида ал-Арйана. Примечательно и то, что до Г. Тикаева творчество этого замечательного писателя не становилось предметом специального исследования, если не считать некоторых ссылок на его романы в работах Л. Бораджиевой, Э. Пабст, С. Х. ан-Нассага и других.

Нас волнует творчество Саида ал-Арйана и потому, что его романы повествуют об историческом прошлом народов Северного Кавказа. Для меня, как и, наверное, многих других, явилось открытием то, что с 1382 года по 1517 год верховная власть в Египте принадлежала черкесской династии. Его роман «У ворот Зувейла» посвящен последнему мамлюкскому султану Египта Туман-бею. «События этого романа, – пишет Саид ал-Арйан в первой же главе своего повествования, – начались 500 лет назад в стране грузин («Грузия, родина Сталина») и закончились во дворцах султанов». Туман-бей, по утверждению автора, был представителем одного из самых сильных телом и духом черкесских племен, энергичных на войне и в мирной жизни, в сынах которых были сильны желание победы и дух мести. Причем под черкесами понимались выходцы всех северокавказских народов, в том числе и дагестанские.

Пожалуй, одним из главных достоинств творчества Саида ал-Арйана является создание как в романе

«У ворот Зувейла», так и в романе «Шаджарат ад-Дурр» и в других произведениях целой галереи женских образов. Он впервые в египетской исторической литературе поднимает проблему равенства мужчины и женщины. Если духовный глава мусульман отвергает права Шаджарат ад-Дурр на трон, так как она женщина, а женщина, по его разумению, стоит ниже мужчины, то Саид ал-Арйан приводит убедительные доводы в пользу Шаджарат ад-Дурр и других женщин, проявлявших себя умными и дальновидными политиками.

Г. Тикаев пишет: «В романах перед нами проходит череда обаятельных полнокровных женских образов (Наджла, Баллада, Зенобия и т. д.). Они не вписываются в сложившийся стереотип образа восточной женщины, полностью зависящей от мужчины, забитой и беззащитной, так как все они высокообразованные, деятельные и духовно богатые личности». Это был новый взгляд на положение женщин в египетском обществе. В этом смысле роман «Шаджарат ад-Дурр» как в творчестве самого Саида ал-Арйана, так и в сравнении с романами Джирджи Зейдана, Али ал-Джарима, Мухаммеда Фарида Абу Хадида явился значительным шагом вперед в развитии жанра арабского исторического романа.

«Значение исторических романов 30-40-х гг. XX века, – резюмирует исследователь, – определяется и тем вкладом, который они внесли в развитие современной египетской литературы. Проникнутая просветительскими, национально-освободительными идеями и романтической эстетикой, историческая проза участвовала в формировании реалистического направления, ставшего в 50-е годы ведущим в египетской прозе».

Вместе с тем следует отметить и то, что порою автор оказывается под влиянием установок пресловутого социалистического реализма, когда образы героев произведений создавались исходя не из реалий жизни, а руководствуясь тем, как это должно быть. Недаром говорят: «Восток – дело тонкое». «Тимур в романе Абу Хадида, – пишет автор, – в отличие от его образа, сложившегося в советской историографии, не представлен отъявленным злодеем, и порой даже вызывает симпатию у Джохи, а вместе с ним и у читателя, в частности, когда повелитель, расчувствовавшись от проповеди Джохи, проливает простые человеческие слезы. Впервые увидев Тимура, Джоха удивлен его внешним обликом невысокого, тщедушного человека. Это противоречит его представлению о Тимуре, как о легендарном сверхчеловеке, сложившемуся под впечатлением рассказов воинов правителя, с которыми Джоха общался».

Еще один пример: «Образ Тимура, – читаем у исследователя, – задуман писателем как образ сложной и противоречивой личности, в которой чрезвычайная жестокость сочетается с человечностью и мягкостью в тот момент, когда повелитель находится в хорошем расположении духа».

Как в первом, так и во втором случае не могу разделить авторскую точку зрения, упрекающего писателя в том, что он не представил среднеазиатского полководца Тимура во всех своих делах и поступках отъявленным злодеем, задумал его «как образ сложной и противоречивой личности, в которой чрезвычайная жестокость сочетается с человечностью и мягкостью». В этом я вижу не недостаток писателя, а его заслугу: он изобразил Тимура не как отпетого кровожадного завоевателя, а как человека со своими кричащими недостатками и какими-то положительными чертами характера.

Быть во всем объективным, когда речь идет о человеке, вообразившем себя властелином всех и вся, не так легко. Даже гениальнейший из гениальных писателей Л. Н. Толстой, создавая образ Наполеона, не смог остаться верным всей правде жизни, не увидев в нем ничего привлекательного. «Характер, – писал Жан Поль, – определяется не одной особенностью и не многими особенностями, но их степенью и их взаимоотношением».

По всей вероятности, над Абу Хадидом не довлели ни субъективизм, ни идеи социалистического реализма, ибо он создавал образы героев не по схоластическим догмам, а по внутренним неписаным законам творчества.

В небольшой статье невозможно охватить все аспекты научных проблем по исследованию творчества египетских писателей, в частности – египетского исторического романа 30-40-х годов XX века, поднятые Г. Тикаевым в своей монографии, но и вышесказанное позволяет нам говорить о ярком даровании перспективного ученого.

ПАМЯТЬ

В мае исполняется 59-я годовщина Победы над фашистской Германией. В этой связи естественно обращение к документам незабываемого военного времени. К «документам» литературным, поэтическим, обратилась доцент филиала Московского автодорожного института Патина ВАРИСОВА.

Стихи, война и психология

С первых же дней войны дагестанские писатели и поэты встали на защиту страны и художественным словом, и с оружием в руках. Многие из них погибли в священной борьбе с фашизмом: М. Стальский, Б. Митаров, К. Абакаров, М. Абакаров, М. Дадашев, Б. Султанов... Находясь в пожарище войны, поэты, естественно, писали домой письма, причем нередко и в стихотворной форме. Эти письма, носящие, на первый взгляд, личный характер, адресовались не только близким – их предназначение было более широким. Они в совокупности создали интереснейший в идейно-художественном отношении поэтический цикл, обращение к которому сейчас приобретает особую актуальность в связи со стремлением некоторых новоявленных «историков» подвергнуть сомнению героизм и дружбу наших народов.

И раньше дагестанские поэты создавали глубоко психологичные стихотворения, однако война резко обострила накал эмоций, углубила переживания. Наиболее распространенный и эмоционально насыщенный мотив писем-посланий – это вынужденная разлука близких людей, сопряженная с реальной

опасностью потерять родного человека. Эффенди Капиев говорил: «Граница между тылом и фронтом не географическая, а психологическая».

В мотив разлуки естественным образом «вплетается» мотив верности любви. Поскольку речь идет о жестокой войне, то основная опасность, угрожающая любви, естественно, возможная смерть воина. Противопоставление любви и смерти создает психологически напряженную ситуацию, тем более, если говорится о верности любви даже перед самой смертью:

Если пуля на войне
Оборвет мой путь,
Я умру, зовя тебя,
В поле где-нибудь.

Если мне не хватит сил
Разомкнуть уста,
С мыслью только о тебе
Я умру тогда.

(А. Мудунов. «Прости»)

А вот еще не менее эмоциональные, хотя и бесхитростные строки:

Не страхом смерти
Я сейчас томим –
Я за день
Сотни раз ей шел навстречу,

Как и в последнем
Памятном бою...
Меня страшит лишь то,
Что ты далече,
Что ты
Печаль не ведаешь мою.

(А. Сулейманов. «Письмо без адреса»)

Есть в этих произведениях, присланных с фронта в почтовых конвертах, и «дагестанская специфика», связанная со сдержанностью в проявлении чувств, в подчеркивании того, что невысказанная любовь не менее сильна, чем высказанная:

Я сегодня прочел
все военные письма отца,
Обращенные к матери...
Я перечел много строк.
Нет в них слов о любви,
хоть хранил он ее до конца,
Нет в них слов о любви –
а ее он навеки сберег.
(**А. Мирзаев. «Письма отца»**)

Тонкий психологизм характерен для стихотворений, в которых используется художественный прием мысленного «перенесения» возлюбленной к воину:

На фотографии в платьице белом
(Как видно, снималась ты
в солнечный час)
Со мной побывала
не раз под обстрелом,
В разведках со мною бывала не раз.

(Б. Митаров. «Твой портрет»)

Во многом сходен, но не менее эмоционален и прием сновидения: герой видит любимую во сне, царят тишина, мир, но сон этот снится в блиндаже, что само по себе уже создает психологически насыщенную ситуацию. Воин просыпается, возвращается к жестокой реальности войны и обращается к возлюбленной с проникновенными словами:

Чтоб наяву мы встретились, родная,
Почаще приходи во время сна.

(Б. Митаров. «Сон в блиндаже»)

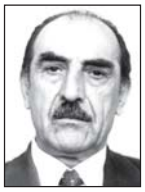
Тоска по любимой, по матери, по близким обычно выражается в общении с родными, с отчим краем, с его природой, что придает произведениям и психологическую наполненность, говорит о патриотизме, неистребимой любви к своей «малой родине».

Любимая, далекая моя,
Красавиц сказочных милее ты,
Ты там, где сердцу милые края,
Где ширь долин и горные хребты...

В цвету там каждый куст и деревцо,
Там милая, там ждет солдата мать,
Ее – в слезах – счастливое лицо,
Ее глаза хочу поцеловать...

(Ю. Алиханов. «Из далекого края»)

Огромное психологическое воздействие на читателя оказывают стихотворения о без вести пропавших на полях сражения воинах, которых дома ждут родные, близкие.



Со времени войны уже прошло
Так много лет. Твой сын подрос.
Созвать бы
На свадьбу сына нынче все село.

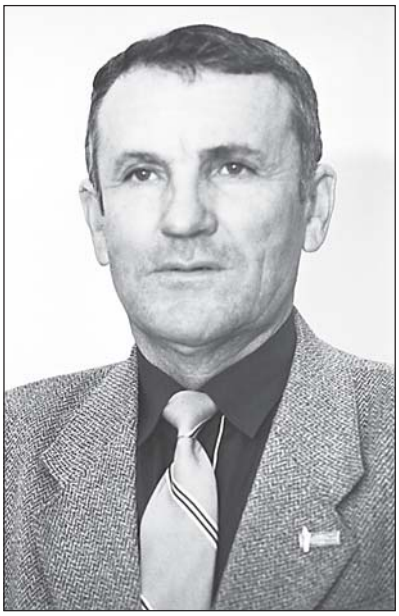
Да невеселой будет эта свадьба.
Жена и сын все ждут тебя, поверь,
С утра надежду отложив на вечер,
Не закрывают и сегодня дверь,
А чуть шаги – уже спешат навстречу...

Эти стихотворные строки А-М. Хачалова хотя и нельзя отнести в строгом смысле слова к эпистолярной поэзии, но оно написано как послание, о чем говорит и его название – «Другу, не вернувшемуся с войны». Здесь нельзя не вспомнить знаменитое стихотворение К. Симонова «Жди меня» и сходное произведение Б. Митарова «Твой портрет»:

...Но если в бою
Мне придется от пули
Надежду на встречу с тобой потерять,
Не верь ни письму,
Ни друзьям, что вернутся,
О том, что погиб я,
Не плачь обо мне...

Думается, что эта «поэзия в письмах» не должна забываться новыми поколениями. Это такая же часть дагестанской литературы, как все, что было написано и издано после войны, как все, что издается и появляется на книжных прилавках сейчас.

Магомедбек ОСМАНОВ



КОЕ-ЧТО О ГОЛОВЕ

Он глупостей наделал
Без оглядки.
О чем тут думать?
Все и так видать!
Покуда молод, дескать, –
Взятки гладки,
Дурацкая привычка –
Рассуждать.
Промчалась череда
Бездумных лет,
Он вдруг увидел,
Что давно уж сед.

За голову свою
Схватившись в страхе,
Он понял горцев
Мудрые слова:
Не только для ношения
Папахи
Нужна, коль ты мужчина, голова.

КТО – О КАЛЫМЕ, А КТО – О ЛЮБВИ...

Уже в свои права вступила ночь,
А сваты, ни на миг не умолкая,
Рядились в доме старого Атая:
Какой калым он должен взять за дочь.

И сватовству базарному не рад
Атай спустился в персиковый сад.
Янтарный свет на листьях серебрился,
Омыла травы хладная роса...

Атай, двоих услышав голоса,
В густой тени каштана затаился.
Неслись из дома крики про рубли,
Из сада – тихий шепот о любви...

Сияла в небе полная луна
И тихим светом озаряла дали,
Атай опешил: двое там стояли,
А тень от них двоих была одна!

ИСПУГАЛСЯ

В сельмаг за водкой
Дочь послал Ахмед.
Проходит час –
Ее все нет, и нет.
Томится он,
Вздыхает у окна:
Когда же, наконец,
Придет Айна?!

Закуска стынет.
Больше ждать невмочь...
Ах как нерасторопна
Эта дочь!
Айну увидев,
Заорал Ахмед:
– Подумать можно,
Что тебе сто лет!
Ты вся пошла
В свою родную мать,
Тебя за смертью только
Посылать!

Айна рванулась
И, не чуя ног,
Упала, зацепившись
За порог...
– Беда! Разбилась! –
Закричал Ахмед
И рухнул сам,
Не видя белый свет...
От страха
Затряслись его поджилки,
Но не за дочь,
А за судьбу бутылки...

Перевод с кумыкского А. ПЬЯНОВА

ОТВЕТИЛИ В ЯНВАРЕ

Медведю пишет Ёж:
«Нет, то не слух,
И Вас я не тревожил бы напрасно.
В столовой кружит стая черных мух,
Таких сердитых – заходить опасно!
Они едят и пьют – все задарма,
Аж в панике соседние дома.
Вы правильно, Медведь, меня поймите,
И меры наказания примите.
Пускай директор или повара
Прогонят мух –
Давно уже пора!»
Ёж думает: «Пожаловался – жди»...
Вот май прошел, июнь, июль промчался...
Вдруг в августе – туманы и дожди,
А в сентябре и в октябре –
все нет начальства!
«Комиссия!» – меж тем пронесся слух.
А мухи – ни одной!
Ёж получил ответ: «Прошу со мной
Впредь не шутить – Вы кляузник...»
Таков Медведь-защитник...

Перевод с кумыкского В. СОРОКИНА

* * *

Он говорил мне: «Жизнь, мой друг, проста,
И усложнять зачем ее напрасно!
Ты будь хитрее лисьего хвоста,
И будешь жить уютно и прекрасно.

Ты вечным правдолюбом с детства рос,
Обвесили чуть-чуть – и хочешь акта.
Зачем во все совать свой острый нос?
Так можно докатиться до инфаркта.

Мы все грешны. Людей безгрешных нет.
Открытье это – древняя наука.
Жить хочешь хорошо? Дарю совет:
Будь глуховатым чуть и близоруким.

А жизнь людей не лучше кораблей:
Всегда опасность есть на риф наткнуться,
Чем сто друзей – имей ты сто рублей,
И тут же у тебя друзья найдутся.

Ты нервы не сжигай по пустякам,
Старайся ветру не идти навстречу,
И умным уступай, и дуракам –
Я лично никогда им не перечу.

И чтобы счастье в доме приручить,
Советую...» Но лопнуло терпенье,
И крикнул я: «Не смей меня учить,
Претит твое мещанское ученье.

Есть чистый снег. Есть чистые сердца.
Есть чистые умы на белом свете,
И я за правду буду до конца,
Пока она, как солнце, людям светит».

САТИРА И ЮМОР

Яхья ЯХЬЯЛОВ

Зульпукар

Высоко на Кавказе в ауле Бултар,
Говорят, жил недавно старик Зульпукар.
Пил бузу, ел хинкал и работал как вол,
Сыновей поднимал, в общем – горный орел.

Подросли сорванцы, разлетелись «птенцы»,
Одинокий старик еле сводит концы.
Обустроил детей он, жену схоронил,
И теперь день за днем все махорку курил.

Сыновьям он в обузу, что бесит его:
Им дома он построил, вопрос – для чего?
Чтобы скрыться могли от больного отца?
И являлись раз в год у родного крыльца?

Зульпукар осерчал и решил научить
Сыновей непутевых «отчизну» любить,
Преподать напоследок мерзавцам урок,
Растрясти на их душах бараний жирок.

Вечерком как-то первенца в гости зазвав,
Ошарашил он парня, меж делом сказав:
«Схоронил я большие богатства в тайник
Для того, мил чей в старости будет мне лик.

В трудный час на тебя я надеюсь, сынок,
Помоги старику, скоро выйдет мой срок.
Я оставлю тебе сбереженья свои,
Если скрасишь последние годы мои».

Пятаки засияли в глазах молодца,
Приютил у себя сердобольный отца
И жене повелел уважительней быть,
Но надеялся – долго ему не прожить.

Время шло… И оправился наш Зульпукар
Теплотой очага – забурлил «самовар»,
Сын с досадой глядел на седого отца,
Понимая, что скоро не будет конца.

И затеяв ремонт, молвит жалкий хитрец:
– Возвращайся к себе ты на время, отец.
Завершится ремонт –
к нам вернешься опять…
И шепнул про себя:
«Через лет двадцать пять».

Вновь старик прозябает в лачуге своей.
И второго зовет к себе из сыновей,
Повторяет ему ту же сладкую речь
Про сокровища, что он сумел приберечь.

Воспылал так же младший любовью к отцу,
Так же думая: дело уж близко к концу.
Пригласил старика к себе жить лицемер,
Все гадая, каков же наследства размер?

Год за годом в мечтаньях прошли,
как сто лет.
Надоело пройдохе – не мил ему свет.
Говорит он отцу: «Я свой дом продаю,
Переехал бы ты уже в саклю свою».

И опять одиноко хворает старик:
Телом высох и взором несчастный поник.
Изможденный, у Бога он скорбно в бреду
Вопрошает: «За что Ты послал мне беду?

Я трудился всю жизнь, не жалея спины,
Обустроил детей и не знаю вины.
Чем прогневал Тебя я, Всевидящий Бог,
За какие грехи Ты со мною так строг?»

Прогремел ему голос внезапно с небес:
«Зульпукар, обманул и тебя льстивый бес.
Поработал немало ты в жизни – все так,
Но работал не меньше тебя и ишак.

Но тебе же, в отличие от ишака,
Дал я разум – в нем сила твоя велика,
И Священную Книгу заветов послал,
Но по гордости ты их забвенью предал.

Упустил ты, старик, мироздания суть.
Я ведь ясно указывал правильный путь:
Поклонялся бы мне, как тебе предписал,
Я детей бы тебе благодарных послал.

Пожинаешь плоды ты гордыни своей.
Эту чашу, бедняга, до капли испей.
Остальное решится по воле Моей.
Не забуду, поверь, и твоих сыновей».

Оклемавшись, детей призывает старик,
Чует – скоро последний придет его миг.
«Умирая, – лепечет, – пока не забыл,
Расскажу, где сундук я с деньгами зарыл.

Покопайте под кучей навоза в саду,
Я вас к ценностям, дети мои, приведу.
Вспоминайте почаще отца своего,
Не постигла и вас дабы участь его».

Не успел еще толком покойник остыть,
Братья бросились в сад,
чтобы денег добыть.
Раскидали ручищами жирный навоз,
Ароматом его наслаждаясь до слез.

Углубляясь под землю, услышали стук,
То лопата ударила, знать, об сундук.
Головою вниз бросились два дурака,
Передрались, помяли друг другу бока.

Все по уши в дерьме, открывают ларец…
Буйволиный в нем рог –
«Что за глупость, отец?!»
Но внутри него ложка и мятый листок,
А на нем нацарапано несколько строк:

«Кто считает, что век свой не даром живет,
Если детям имущество лишь бережет,
Для того повесомей занятие есть –
Пусть он лучше навоз этой ложкою ест.

Тот же, кто, несогласный со мною, решит,
Что главнее души во сто крат сытый быт,
Лучше этот внушительный рог пусть возьмет
И пронзит сам себе ненасытный живот».

Призадумались братья, как жить им и быть,
Как отцово наследство с умом разделить.
И решили обратно его закопать –
Может, детям придется своим передать…

* * *

Эту притчу мне старец Шахбан рассказал,
Когда в небо тропинкой мы шли между скал.
«Мудрость предков, –
промолвил он, – для мудрецов,
Дураки повторяют ошибки отцов».

Алё!

АЛЁ! Зина? Привет. Как дела? Плохо? Ну... Кому сейчас хорошо! Ты уж терпи. Чего у меня нового? Труба новая. Да нет – телефон новый. А ты что подумала, что муж новый? Опять миллионер с нефтяной трубой? Ну ты скажешь, Зинка (про себя – дубинка)! Такое счастье дважды не повторяется. Как взорвали изверги моего ненаглядного, так с тех пор и не имею доступа к недрам страны. Нынешний тоже не из бедных, но не сравнить с той трубой.

Слушай, я чё звоню-то: месяц в городе не была, а родину уже не узнаю... Не уродину, а ро-ди-ну! Ты вообще оглохла, что ли? Я говорю, народ совсем обалдел, дурдом кругом, русского языка не понимают. С утра поперлась на рынок... Да-да, правильно понимаешь – на базар... Спрашиваю: «Колбаса докторская есть?» – «Из коровы, – отвечает, – есть, из барана есть, из свиньи есть, а из доктора сегодня нету». Ты поняла? Дурдом в натуре! «Если очень хотите – организуем в течение трех дней, – говорит. – Вам из какого доктора?» Ты поняла?! Я чуть копыта не откинула.

На обратном пути заехала в хозмаг за шпингалетами... Шпингалеты – это не мои дети, это за-движ-ки такие, которые Петросян воровал в Нижнем Тагиле. Помнишь?.. Слушай дальше. Мужик спрашивает у продавщицы: «Прокладки есть?» – «Нету, – отвечает, – спрашивайте в аптеке». – «У меня краник течет», – объясняет он. «Тогда вам лучше – памперсы, но советую срочно обратиться к врачу», – продолжает эта идиотка. Как? Ну полный дурдом!

Слушай, встретила Толика, однокурсника нашего. Помнишь, который хотел в партию вступить и в анкете, где «семейное положение», написал «есть любовница»? Правдолюб оказался. Сейчас он в правлении рынка. Большая, в общем, шишка... Не сиська, а шиш-ка!

Слушай, а Изю помнишь? Со мной за одной партой сидел. Представь – в Израиль укатил. Все думали, что он умом тронулся: постоянно объявления давал в газету «Торговля – двигатель прогресса». Представь – продал налево двигатель от ракеты «Прогресс» и смылся в Израиль. Вот тебе и дурачок!

Слушай, Зинка (про себя – кретинка), ты, я знаю, политикой интересуешься... Ах, только политиками... Ну все равно. Скажи – буржанадзедемократы – это сорт апельсинов или политическая партия?.. Да? Грузинские буржуи? Я так и думала. Зинуля (про себя – дуля), у тебя, кажется, собака есть на даче. Может, объяснишь мне, а то я не поняла. Слушай. Спрашиваю утром соседку: «Кто у вас вчера скулил всю ночь в квартире, невозможно было уснуть». – «Извините, – говорит, – у нас буль терьер». – «Он что, – спрашиваю я, – плавать не умел, бедняга? Примите мои соболезнования. Но не стоит так убиваться из-за собаки». Ушла с квадратными глазами, как сумасшедшая. Слушай, объясни: терьеры что, все плавать не умеют? Представь, Зинуля, как мало человеку надо: у соседки собака сдохла – такая мелочь, а как приятно...

Слушай, Зина (про себя – дочь кретина), твой первый муж, кажется, писателем был? Нет?.. Маляром? Ну все равно – почти художник. Я чё хочу спросить: дочурка моя, кажется, стихи пишет. Может, богатой поэтессой станет? Вчера кладет отцу на тарелку листок, а там... стихи! Захруман чуть не подавился – до того крутые стихи. Слушай:

Папа тебе я уже говорила,
Ты не стучи на меня кулаком,
Мне наплевать
на твои предрассудки,
Буду ходить я с голым пупком!

Что скажешь?.. Поэтессой – не знаешь? А звездой может стать?.. Какой звездой? Порной? Ты чё, с ума сошла? Какие звезды в парной? Ладно! Я вижу, ты в искусстве ни черта не понимаешь! Провинция! Ладно-ладно, не обижайся, Зинка (про себя – резинка), ты же моя лучшая подруга. Плюнь и прости меня.

...Москва? Ну, что – Москва как Москва. Культурный центр. Что еще скажешь... В первый же день пошли в Останкино на передачу «Дог-шоу»... Ну, да, да – Останкино. Умри. Бешеные бабки за вход заплатили. Слушай! С моим Захруманом в культурное общество выйти нельзя. Со стыда чуть не сдохла. Не успели начать, он спрашивает у ведущего: «Я не понял: собаки – ваши друзья или ваши друзья – собаки?» Слушай, с этим человеком нельзя среди порядочных собачников появиться! Еле-еле его успокоила! Молчал, пыхтел, а в конце его все равно прорвало. «Если, – говорит, – вы целуете собаку, которая лижет у себя под хвостом, означает ли это, что вы целуете собаку под хвост? А если вы живете в одной квартире с собакой, не получается ли, что вы живете в собачьей конуре?» И еще спросил: «Если собака член семьи, не выходит ли, что ваша семья – собачья свора? Да и зачем мне собака, – говорит, – если жена есть? Ее и буду любить».

Представляешь? Вот пёс! Ведущий чуть не загавкал, у него даже язык вывалился, и он завилял... Нет, не хвостом, а с ответом. В общем, нас вывели. Ну, думаю, никуда с ним больше не пойду, а он говорит: «Пойдем в Бермитаж – яйца Фабурже посмотрим!». Скотина! Никакого стыда не имеет! Жене такое предлагает! Кстати, ты не знаешь, за что его так наказали?.. Ну, этого Фибриже. Не знаешь? Жалко... Чуть не убила его! Да не Фаброже. Му-жа!

Ну всё, прощаемся. У меня, кажется, на кухне что-то сгорело – носом чую, и кретин какой-то в шлеме на балконе появился. Пока...

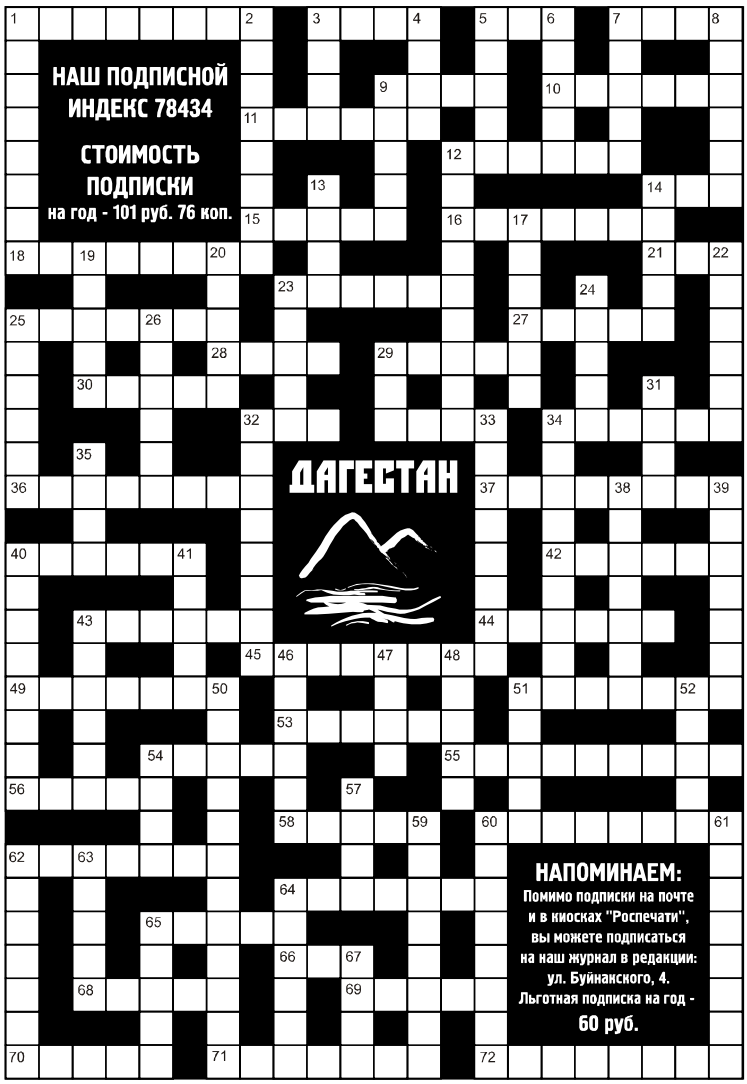
К нашим читателям!

Обращаемся к вам с просьбой. Наверно, вы обратили внимание, что в этом номере журнала, несмотря на обещание «Продолжение следует», нет публикации очередной части книги З. Зульфукарова «Бальзам», в которой он делится личным опытом и рекомендациями авторов, которым он доверяет, испытав их на себе. Редкая периодичность выхода журнала (один раз в два месяца) рождает сомнения в продуктивности таких публикаций (все-таки не газетный еженедельник). Однако есть и ее сторонники. Поэтому разрешить сомнения предлагаем вам. Напишите: вы за или против? Ведь небольшой объем нашего издания заставляет думать об эффективном использовании всех его страниц.

Ждем ваших писем, визитов и звонков. (67-02-08, 67-02-03).

Редакция

КРОССВОРД



По горизонтали:
1. Именно им был когда-то Сасанидский Иран по отношению к Дагестану. 3. Бывает у вопиющего и у народа. Народный в наших краях плохо слышен. 5. Водится в Сулаке. 7. Каспийский ... - идея фикс Петра Первого. 9. В детективах на героя недружелюбно смотрит это отверстие. 10. Корабельный сундук. 11. Там хранятся дагестанские вина. 12. Не Кажлаев, но тоже композитор. 14. Бывает наша, бывает не наша. 15. Мечта молодоженов. 16. Сопутствует простуде. 18. Психологический шок. 21. Доводит до слез. 23. Торговец наркотиками (жарг.) 25. Производитель водки из злаков, картофеля, свеклы. 27. Начинается с вешалки. 28. Самый главный человек. 29. Не признаваемые дагестанскими мужчинами суси-пуси. 30. Производит детенышей. 32. Насыпь перед окопом. 34. Ученый, которого особенно не любят имамы и алимы. 36. Приступ. 37. Кем становится ребенок, когда он не хочет идти в школу и кашляет? 40. Приталенная рубашка. 42. Шлюха по-древнегречески. 43. Парная игра для элиты, которую пытаются развить в Махачкале. 44. Тесное, убогое жилище. 45. Духовая труба гуцулов. 49. Имя героя башкир. 51. Верхний угол ворот. 53. Рукопись в рулоне. 54. Сворачивать с дороги в него – нежелательно. 55. Тот, кого не удовлетворит аперитив. 56. Религия его иметь не рекомендует. 58. Спусковой. 60. Такого автора наш журнал не печатает. 62. Старье. 64. Кирка альпиниста. 65. Этот аспид в Дагестане не водится. 66. Такой продукт производят и в Хасавюрте. 68. «Палач» деревьев. 69. Критерий поиска работы. 70. Тумба, которая держит корабль на привязи. 71. Совокупность средств и приемов для достижения цели. 72. Еще не творение, уже не идея.

По вертикали: 1. «Виагра» для аппетита. 2. Письменное доказательство получения денег. 3. Горячий сладкий ром. 4. Жилище, не характерное для гор Дагестана. 5. Ответ на каждый пункт кроссворда. 6. Лицо, которое не нравится. 7. Его стихия – стадион. 8. Кактусовая водка. 9. Жизненное кредо. 12. Леденцы, название которых очень нравится горцам. 13. Часть Корана. 14. Пирожное, начиненное кремом. 17. Есть у преступления, есть у лекарства, есть у комиссии. 19. Степень жизненной активности. 20. «Задница» судна. 22. Восточный курительный прибор, не прижившийся в Дагестане. 23. Герой по-тюркски. 24. В условиях жесткой конкуренции нам очень важно ее держать. 25. Злачное место. 26. «Хвостатая» путешественница космоса. 29. Единица аукциона. 31. Портниха. 32. Торговец старых «источников знаний». 33. Необходима шевелюре. 34. Первая стадия изнасилования. 35. Страница нашего журнала по своей сути. 38. В ней дурак (согласно поговорке) – победитель. 39. Принятие пищи в монастыре. 40. Мастер по изготовлению фигурных столбиков крыльца. 41. То же, что и сюжет. 43. Город в Московской области, недолгое время бывший Ленинском. 46. Робкое возникновение растительной жизни. 47. Обувь, которую не знали в горных селениях в ненастье. 48. Недагестанское вино. 50. Купля-продажа. 51. Рабочий дока. 52. Документ на языке зека. 54. Это случилось с идеей ваххабизма в Дагестане. 57. Что картофелю от колорадского жука? 59. Дезинфицирующее средство. 60. Шерстяная ткань. 61. Грабитель, бандит. 62. Специалист по разведению и коллекционированию растений. 63. Автомат, но не игровой, а полезный. 64. Подправит работу карандаша. 65. Каюк, кранты. 67. Знаменитый русский юрист.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 4-5 (7-8), 2003 г.

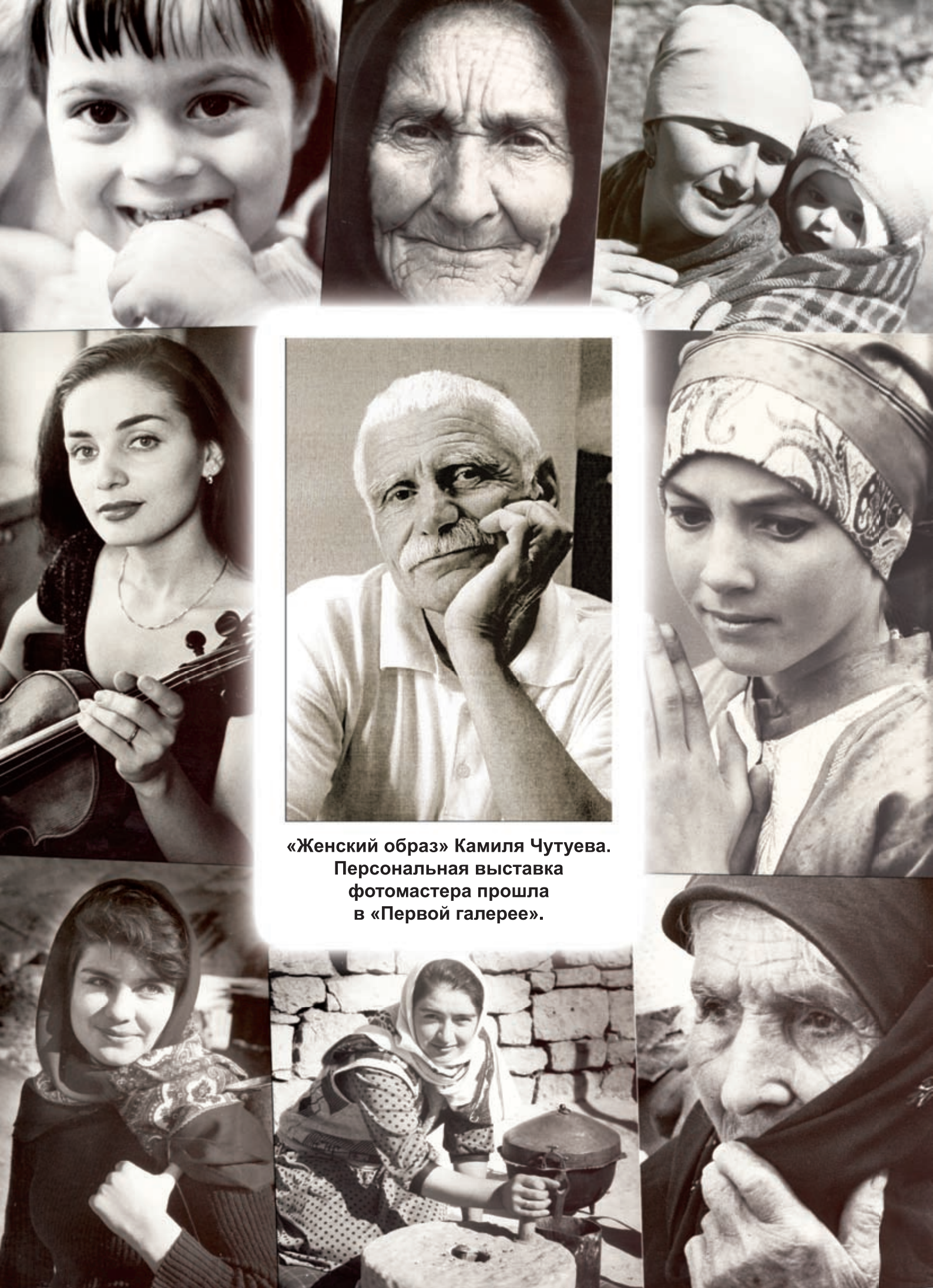
По горизонтали: 1. «Колокол...» 4. «Предание...» 10. Цада. 11. Рог. 12. Глаза. 13. Пес. 14. Сценарий. 16. Мандала. 19. Навары. 21. Пари. 22. Абрек. 23. Адмирал. 24. Сон. 29. Бек. 30. «Легенда». 31. Истома. 32. Сказание. 33. Пират. 37. Богатство. 38. Сват. 39. Исбат. 41. «Тавусе». 43. Вестник. 44. Аул. 45. Сатана. 47. «Осень». *48.* Сонет. 50. Улан. 52. Ахвах. 53. «Горянка». 55. Иран. 57. «Признание». 60. Очаг. 63. Гимры. 64. Певец. 65. Ванга. 66. «Базалай». 67. Лиса. 68. «Габиб».

По вертикали: 1. «Корзины». 2. Луг. 3. «Концерт». 4. Пери. 5. «Долалай». 6. Низами. 7. Час. 8. «Чаша...» 9. «Свадьба». 10. Цена. 15. Автограф. 17. Надписи. 18. Лермонтов. 20. «Вечерело». 25. Весна. 26. Серенада. 27. Адат. 28. «Лестница». 33. Повесть. 34. Патимат. 35. «Аттестат...» 36. «Завет...» 37. Бес. 38. Свирель. 40. Больница. 42. Ева. 43. Время. 46. Акация. 48. Селим. 49. Игла. 51. Нара. 54. Караван. 56. Намаз. 58. Непал. 59. «...имена». 61. Гуниб. 62. «Снег».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 6 (9), 2003 г.

По горизонтали: 1. Укатка. 2. Патима. 10. Суоми. 12. Топорик. 13. Команда. 14. Опала. 17. Остров. 18. Декрет. 19. Гость. 20. Волков. 24. Нарвал. 27. Отрепье. 28. Филипп. 29. Валюта. 30. Ремесло. 31. Домино. 32. Латынь. 33. Станция. 37. Колас. 40. Халва. 43. Паваротти. 44. Навар. 45. Мазут. 46. Аура. 47. Ерси. 48. Орлов. 50. Чайка. 51. Ковальчук. 52. Доска. 55. Анапа. 58. Адвокат. 62. Школяр. 63. Индусы. 64. Монолог. 65. Статья. 66. Роллан. 67. Надувка. 68. Карате. 71. Невроз. 75. Флора. 76. Фанера. 77. Смазка. 78. «Мечта». 81. Америка. 82. Молоток. 83. Метро. 84. Бумага. 85. Клапан.

По вертикали: 2. Капитал. 3. Тырново. 4. АСКО. 5. Мода. 6. Пика. 7. Темпера. 8. Манаров. 9. Строев. 11. Тантал. 15. Программа. 16. Летописец. 21. Ориноко. 22. Критика. 23. Вопрос. 24. Неволя. 25. Рулетка. 26. Антонов. 34. Товаровед. 35. Нары. 36. Истеричка. 37. «Конкорд». 38. Ловелас. 39. Справка. 40. Химичка. 41. Лазейка. 42. Антраша. 49. Клио. 53. Обкатка. 54. Калитка. 56. Недолив. 57. Писсаро. 58. Армяне. 59. Виноделие. 60. Коловорот. 61. Тигран. 68. Кафтан. 69. Рандеву. 70. Тортила. 72. Ермолка. 73. Розетка. 74. Знайка. 78. «Мама». 79. Чета. 80. «Амок».



«Женский образ» Камиля Чутуева. Персональная выставка фотомастера прошла в «Первой галерее».

Работы с выставки художника Саида Тихилова «Дорога в Согратль»